
ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1950

ХЛЕБ ИДЕТ! Фотоэтюд С. Фридлянда.

На первой странице обложки: «НА ТРУДОВЫЕ ПОДВИГИ». Картина художника А. Шепелюка.

На последней странице обложки: «ЛЕТОМ». Картина художника Ю. Подляского. (Всесоюзная художественная выставка 1949 года).

ОГОНЁК

№ 35 (1212) 27 АВГУСТА 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

УЧЕБНИКИ ГОТОВЫ

В переплетный цех московской типографии «Красный пролетарий» то и дело забегали люди из других цехов — печатники, офсетчики, наборщики, брошировщики.

— Как учебники? — спрашивали они.

— Идут учебники, полным ходом идут. К ночи закончим...

— Смотрите, завтра последний день.

Переплетчики завершают сложный и длительный процесс изготовления книги. Вот почему весь коллектив «Красного пролетария» так горячо интересуется успехами переплетного цеха.

Выпуск учебников — почетное и важное задание. Работники типографии взяли социалистическое обязательство — сдать учебники раньше срока. Около 93 миллионов листов-оттисков прошло через их руки. География, русский язык, математика, история, литература... Отлично поработали печатники В. Н. Логинов и Т. Г. Яковлев, по-стахановски трудилась комсомольско-молодежная бригада брошировщицы М. С. Никитенко. Теперь очередь переплетчиков.

Работники переплетного цеха сделали все, чтобы выполнить обязательство и досрочно дать школам учебники к новому учебному году. Ни на минуту не останавливалась папкоделательная машина — новинка советской полиграфической промышленности. Она изготавливает за смену до 10 тысяч папок для переплетов. Чтобы ускорить производство, на «Красном пролетарии» сконструировали и изготовили машину, в которой переплеты сушатся токами высокой частоты.

1 сентября миллионы советских детей, сев за парты — в уральском селе или узбекском городе, в московской или мурманской школе, — откроют новенькие учебники, на последних страницах которых обозначено скромным мелким шрифтом: «Отпечатано в 3-й типографии «Красный пролетарий».

В переплетном цехе завершается процесс изготовления книги. На снимке: переплетчица Н. Ф. Лобанова за работой.

Фото В. Савушкина

ХЛЕБ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Д. Г. ОНИКА,
заместитель министра угольной промышленности СССР

В День шахтера наша Родина чествует славный труд горняков.

Угольная промышленность — одна из основ народного хозяйства страны. «Без угольной промышленности,— говорил В. И. Ленин,— никакая современная промышленность, никакие фабрики и заводы немыслимы. Уголь — это настоящий хлеб промышленности».

Советская страна исключительно богата каменным углем и по его запасам занимает первое место в мире. За минувшие четыре с половиной года послевоенной сталинской пятилетки наша угольная промышленность прошла замечательный путь развития, а шахтеры вписали немало новых блестящих страниц в летопись трудовой доблести советского народа и умножили славу шахтерского труда.

В 1947 году тов. В. М. Молотов в докладе о 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции заявил: «Мы уже добываем больше каменного угля, чем до войны». За этими словами скрывался гигантский труд советских людей по восстановлению разрушенного, по восполнению громадного ущерба, который нанесла война угольной промышленности Донецкого и Подмосковного бассейнов. Потребовалось всего 2 года после окончания второй мировой войны, чтобы советские шахтеры превзошли довоенный уровень добычи угля.

История мировой техники еще не знала такого объема работ и таких темпов восстановления, какие были осуществлены советскими горняками после войны в Донбассе. Достаточно сказать, что из затопленных здесь фашистскими оккупантами шахт было откачано более 600 миллионов кубометров воды. Если бы этой водой наполнить канал глубиной в 3 и шириной в 5 метров, то он опоясал бы весь земной шар. В то же время в Донбассе было восстановлено свыше 1300 километров горных выработок,— тоннель такой длины мог бы соединить Москву с Ростовом-на-Дону. Были здесь подняты из пепла и руин и вновь построены десятки тысяч домов. Эта гигантская работа была осуществлена в кратчайшие сроки. Социалистический Донбасс вновь стал самым крупным по добыче угля и наиболее механизированным угольным бассейном нашей страны.

В четвертом квартале 1949 года среднесуточная добыча угля в нашей стране достигла уровня, намеченного пятилетним планом на 1950 год. Умножая свои производственные победы, шахтеры в текущем году досрочно выполнили шестимесячную программу и дали сверх плана сотни тысяч тонн угля. В результате успешного выполнения плана наша Родина по размерам добычи угля вышла на первое место в Европе и на второе место в мире.

Осуществляя указание товарища Сталина о всемерном развитии механизации тяжелых и трудоемких работ, горняки добились того, что по уровню механизации нашей угольной промышленности мы превзошли любую из капиталистических стран. К концу прошлого года механизация основных процессов в очистных забоях была доведена: по зарубке угля — до 99 процентов, по доставке — до 99,5 процента, по откатке — до 93 процентов, по погрузке в железнодорожные вагоны — до 99,5 процента.

В нашей угольной промышленности не только расширяется механизация угледобычи, но и качественно изменяется техника: угольные шахты и стройки во все возрастающем количестве пополняются новой, более совершенной техникой. Так, за последние два года в наших шахтах появился высокопроизводительный угольный комбайн «Донбасс». Этот комбайн полностью механизирует самые тяжелые и трудоемкие работы в шахтах: зарубку, отбойку и навалку угля. Каждая такая машина заменяет 30 навалоотбойщиков.

Наши шахты щедро оснащаются и другими новыми машинами, предназначенными для всех процессов добычи угля. На смену старым врубовым машинам вводятся более мощные и совершенные. Качающиеся конвейеры уступают место более производительным и надежным в работе скребковым транспортерам. Свыше тысячи погрузочных машин используется на прохождении подготовительных выработок. Они механизируют наиболее тяжелый и трудоемкий процесс погрузки угля и породы, облегчая и в два — три раза ускоряя прохождение выработок.

Быстро реконструируется и подземный транспорт. В довоенные годы транспортировка угля в шахтах по сравнению с зарубкой и доставкой была менее механизирована. Этого разрыва сейчас уже нет, и конная откатка теперь почти полностью ликвидирована.

Широко применяется механизация на строительстве шахт.

Внедрение новой техники коренным образом преобразовало труд шахтеров, подняло его на новый, более высокий уровень квалификации.

Одновременно с этим возрос культурный и технический уровень работающих в шахтах. Каждый год на шахты приходят десятки тысяч молодых квалифицированных рабочих. Для угольной промышленности готовят кадры специальные горно-технические школы и училища.

Рост технического оснащения шахт и широкое внедрение новой техники способствуют непрерывному росту производительности труда рабочих в угольной промышленности. Только за первое полугодие этого года производительность труда горняков по сравнению с соответствующим периодом прошлого года увеличилась на 11,4 процента.

Совершенно иную картину, чем в советской угольной промышленности, мы видим в капиталистических странах Запада. В Англии, например, со времени окончания первой мировой войны до настоящего времени угольная промышленность находится в состоянии тяжелого кризиса. За истекшие 36 лет добыча угля даже не приблизилась к уровню 1913 года; в прошлом году она достигала лишь 74 процентов к 1913 году, а производительность труда английских шахтеров в 1948 году была ниже, чем 60 лет назад.

В Соединенных Штатах Америки и в Англии жизнь шахтеров исключительно тяжела. Хибарки, сколоченные из ящиков и обломков, теснятся вокруг шахт в Америке. Значительная часть строений в этих шахтерских поселках принадлежит угольным компаниям, которые за пользование жалким жильем взимают с шахтеров до 40 процентов их заработка.

Об охране труда на американских шахтах не заботятся ни государство, ни предприниматели. Несчастные случаи и катастрофы в США превратились в «бытовое» явление. По числу человеческих жертв в угольной промышленности в результате аварий и катастроф Соединенные Штаты Америки занимают первое место в мире. По официальным данным, в период второй мировой войны ежегодное количество убитых и раненых горняков в среднем составило 17 процентов к числу подземных рабочих в США. В те же годы потери американской армии были в два с лишним раза меньше. Таким образом, американские солдаты на фронте были в бо́льшей безопасности, чем американские шахтеры, находившиеся в тылу.

Жизнь и быт шахтеров в «маршаллизированных» странах еще более безотрадны.

Бессмысленно было бы сопоставлять положение советских шахтеров и положение горняков в капиталистических странах.

Труд шахтеров в нашей стране — дело чести, дело славы, доблести и геройства. Его высоко ценят народ, советское государство.

Шахтеры в нашей стране награждаются за отличный, новаторский труд, за выслугу лет и безупречную работу орденами и медалями Советского Союза; лучшим из лучших присваивается высокое звание Героя Социалистического Труда. За последние 3 года только за выслугу лет было награждено около 100 тысяч шахтеров. Ста пятидесяти шахтерам и командирам угольной промышленности за выдающиеся трудовые заслуги перед Родиной присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Для шахтеров в нашей стране установлены специальные преимущества и льготы: высокие пенсии и повышенные пособия по временной нетрудоспособности. При достижении 50-летнего возраста шахтерам назначается пожизненная пенсия в размере половины получаемого оклада. Эта пенсия выплачивается независимо от получаемой заработной платы, если шахтер продолжает работу. Кроме всего этого шахтерам ежегодно за выслугу лет выдается единовременное вознаграждение — от 10 до 30 процентов годовой заработной платы. Только за последние 3 года за выслугу лет горнякам было выплачено 2,1 миллиарда рублей.

Для руководящих и инженерно-технических работников угольной промышленности введены персональные звания.

Рабочим, бригадирам, горным мастерам, проработавшим на подземных работах не менее 10 лет и имеющим особые заслуги, присваивается звание «Почетный шахтер». Это звание уже дано 11 825 шахтерам.

Государство расходует ежегодно сотни миллионов рублей на охрану труда горняков, на оплату путевок на курорты, в дома отдыха, ночные санатории и профилактории, на лечебное питание и другие нужды шахтеров.

Огромные средства выделяет государство на жилищное и культурно-бытовое строительство для шахтеров. За четыре года послевоенной пятилетки было построено и введено в эксплуатацию около 5 миллионов квадратных метров жилой площади. В этом году будет построено еще 2 миллиона квадратных метров новых жилищ.

В угольных бассейнах благоустраиваются старые и растут новые города и поселки. Увеличивается число клубов, дворцов культуры, театров, средних и высших учебных заведений.

Только в прошлом году в шахтерских городах и поселках было построено 515 социально-культурных учреждений, в том числе десятки школ, клубов и кинотеатров, больниц и поликлиник, детских садов и яслей, столовых и магазинов, бань, прачечных. В этом году будет сдано еще 865 таких учреждений.

В городах Шахты, Сталиногорск, Прокопьевск, Кизел и Караганда началось строительство Домов физической культуры с большими водными бассейнами. Эти великолепные дома будут гордостью нашей угольной промышленности.

К своему празднику в нынешнем году наши шахтеры пришли с успехами. Но, как учит нас товарищ Сталин, советским людям не пристало успокаиваться на достигнутом. У нас имеются еще серьезные неиспользованные резервы. Выявить и использовать их на благо Родины — неотложное дело работников угольной промышленности.

День шахтера — не только смотр трудовой доблести горняков, но и день мобилизации их на выполнение новых боевых задач, поставленных партией и правительством.

Многотысячная армия советских шахтеров все шире развертывает борьбу за досрочное выполнение каждой шахтой и стройкой плана 1950 года по добыче угля и капитальному строительству, за лучшее освоение новой техники, за работу по графику, за цикличную организацию производства и дальнейшее повышение производительности труда.

Факты жизни

Б. ГАЛИН

Листы мира

Я видел эти скромные «листы мира» в тихий рассветный час, когда солнце осветило вершины старых осокорей, вознесшийся к небу копер и стоявший посреди шахтного двора маленький столик, на котором лежала стопка белых листов. И первые подписи увидел. Их заносили в «листы мира» люди доброй воли, простые советские люди на шахте имени Сталина.

Бывают в жизни такие моменты, когда самые обыкновенные слова приобретают могучую силу убеждения и власти. Исторгнутые из груди народа, они «весомо и зримо» ложатся на чашу весов истории. Именно так — весомо и зримо — звучит каждое слово Воззвания Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Оно пробуждает в сердцах людей доброй воли чувство силы и уверенности в правоте святого дела борьбы за мир.

Сама по себе каждая подпись — это живая, творческая биография советского человека.

Ткаченко...

Помощник главного инженера шахты. Он склоняется над «листом мира» и первым ставит свою подпись. Сержант, командир артиллерийской разведки, он хорошо знает цену мира: он добыл его в боях с фашизмом.

Вот он выпрямился и уступил место бригадиру комбайновой лавы.

Амелин...

Депутат Верховного Совета СССР Петр Григорьевич Амелин бережно берет в руки «лист мира». Оглядывает своих товарищей по труду. Вот они, его друзья, его товарищи, простые советские люди, на которых равняются люди доброй воли всего мира!

Амелин недавно вернулся из Москвы; там на сессии Верховного Совета СССР он вместе со всеми депутатами, вместе с нашим отцом и учителем утвердил Заявление Верховного Совета СССР, выражающее уверенность в том, что движение сторонников мира, и прежде всего Стокгольмское Воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, получит единодушную поддержку советского народа.

Вернувшись с сессии, Амелин поехал с делегацией шахтеров на одну из соседних шахт помочь ей выйти из прорыва. С этой шахтой его связывали воспоминания молодости; каждый тополь и клен в поселке были ему друзьями, когда-то юношей он высаживал их... Его встретили как старого, доброго друга. Кто-то предложил начать встречу с торжественного собрания. Ведь это же приехал не просто машинист комбайна, а Петр Амелин, старый товарищ, государственный человек! Но Амелин, посоветовавшись с друзьями, решил начать по-другому — пойти в шахту. Взяли лампы, скинули парадные шахтерские мундиры, переоделись в брезентовые куртки и штаны, переобулись и спустились в забой. Так началась эта встреча друзей. А на другой день утром Амелин был уже у себя дома и одним из первых поставил свою подпись под Воззванием. Он считает, что нужно подпись сделать весомой, значительной, и берет на себя обязательство работать ещё лучше, еще производительнее.

Он протягивает «лист мира» своему соседу.

Бочарников...

Его правая рука изуродована. Тяжелое осколочное ранение. Это один из тех людей, которых в Донбассе называют человеком оптимальных планов. Начальник участка, он работает, как принято говорить, всегда с плюсом, всегда с перевыполнением плана. Помню, в сорок девятом я впервые услышал имя на-

Сбор подписей под Стокгольмским Воззванием Постоянного комитета Всемирного Конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия.

На шахте № 29 имени Сталина треста «Рутченковуголь» подписывают Воззвание знатный машинист угольного комбайна, депутат Верховного Совета СССР П. Г. Амелин (справа) и проходчик-стахановец Н. В. Пилипенко (слева).

Фото Л. Азриеля

Трест «Лисичанскуголь». Инициатор почасового графика, машинист комбайна «Донбасс» П. А. Десятериченко (слева) со своим последователем комсомольцем Е. К. Могильниковым. Тов. Могильников дает за смену 230—250 тонн угля при норме в 55 тонн. Сотни передовых шахтеров Донбасса подхватили опыт новатора Десятериченко.

Фото С. Фридлянда

чальника второго Восточного участка Бочарникова. Вместе с группой инженеров он разработал сквозной график, график цикличной работы в комбайновой лаве.

В те дни мне не удалось с ним встретиться: Бочарников был в отпуске. Я ознакомился с лекцией, которую он прочел в Донецком индустриальном институте. Мне рассказали, что профессора, горные инженеры и практики выслушали ее с огромным интересом: Бочарников затронул самые коренные вопросы организационно-технического руководства в комбайновой лаве. Как всякое живое дело, «сквозной график», разработанный на шахте имени Сталина, обобщал опыт новаторов, вбирал в себя передовую техническую мысль и ту как будто нигде не записанную, но само собой разумеющуюся коммунистическую сознательность, которая движет исканиями людей новаторского склада.

Я встретился с Бочарниковым осенью в шахтерском санатории на берегу Черного моря. Удивительный это санаторий: когда сюда приезжают забойщики, машинисты комбайнов, водители врубовок, горные инженеры, управляющие трестами, партийные работники, они словно привозят вместе с собой и ту атмосферу горняцкой стремительной, живой деятельности, которой они живут у себя на шахтах.

В ранних сумерках на холме сидел плечистый человек в синей пижаме и безотрывно глядел на море, залитое до самого горизонта широкими расходящимися лучами закатного солнца. Кто-то позвал его из окна:

— Алексей Кузьмич!..

Он не отозвался.

— Хорошо! — сказал он после короткого молчания, точно не в силах был оторваться от моря. — Это ж не каждый день видишь у себя дома.

— Когда домой? — спросил я.

— Дней через пять... Но душа уже там.

Я попросил его уточнить: где именно, на какой шахте?

— В Рутченкове,— тихо проговорил он,— на двадцать девятой, — и, улыбаясь, точно видя себя уже дома, добавил: — На втором Восточном...

Я вспомнил: это ведь участок Бочарникова, Алексея Кузьмича Бочарникова.

Да, это был он, Алексей Кузьмич Бочарников. И мне захотелось услышать от него, как он «дошел до мысли», что без графика, и притом сквозного графика, жить и работать нельзя.

Он сделал усилие, зажимая в пальцах карандаш, и на листке блокнота стал набрасывать схему сквозного графика. Рисунок этот, сделанный изуродованной рукой, словно отражал страсть и размах большевика-горняка, охваченного пафосом освоения новой, высокой техники.

И вот я снова вижу Бочарникова. Он зажимает меж пальцев перо и медленно выводит свое имя — славное имя начальника передового участка, работающего по цикличному графику.

— Плюс пятьсот, — негромко говорит он. Это и есть обязательство второго Восточного участка: работать с превышением плана на пятьсот тонн.

...Вот о чем может рассказать лист борьбы за мир — белоснежный лист, на котором ставят свои подписи советские люди, люди доброй воли.

Надо мечтать!

1

Константин Петров, секретарь одного из райкомов партии города Кадиевки, посоветовал однажды пропагандисту Рудневу подготовить для молодежи лекцию на тему о мечте.

— Шире круг мечтаний! — сказал Петров и, улыбнувшись, добавил: — Только не вздумайте отрываться от земли. Помните о насущных проблемах дня...

— О добыче? — спросил Руднев.

Сын горняка, он вырос в Донбассе и хорошо знал, что все в этом крае угля и металла, все — в том числе и партийная работа — проверяется и оценивается работой шахт и заводов.

— Шире круг мечтаний! —снова сказал Петров и, как бы намечая основу будущей лекции, ее, так сказать, внутренний смысл, проговорил медленно: — «Вы человек партийный и должны интересоваться всем».

Слова эти были знакомы пропагандисту, как, впрочем, и всем товарищам в райкоме, знакомы и близки потому, что это были слова сталинской реплики, сказанные почти полтора десятилетия тому назад в Кремле, на Всесоюзном совещании стахановцев, парторгу шахты «Центральная-Ирмино».

В те времена Петров работал парторгом на этой шахте. Он был одним из тех донбасских коммунистов, которые, выполняя волю партии, организуя творческую активность рабочего класса, находились у самых истоков величайшего движения современности.

— Что, — тихо сказал Руднев, — вспомнилось?

Да, такие вещи не забываются... И — точно это было вчера — секретарь райкома живо, с какой-то особенной отчетливостью вспомнил сталинскую реплику и все то, что ей предшествовало: августовскую звездную ночь тридцать пятого года, пласт «Никанор-восток» на крутом падении и Алексея Стаханова, который рубил уголь отбойным молотком, а за ним крепили. Петров светил ему своей лампой. К утру они вместе со Стахановым вышли на поверхность и на цементном полу бани, потные, усталые, разгоряченные, стали мелом подсчитывать, какую же добычу дал в эту ночь Алексей Стаханов. Вышло 102 тонны. А норма была — 7 тонн. Они еще раз пересчитали. И снова вышло — 102 тонны.

«Думали ли об этом великом значении стахановского движения Стаханов и Бусыгин, — ожили в памяти Петрова сталинские слова, — когда они приступали к ломке старых технических норм? Конечно, нет. У них были свои заботы, они стремились к тому, чтобы вывести предприятие из прорыва и перевыполнить хозяйственный план. Но, добиваясь этой цели, им пришлось разбить старые технические нормы...»

А Мирон Дюканов, забойщик и парторг участка «Никанор-восток», открыто и доверчиво глядя прямо в лицо товарищу Сталину, сказал: «Раньше мы сами рубали и сами крепили, а сейчас мы труд разделили».

И товарищ Сталин с живостью отозвался:

— В этом суть успеха.

И Петров рассказал товарищу Сталину и всем участникам совещания о том, как они у себя на шахте дошли до мысли разделить труд, использовать до дна технику — отбойный молоток. Вот тогда-то Иосиф Виссарионович и спросил его:

— А как работают врубовые машины?

Даже теперь, полтора десятилетия спустя, вспомнив этот эпизод в Кремле, Петров смутился и покраснел. К своему стыду, он тогда не сумел со знанием дела ответить товарищу Сталину на этот вопрос. Честно говоря, он не знал, не интересовался положением с врубовыми машинами. Он знал тогда лишь свою шахту, и его мысль партийного работника ограничивалась только отбойным молотком. А врубовые машины — этот решающий механизм в добыче угля в Донбассе — выпали из поля его зрения. Кто же о них должен был доложить товарищу Сталину — парторги других шахт? Стало быть, каждый думает только о себе, о своем хозяйстве!..

— Вы человек партийный, — сказал ему товарищ Сталин, как бы раздвигая рамки своего вопроса о врубовых машинах и точно советуя парторгу, поучая его на будущее,— и должны интересоваться всем.

Слова эти товарищ Сталин сказал по обыкновению негромко, но Петрову и тогда и теперь, когда он вновь вспоминал их, казалось, что они прозвучали на всю страну, на весь мир.

И, мысленно произнеся эти сталинские слова, секретарь райкома вновь как бы перенесся в то чудесное время — время своей молодости. Он все помнил. И Сталина, который все эти дни был со стахановцами, с огромным интересом слушал их рассказы о самом главном, слушал, вглядывался в их лица, задавал вопросы, бросал реплики, острые, полные жизни...

Руднев понимал, что творится сейчас в душе секретаря райкома, который так глубоко задумался, что не сразу расслышал настойчивый телефонный звонок. Петров встряхнул головой, точно освобождаясь от воспоминаний, и продолжил разговор о теме будущей лекции.

— И добычу не забудь, — сказал он, крепко сцепив пальцы. — Все увяжи. Будущее и настоящее.

Он потянулся к телефонной трубке. Звонили с шахты «Анненка». Прижав плечом трубку, Петров раскрыл блокнот и стал записывать суточную добычу.

— Медленно плюсуете, — сказал он; его тонкое, подвижное лицо осветилось улыбкой; он круто повернулся к Рудневу и проговорил, улыбаясь: — А в комбайновой лаве у них дело наладилось. Наладилось! — ликующим голосом воскликнул он.

«А доведись, — вдруг подумал он, — если бы выпало такое счастье, теперь встретиться с товарищем Сталиным... О чем бы он теперь спросил? Я знаю, он, наверное, спросил бы: «А как работает новая техника, как работают угольные комбайны?..»

От одной этой мысли сердце обожгло радостью, празднично стало на душе. Петрова охватило то настроение, какое бывает у человека, работающего в гуще жизни, когда лучше, глубже и зорче видишь все вокруг, видишь всю жизнь в движении. И, думая о Сталине, секретарь райкома сказал Рудневу:

— Присмотритесь к нашим стахановцам, стахановцам послевоенной пятилетки. Что это за люди? Как они живут, о чем они мечтают? Над чем думают и работают?

2

«Всем интересоваться — такова природа советского человека»,— размышлял Руднев, работая над тезисами своей лекции. Он помнил

свой разговор с секретарем райкома, помнил сталинскую реплику парторгу шахты «Центральная-Ирмино». Ему хотелось передать своим слушателям тот, присущий советскому человеку глубочайший интерес ко всему, что творится на белом свете, с новой силой раскрыть перед ними величие той прекрасной цели, ради которой все мы живем и которая рождает великую энергию в нашем народе.

Лекция Руднева имела успех у шахтерской молодежи, ее словно пронизывал свет ленинской мысли: «Надо мечтать!»

Чувство мечты — это то воспитанное в советском человеке всем ходом нашей жизни замечательное свойство и умение... «забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками...»

Страстное желание найти свое место в общем строю, в общей борьбе за коммунизм отражается и на самой мечте, которая носит у нас действенный, наступательный характер.

Сама жизнь, факты и явления из жизни страны, Донбасса, родного района, своей же шахты, сама эта жизнь, быстротекущая, высокая по темпам, творчески многообразная, давала возможность пропагандисту строить свою лекцию и глубоко и страстно. Он стремился передать своим слушателям полное чудесного оптимизма ощущение: «Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что были сегодня».

Весною этой я встретился в Кадиевке с Рудневым. Он показал мне подробные тезисы своей лекции; я слушал его рассказ о тех дополнениях, которые сделала жизнь к мечте пропагандиста, и мысленно повторял строки стихов скромного горняцкого поэта Горянинова из «Красного Луча»; они, мне кажется, удивительно просто передают смысл наших мечтаний. Вот эти строки:

— Мы учимся смотреть его глазами
За горизонт — вперед, вперед!

Смотреть его глазами — это значит не успокаиваться на достигнутом, воспитывать в себе драгоценное качество большевиков — чувство нового.

Я люблю Кадиевку — этот маленький город шахтеров. То живое, творческое, что родилось полтора десятилетия в недрах одной его шахты, продолжает жить и развиваться.

Эти молодые клены с тонкими стволами и нежно-суровые ели, привезенные издалека и хорошо прижившиеся на донецкой земле, этот чудесный, полный света Дворец культуры, воздвигнутый в центре города, и поликлиника, и стадион — все эти, на первый взгляд, такие привычные факты из жизни Кадиевки приобретают глубочайший смысл, как живые, из жизни взятые, жизнью проверенные факты коммунистического строительства.

Все здесь сделано во имя человека. «Лучше, красивее и прочнее, чем до войны!» — вот под каким лозунгом строилась и восстанавливалась Кадиевка. А ведь было разрушено и уничтожено свыше 1400 различных зданий!

Большевики в этом донбасском городе добились столь значительных успехов в борьбе за восстановление, потому что вся партийная организация была нацелена на решение этой задачи. Отсюда размах и большевистская деловитость в борьбе за новую Кадиевку.

Во Дворце культуры я увидел галерею скульптурных портретов передовых людей Кадиевки, чьими трудами восстановлен город. Коммунист Синяговский — один из тех, кто начинал свою работу в шахте на заре стахановского движения, воспитал целое поколение молодых горняков. Врубовый машинист Смоляков, завершивший несколько пятилетних норм; домашняя хозяйка Чуркина; учитель Новиков, воспитавший сотни юношей и девушек; горный инженер Пушкарев, организатор стахановских методов труда; строитель Родин; врач, депутат горсовета Куперман; Герой Социалистического Труда Касауров...

Все нити руководства жизнью сходятся в горкоме партии. Секретарь горкома Костогрыз, когда я пришел к нему, был занят чтением писем. Они лежали на столе большой стопкой, письма трудящихся Кадиевки. Большинство из них было посвящено вопросам быта и культуры родного города. Письма он читал с огромнейшим вниманием: синим карандашом были подчеркнуты критические замечания, отдельно выписаны советы, предложения.

— Знаете,— сказал Сергей Андреевич, бережно беря в руки стопку писем,— характер писем чрезвычайно интересен. Общий тон их — жить становится все лучше и лучше. Читаешь — и душа радуется: как выросла активность трудящихся!

Костогрыз быстрым движением раскинул руки и, выставив плечо, точно наступал, задумчиво проговорил:

— Помните, у Сталина...

Его загорелое лицо осветилось улыбкой, и тихо, со сдержанной силой, сказал он глубоко запавшие ему в душу сталинские слова:

— Одно дело, когда десяток—другой руководящих товарищей глядит и замечает недостатки в нашей работе... Другое дело, когда вместе с десятком—другим руководящих товарищей глядят и замечают недостатки в нашей работе сотни тысяч и миллионы рабочих, вскрывая наши ошибки, впрягаясь в общее дело строительства и намечая пути для улучшения дела.

Он открыл ящик письменного стола, достал из папки старые письма и стал читать их вслух. Читал он медленно, с таким чувством, будто это были стихи:

«Все трудящиеся нашего славного шахтерского города знают и чувствуют, товарищи коммунисты, что главная инициатива и вся та созидательная и кропотливая работа, которая проводится в настоящее время по благоустройству нашего города, принадлежит нашей городской партийной организации. Мы это видим в каждом новом доме, в каждом новом парке. На душе так много хорошего, сердце полно благодарности партии за заботу о трудящихся.

Если мы вас не обидим, то хотим сделать следующие критические замечания, то есть то, что мы видим, чувствуем и понимаем своим умом...»

Читая эти предложения трудящихся, Костогрыз комментировал своими словами каждую мысль.

«Следовало бы продлить освещение центральной улицы имени Кирова до трамвайной остановки».

— Сделано! — с каким-то особенным удовольствием произносил секретарь горкома.

«Осветить улицу Карташова...»

— Сделано!

«Установить фонари с люстрами возле кинотеатра, возле швейной фабрики, возле аптеки, у редакции «Путь Серго», возле школы и возле почты...»

— Сделано!

«Просить советскую власть, чтобы в этом году отпустили средства на восстановление нашей Кадиевской рабочей поликлиники».

— Восстановлена!

Костогрыз, улыбаясь счастливой улыбкой, подошел к раскрытому окну, откуда виден был город.

— Видели нашу поликлинику? А стадион? А Дворец культуры? Ну, как? Правда ведь, что Кадиевка поднялась, отстроилась? Мы мечтаем, — сказал он и быстро поправился, — планируем сделать ее еще лучше.

«Мечтаем — планируем»— это звучало слитно. Костогрыз вглядывался в пейзаж родного города, и блестящие глаза его словно говорили: вот что может сделать творческая активность советских людей. Это и понятно: наши планы аккумулируют созидательную энергию народа, превращая возможности, заложенные в нашем строе, в действительность.

...Совсем недавно я получил из Кадиевки письмо, в котором изложены были планы работ по строительству и благоустройству города на этот и на будущий год. «Помните, рядом с Дворцом культуры был пустырь — там мы заканчиваем строительство летнего павильона-беседки. Заканчивается строительство южной трибуны стадиона «Победа». Начинаем строить музыкальную школу с концертным залом на четыреста человек. Осенью высадим 15 000 деревьев и кустарников на улицах Октябрьской, Пионерской, Артема и др. Начали строить профилакторий в Ирмино. А в будущем году обязательно построим Дом физкультуры, Дом техники, водолечебницу, оранжерею и цветочный магазин. И еще мечтаем, планируем...»

И вдруг я увидел большевика, увидел, с каким горячим участием он читает письма трудящихся, требующих, поправляющих, советующих, — письма советских людей, глубоко заинтересованных в общих судьбах нашего строительства, и мне показалось, что я не только вижу его, склонившегося над письмами, но и слышу веселый, бодрый голос: «Сделано! Будет сделано!»

Театр уральских горняков

Многолетняя дружба связывает коллектив Кизеловского драматического театра с горняками Уральской кочегарки. Труппа театра выезжает также в другие города бассейна — Губаху, Половинку, Коспаш, Александровск — и на крупнейшие шахты. Она дает до 25 выездных спектаклей в месяц.

В репертуаре театра: «Счастье» Павленко, «Чужая тень» Симонова, «Тайная война» Михайлова и Самойлова, «За вторым фронтом» Собко. Из классики — «Мещане» Горького и пьесы Островского. К празднику Дня шахтера Кизеловский драматический театр подготовил пьесу из жизни уральских шахтеров «Дорога первых» свердловского драматурга А. Салынского.

Пьесу эту работники театра обсуждали с горняками шахты имени Ленина треста «Кизелуголь», с которым коллектив театра заключил договор социалистического содружества.

Театр во главе с режиссером И. Смуровым взял на себя обязательство по художественному обслуживанию шахтеров и систематической помощи их самодеятельности.

Сцена из спектакля «Счастье» в исполнении артистов Кизеловского драматического театра. Воропаев — А. Глотко, Ленка — А. Флерова.

Справа: новое здание Кизеловского драматического театра.
Фото Р. Брисмана

На каникулах

В Великих Сорочинцах

Как и в школьные годы, собираются по вечерам студенты у реки. Раздаются песни, шутки, смех. Слева направо: Доля Маринченко, Юрий Савин, Лариса Курдяева, Григорий Лесовой, Надежда Пушкарь, Андрей Байрачный, Мария Холодная, Тамилла Саранчук, Леонид Дяченко, Любовь Любченко.

На всю Россию прошумела сорочинская трагедия — массовое выступление крестьян в 1905 году и кровавая расправа с ними. В Великих Сорочинцах и сейчас живут некоторые участники этих событий.

Директор музея Гоголя Н. М. Козеленко — один из организаторов восстания крестьян в 1905 году. О нем он и рассказывает студентке-историку Любе Любченко, которая готовит лекцию по истории родного села.

И. ВЕРШИНИНА **Фото Д. ТРАХТЕНБЕРГА**

Домой на каникулы! Об этом начинают думать студенты задолго до сдачи последнего экзамена. Так было и с Марусей Холодной. Еще предстояли два испытания, а она уже считала дни, оставшиеся до отъезда в родные места.

Сидя в общежитии за книгой, Маруся мысленно проделывала путь от Киева до Сорочинцев: доезжала до Миргорода, садилась там на попутную машину, и грузовик мчал ее к клубу или к сельсовету — все равно куда, лишь бы скорее быть в Великих Сорочинцах!

В прошлом году, закончив с серебряной медалью сельскую десятилетку, Маруся Холодная поступила на физико-математический факультет Киевского университета. И вот она впервые приезжает в село студенткой.

Не терпелось увидеть родных, погулять по любимым местам и ее подруге Наде Пушкарь. Хотелось поехать с матерью на поле и, повязавшись косынкой, подавать снопы в молотилку, или возить зерно от комбайна к току, покрикивая на ленивых волов: «Цоб, цоб!», — или пойти с девушками и хлопцами на мост и там петь, петь до утра.

Еще школьницами спелись Надя Пушкарь и Маруся Холодная. Голоса их разносились вечерами над речкой Псел. Не раз выступали девушки на концертах самодеятельности. Но Надя учится в Харькове, на филологическом, и зимой подружки были разлучены. Зато каникулы уж они непременно проведут вместе.

В первый же день Надя побежала к музею Гоголя. С детства любила она повести своего великого земляка. Дома сохранился у нее старенький, затрепанный томик избранных его произведений, среди которых, конечно, была и «Сорочинская ярмарка». Теперь рядом с этой книжкой студентка поставила привезенное из Харькова собрание сочинений любимого писателя.

На месте маленького домика, где в 1809 году родился Николай

Непривычная тишина наступила у молотилки. Студент Григорий Лесовой начал доклад о положении в Корее.

Васильевич Гоголь, домика, который сожгли фашисты, силами колхозников построено здание музея. Комнаты пока пустовали. Когда же откроется музей? Какие материалы будут в нем выставлены? Это мог знать только директор музея Н. М. Козеленко. И Надя отправилась к нему.

— У меня сегодня настоящий приемный день,— сказал, улыбаясь, Никита Минович Козеленко. — С утра все молодежь приходит. Вы что, тоже лекцию готовите?

В палисаднике, где Надя Пушкарь беседовала с Никитой Миновичем, показалась высокая фигура Любы Любченко. Две недели назад приехала она из Львова, где учится на историческом факультете педагогического института. Она-то и рассказала Наде о затее приехавшей на каникулы молодежи.

А дело было в том, что сорочинские студенты решили во время каникул не только принять участие в полевых и других работах колхозов, но и «поделиться» с земляками приобретенными в институтах знаниями.

Это легко было сделать историкам, медикам, филологам. А как быть Леониду Дяченко из Института пищевой промышленности? Ребята шутливо предлагали ему объезжать ежедневно полевые кухни и пробовать обед. Ну а поскольку он был единственным специалистом в этой области, то девушки, смеясь, напрашивались в помощники.

Дяченко от помощников не отказался, но нашел для них другое занятие. Все они получили бумагу, пузырьки с тушью, баночки краски и тут же под руководством Дяченко, слывшего в институте хорошим художником-оформителем, принялись писать лозунги, оформлять стенгазету.

Нашлось дело и географам. Интересно было составить подробную карту Сорочинцев и их окрестностей, исследовать почву и природные богатства района.

Филолог Тамилла Саранчук со своими подругами приступила к выпуску в колхозе «Большевик» «боевых полевых листков». Здесь были и стихи об урожае и лозунги. Писали девушки о лучших людях колхоза, писали и о непорядках.

...Просторная хата на поле предназначалась для ночлега колхозников, которым после работы далеко добираться до дома. Но хата была в таком запустении, что туда неохотно заходили. В одном из «боевых листков» девушки сатирически изобразили этот ночлег. Назавтра плоды их труда были налицо: окна вымыты, пол заново вымазан, порядок наведен.

В разгаре колхозное лето. Зеленеют огороды, налились фрукты в садах, выше человеческого

У молотилок, комбайнов, за скирдованием, за очисткой семян — всюду встретишь студентов.

Редакции колхозных «боевых листков» работают тут же, в поле. В колхозе «Большевик» газету «За высокий урожай» выпускают студентки-комсомолки Доля Маринченко (слева) и Тамилла Саранчук.

В школах села Великие Сорочинцы занимается 1057 детей. Отсюда идет пополнение рядов сорочинских студентов. Уезжают в большие города получать высшее образование дети колхозников Екатерина Копытко, Иван Захарченко, Владимир Поляничка и многие другие.

роста поднялись статные подсолнухи, до самого горизонта раскинулись поля с копнами сжатого хлеба. Особенно людно на молотьбе. Вздыхает локомобиль, трещит барабан молотилки, быстро поглощая сноп за снопом. Только успевай поправлять граблями скирды обмолоченной соломы да оттаскивать упругие мешки с золотым зерном!

Но вот прозвучал сигнал — отдых. К молотилке подкатил велосипедист. Это студент-историк Григорий Лесовой. У Лесового с собой карта Кореи. Он рассказывает о международных делах. Колхозники радуются продвижению Народно-освободительной армии, бросают гневные реплики по адресу американских агрессоров. Лесовой делает краткий обзор и последних новостей по области. В дни, когда Трумэн требовал новых средств на вооружение, в Полтавском облисполкоме разбирался вопрос о дополнительных ассигнованиях на музей Гоголя в Великих Сорочинцах.

Коммунист Григорий Лесовой принадлежит к семье потомственных революционеров. Его дед был одним из активных участников массового выступления сорочинских крестьян в 1905 году. Отца Григория, учителя, коммуниста, в годы Отечественной войны ушедшего в партизаны, на глазах односельчан расстреляли фашисты.

Еще будучи студентом Сорочинского педагогического училища, Лесовой занялся изучением прошлого своего села. История села Сорочинцы — первый его научный труд.

...Умолкает трудовой шум на полях. Возвращаются из станов колхозники. Только студенты — неугомонный народ — не расходятся по домам. Они собрались в сельсовете и принимают обращение ко всем студентам Миргородщины.

— «Мы обязуемся...» — читает Гриша Лесовой.

И студенты, перебивая друг друга, предлагают свои обязательства.

Поздно вечером выходят студенты из сельсовета и веселой гурьбой с песнями направляются к Пселу. Здесь, на мосту, на котором, быть может, некогда озорной парубок залепил грязью дородную физиономию важной супруги Черевика, любимое место сбора молодежи. А где молодежь, там песни. Звенят в ночи высокие девичьи голоса, затем мелодию подхватывают хлопцы. Песня стелется над рекою, кочует по полю...

Наступает осень. Сто семьдесят пять сорочинских студентов разъезжаются по различным учебным заведениям Союза. Отправились в институты и выпускники сорочинской десятилетки. В будущем году они тоже вернутся на каникулы и продолжат славные традиции своих старших сестер и братьев.

Тесно связаны Сорочинцы с именем Николая Васильевича Гоголя. Здесь родился прославленный писатель, эти места воспел он в «Сорочинской ярмарке». «Великому земляку» — гласит надпись на памятнике Гоголю, возвышающемся в центре села.

В ШАХТЕРСКОМ ГОРОДЕ
(г. Кадиевка, Донбасс).

Улицы и площади обновленного города украшаются скверами, скульптурами, фонтанами.

В центре города построен новый Дворец культуры имени Горького.

Вблизи шахт построен универсальный магазин.

Фото С. Фридлянда

Занятия в лаборатории Кадиевского горного техникума.

Непреодолимое движение

Евгений КРИГЕР

Пятнадцать лет назад, 31 августа 1935 года, удары отбойного молотка на шахте «Центральная-Ирмино» в Донбассе положили начало наиболее жизненному и непреодолимому движению современности — стахановскому движению.

В тот день донецкий шахтер Алексей Стаханов вырубил за смену 102 тонны угля, перевыполнив норму добычи в четырнадцать раз.

Многим людям за рубежом это могло показаться чудом. Там, где действует волчий закон капитализма, закон эксплуатации и наживы, люди не могли понять, что побудило простого советского рабочего совершить столь выдающийся трудовой подвиг, что заставило его ломать старые, прочно укоренившиеся технические нормы. А то, что непонятно, всегда кажется чудом.

Но чудо перестает быть чудом, если оно повторяется в практике многих и многих людей, входит в повседневную жизнь.

Пример шахтера Стаханова вызвал могучий отклик во всей Советской стране. Движение разрасталось, охватывало все новые отрасли народного хозяйства, порождало новых героев.

Удивительные, необыкновенные вести летели со всех концов страны. Это напоминало погожий весенний день, когда накопленное в природе тепло вдруг сразу прорывается из-под снега ручьями, трогает лед на реке, обнажает набухшую влагой землю, наполняет небо восторженным птичьим гомоном и пробуждает в душе человека такое ощущение света, бодрости, силы, что он поневоле восклицает:

— Эх, до чего ж, в самом деле, жить хорошо!..

То была и впрямь весна — весна пятилеток.

По сталинскому плану великих работ миллионы советских людей с невиданным в истории человечества размахом осуществили строительство сотен, тысяч заводов, фабрик, электростанций, шахт, рудников. Не ручьи шумели повсюду в ту весну пятилеток — могучие полноводные реки брошены были на колеса турбин. Стихийная энергия превращалась в энергию, подчиненную человеку.

Все пришло в движение, все сдвинулось с места. Армии строителей перевалили через Уральский хребет. Их героическим трудом воздвигнуты были гигантские металлургические заводы в степи у горы Магнитной и на пустынных некогда берегах реки Томи, возле Кузнецка.

Сибирский уголь соединился с уральской рудой.

Россия превращалась в страну металла, электричества, могучих машин.

Таких темпов развития промышленности не знала ни одна капиталистическая страна мира.

Этого добился народ-строитель, вдохновленный дальновидной мыслью великого Сталина, энергией героической партии большевиков.

Вот в какое время зародилось стахановское движение, вот что было для него жизненной основой: миллионы советских людей получили в свое распоряжение новую технику, стали хозяевами крупных, современных заводов, получили на вооружение первоклассные машины и механизмы. Теперь нового увеличения производительности труда можно было добиваться не просто физическим напряжением, а работой ума, искусным использованием техники, уменьем выжать из нее все, что она может дать человеку.

В разгаре великих работ, предначертанных сталинским планом, рядом с фигурой ударника появилась новая фигура — стахановца.

При социализме, писал Энгельс, «...ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их».

Спустя два года после рождения первого в мире социалистического государства Владимир Ильич Ленин писал: «Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда».

В годы первой пятилетки множество людей города и деревни, приходивших на строительные площадки гигантских заводов, не имело опыта; иные никогда до тех пор не видели ни кранов, ни экскаваторов, ни транспортеров. Они начинали с того, что брались за лопату, становились землекопами, чернорабочими. Но страна вела их за собой, пятилетка стала для них величайшей школой. И в 1935 году с трибуны Первого всесоюзного совещания стахановцев прозвучали слова товарища Сталина:

«Перед вами люди, вроде т.т. Стаханова, Бусыгина, Сметанина, Кривоноса, Пронина, Виноградовых и многих других, люди новые, рабочие и работницы, которые полностью овладели техникой своего дела, оседлали ее и погнали вперед. Таких людей у нас не было или почти не было года три тому назад. Это — люди новые, особенные».

И какой удивительной силы предвидения исполнены были сталинские слова: «Сегодня стахановцев еще мало, но кто может сомневаться, что завтра их будет вдесятеро больше?»

Когда мы оглядываемся сегодня вокруг, нам кажется, что не пятнадцать лет, а целая эпоха отделяет нас от того времени, когда на донецкой шахте зародилось стахановское движение. За это время народ выдвинул из своей среды могучую плеяду выдающихся новаторов, в индустрии и сельском хозяйстве возникли новые формы социалистического соревнования, охватывая все большие и большие массы трудящихся, превращая соревнование в закон жизни советского человека.

Неодолимая сила социалистического соревнования проявилась в годы Великой Отечественной войны. Советский солдат смело шел на подвиг, чувствуя за своими плечами поддержку всего трудового народа. Забудем ли мы время, когда, готовя оружие нашей победы, соревновались стахановские вахты, фронтовые и гвардейские бригады; когда ценой упорных исканий, героического напряжения разума и воли в советском тылу, как и на фронте, побеждали не числом, а уменьем?

И победа пришла!

Вскоре товарищ Сталин зажег сердца советских людей новой грандиозной программой великих работ. Послевоенная пятилетка снова показала всему миру неоценимые преимущества социалистического уклада жизни. Многие города Западной Европы еще лежали в развалинах, в то время как у нас один за другим вступали в строй сотни восстановленных заводов, повсюду возникали новые очаги индустрии, а рабочие, мастера, инженеры действующих предприятий день ото дня повышали выработку, перекрывая довоенные нормы.

Личный успех на производстве уже не удовлетворяет советского человека. Он счастлив по-настоящему, если его достижение делается достоянием многих.

Знаменитый почин мастера завода «Калибр» Николая Российского был выражением поистине государственного подхода к делу передовых людей рабочего класса. Николай Российский вместе с технологом Мариной Карпенцевой создал первый в стране стахановский участок. Он решил, что недостаточно только подтягивать отстающих или воспитывать выдающихся одиночек, творцов отдельных рекордов. Он осуществил в цехе такую систему организационных и технических мероприятий, при которой каждому, именно каждому члену цехового коллектива уже нельзя не быть стахановцем, каждый рабочий рано или поздно становится стахановцем. В результате цех в восемнадцать раз увеличил выпуск микрометров по сравнению с 1941 годом.

Удалось это еще и потому, что рабочие сумели применить стахановские методы при переходе на поточный выпуск микрометров.

— Небольшая как будто вещица микрометр, — говорит Российский, — а без нее нельзя сооружать ни хороших моторов, ни турбин, ни автомобилей, ни самолетов, ни станков. Каждый рабочий в нашем цехе знает, что его ошибка даже в сотую долю миллиметра впоследствии может вызвать остановку турбины или авиационного двигателя. Микрон, он ведь в сорок раз тоньше человеческого волоса. Вот мы и воспитываем у наших людей уменье сквозь эту щелочку тоньше человеческого волоса, сквозь каждый микрон смотреть далеко, видеть всю страну, общее дело народа.

Формы социалистического соревнования многообразны, как сама жизнь. Многих последователей во всех отраслях народного хозяйства имеет сегодня Александр Чутких — создатель первых бригад отличного качества. Они родились на Краснохолмском камвольном комбинате в Москве, но вскоре стало известно, что с предприятий новое движение распространилось на колхозные поля, где вожаком первой в стране тракторной бригады отличного качества стал Иван Шацкий.

Плавную, ритмичную работу по часовому графику ввела Валентина Хрисанова на производстве радиоламп, но сегодня мы знаем, что стахановцы многих производств и профессий также перешли на работу по часовому графику.

Таких примеров сотни и тысячи в нашей стране, где передовые рабочие и мастера земледелия стали, как говорил товарищ Сталин, своего рода общественными деятелями, научились рассматривать каждое свое начинание с точки зрения интересов всего государства.

Передовые рабочие ныне трудятся рука об руку с экономистами — государственное отношение к делу побуждает их по-хозяйски заниматься вопросами рентабельности предприятий, снижения себестоимости продукции. Рабочих-новаторов и мастеров колхозного урожая мы видим сегодня на кафедрах научно-исследовательских институтов. Они читают лекции, они делятся своим опытом со студентами и профессорами, они зовут ученых в цехи, и люди передовой, советской науки идут на заводы, на колхозные поля, чтобы знаниями своими обогатить людей практики, помочь им осуществить самые смелые замыслы.

В содружестве с учеными, в творческом социалистическом соревновании с миллионами других рабочих, мастеров, инженеров стахановцы открывают новые страницы в развитии техники. Так наша страна стала родиной скоростного резания металлов. Токари-скоростники Генрих Борткевич, Павел Быков, Алексей Марков и их последователи вводят такие усовершенствования, которые иногда заставляют людей науки переделывать прежние конструкции машин, учебники, наставления.

Примеру советских стахановцев следуют рабочие в странах народной демократии. Непреодолимое движение современности распространяется всюду, где рабочий человек становится хозяином жизни, где плоды его труда идут на благо народу.

Социалистическое соревнование рождает новое, истинное, справедливое понимание чести, достоинства человека, высшей его радости — творить и трудом своим украшать землю.

В Праге состоялось заседание Бюро Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. На заседании были подведены итоги кампании по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием. Это Воззвание уже подписали более трехсот миллионов человек.

Бюро обратилось к Совету Безопасности ООН и правительствам всех стран с заявлением, в котором от имени сотен миллионов простых людей всего мира требует прекратить военные действия в Корее, прекратить бомбардировки гражданского населения, вывести из Кореи все иностранные войска и заслушать в Совете Безопасности представителей Северной и Южной Кореи.

На снимке: председатель Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира Фредерик Жолио-Кюри выступает на заседании Бюро.

Фото В. Соболева (Фотохроника ТАСС)

К СОБЫТИЯМ В КОРЕЕ

Доблестные солдаты Народной армии на всех фронтах продолжают вести наступательные бои. Танкисты, летчики, пехотинцы, выполняя приказ Верховного Главнокомандующего корейской Народной армии Ким Ир Сена, успешно очищают свою страну от интервентов.

На снимках: вверху — солдаты Народной армии на привале; внизу — американские военнопленные.

Центральному Комитету Коммунистической партии Бельгии

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза выражает глубокое соболезнование Коммунистической партии Бельгии по поводу злодейского убийства фашистскими наймитами империализма председателя Бельгийской компартии, верного сына бельгийского рабочего класса товарища Жульена Ляо.

Уверены, что компартия Бельгии еще теснее сплотит свои ряды и повысит бдительность в непримиримой борьбе с империалистической реакцией за дело мира и демократии, за национальную независимость Бельгии.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Неутомимый борец за дело рабочего класса

Весть о подлом убийстве товарища Жульена Ляо — председателя Коммунистической партии Бельгии, неутомимого борца за дело рабочего класса, верного друга Советского Союза — вызвала глубочайшее возмущение трудящихся Бельгии и всего мира.

Жульен Ляо, пламенный агитатор и организатор народных масс, был зверски убит фашистскими наемниками бельгийской реакции потому, что он боролся за счастье своего народа, разоблачая антинародную политику бельгийского правительства, идущего на поводу американских империалистов.

Когда в бельгийском парламенте проходила комедия принятия присяги принцем Бодуэном, Ляо воскликнул: «Да здравствует республика!»

Этим самым он выразил волю широчайших народных масс Бельгии.

В знак протеста против зверского убийства Жульена Ляо тысячи и тысячи трудящихся объявили забастовки. Только в одной Валлонии забастовало более ста тысяч рабочих.

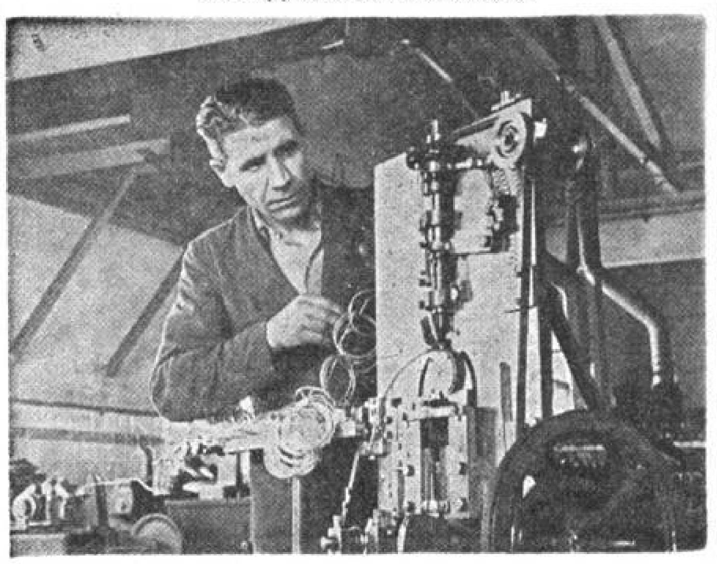
Похороны Жульена Ляо вылились в могучую демонстрацию трудящихся масс против бельгийской реакции, действующей по указке американских поджигателей войны. Провожая в последний путь своего любимого руководителя Жульена Ляо, рабочие и все трудящиеся Бельгии клялись продолжать его дело, дело борьбы за мир, за демократию, за национальную независимость Бельгии.

Станки конструкции слесаря Суряхина

...Если бы не маленькая медная дощечка, этот станок ничем не выделялся бы среди других машин, установленных на заводе: много новинок появилось здесь за последнее время. Тут станки из Москвы, автоматы из Барнаула, прессы из Чимкента.

И среди них по праву, как равный среди равных, свой заводской автомат с медной дощечкой, надпись на которой заслуживает того, чтобы привести ее целиком:

Министерство металлургической
промышленности СССР
Завод имени Молотова
Автомат для изготовления транспортных колец
конструкции И. М. Суряхина.

Иван Михайлович Суряхин у сконструированного им автомата.

Почему руководители завода сочли необходимым выгравировать фамилию автора этого станка на табличке? Кто такой Иван Михайлович Суряхин? Не ищите его ни в коллективе конструкторского бюро, ни вообще в списках инженерно-технических работников завода.

Но если вы спросите, кто лучший слесарь завода, вам, не задумываясь, ответят: Иван Михайлович Суряхин. Он автор автомата для изготовления транспортных колец, а также многих других высокопроизводительных станков — удобных, простых и крайне нужных цехам. К автоматам, созданным И. М. Суряхиным, на заводе подходят со всей строгостью требований, предъявляемых к новой технике. И экзамен они выдерживают с честью.

Стахановец И. М. Суряхин работает в инструментальном цехе, но следы его творческих поисков и таланта видны в самых различных цехах. Там, где изготовляют кольца патефонных пружин, вам покажут станок, который подает проволоку, отрезает ее, вьет кольцо, закручивает концы, — в общем выполняет все, что делали до этого человеческие руки. Производительность увеличена в несколько десятков раз! Автор станка — И. М. Суряхин. Другой его станок автоматизировал рубку ленты для часовых пружин. Выработка возросла в 20—25 раз.

Члену технического совета завода имени Молотова слесарю-стахановцу И. М. Суряхину присвоено звание «Лучший рационализатор Ленинграда».

Л. ФЕДОРОВ

ВОЛЯ НАРОДА

Клич о сборе подписей под Стокгольмским Воззванием облетел всю нашу необъятную Родину. Советские операторы запечатлели на пленке неповторимые исторические документы.

На высоте нескольких десятков метров, на стене растущего не по дням, а по часам высотного здания плакат. Лаконичны и выразительны его слова: «Мы за мир, мы требуем мира!» Так говорят строители, ставя подписи под Стокгольмским Воззванием. Так говорят рабочие, ученые, колхозники, артисты, писатели, студенты — все советские люди, занятые созидательным трудом.

Операторы засняли людей, подписывающих Воззвание на митингах, в цехах, у комбайнов, на шахтах Донбасса и Подмосковья, в санаториях Крыма и Кавказа.

На руках подписывающей Воззвание 88-летней Марии Ивановны Земцовой, жительницы возрожденного Минска, мы видим маленького внучка. Бабушка ставит свою подпись для того, «чтобы внучек рос счастливым, чтобы горя не ведал».

— Руки прочь от Кореи! — требуют вместе со всеми сторонниками мира шахтеры Подмосковья.

Звучат с экрана мудрые слова узбекского колхозника Стоджана Омарова: «Когда на горизонте появляется опасность грозы, жнецы собираются вместе, чтобы спасти урожай. Сегодня честные люди всех стран и народов объединяются, чтобы не допустить военной грозы».

В дни могучего движения в защиту мира на заводах, на шахтах, в колхозах советские люди стали на стахановские вахты. Своим оружием в борьбе за мир советский народ избрал стахановский труд.

Благодаря четкой и слаженной работе большой группы операторов-документалистов зрители увидели в новом фильме поистине всенародное движение сторонников мира.

Небольшой документальный фильм демонстрируется всего 20 минут. Но зрители уходят глубоко взволнованные. В их памяти остается образ многомиллионного советского народа, который первый поднял знамя борьбы за мир и уверенно ведет за собой другие народы.

Вл. ДНЕПРОВ

Новый хроникально-документальный фильм «Советский народ голосует за мир». Режиссер И. Сеткина. Производство Центральной студии документальных фильмов. 1950 год.

Юбилей парашютистов

Двадцать лет назад жители Воронежа наблюдали необычное для того времени зрелище: от большого самолета, кружившего над аэродромом, отделилась черная точка и камнем, со все возрастающей скоростью устремилась на землю. За нею тотчас же оторвались вторая, третья... Через несколько секунд черные точки обрели форму шелковистых куполов-зонтиков, под которыми были люди...

С этого началось массовое развитие парашютного спорта в СССР.

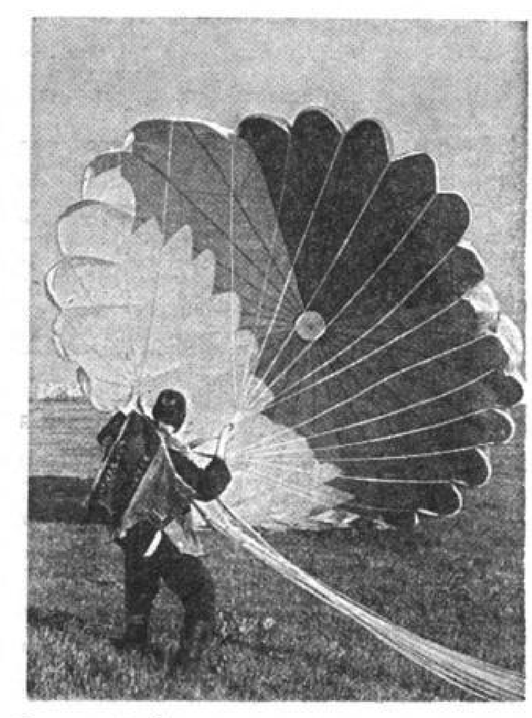
Уже в 1931 году наши парашютисты совершили много замечательных прыжков и притом в самых необычных условиях: на воду, в глубокий снег, с задержкой раскрытия парашюта. С тех пор и до нынешних дней советские мастера парашютного спорта уверенно завоевывают один мировой рекорд за другим.

Быстро развивалась и отечественная парашютная промышленность. Наша страна — родина современного ранцевого парашюта. Его творцом был талантливый русский конструктор Глеб Евгеньевич Котельников. Заявку на свое изобретение он сделал еще в 1911 году.

Знаменательным для советских парашютистов и работников парашютной промышленности было лето 1935 года. 12 июля члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем И. В. Сталиным посетили Центральный аэроклуб СССР имени В. П. Чкалова и ознакомились с тем, как наша молодежь овладевает техникой парашютного спорта. В этом же году большая группа парашютистов была награждена орденами.

Год от года растет мастерство советских парашютистов. Среди них немало спортсменов — В. Романюк, К. Маленко, Н. Савкин, Ю. Иванов, — совершивших до 1500 и более парашютных прыжков. Советские парашютисты блестяще продемонстрировали свое мастерство в годы Великой Отечественной войны: воздушные десантники были грозой для фашистских захватчиков.

Сейчас в самых отдаленных уголках страны можно встретить парашютные станции, где молодежь с увлечением занимается любимым спортом. Последние всесоюзные состязания парашютистов, проведенные осенью 1949 года на Тушинском аэродроме, показали, как выросло за послевоенные годы искусство наших воздушных спортсменов.

Москва. Центральный аэроклуб СССР имени В. П. Чкалова. Приземление парашютиста.

27 августа советская общественность торжественно отмечает славное двадцатилетие парашютного спорта и парашютной промышленности СССР. Юбилею предшествовали областные и республиканские состязания. Победители будут участвовать в очередных всесоюзных состязаниях парашютистов, которые по традиции состоятся на Тушинском аэродроме.

П. РОГОЗИНСКИЙ

Гастроли румынских певцов и танцоров

Ансамбль песни и пляски Всеобщей конфедерации труда Румынской народной республики исполняет танец области Олтения.

Фото Г. Захаровой

Бьющая через край сила молодости и таланта покоряет зрителей при первом же знакомстве с певцами и танцорами Румынской народной республики. Ансамбль песни и пляски Румынской Всеобщей конфедерации труда, впервые выступающий в Москве, существует совсем недавно. Артисты ансамбля, в прошлом участники самодеятельности, с проникновенной простотой и поэтичностью исполняют песни и танцы своей страны.

Выразительно звучат старинные песни, посвященные образам тяжелого прошлого. Такова, например, народная баллада об «угнетателях-помещиках, забравших у крестьян все, даже золу из печей».

Ярко, динамично поют артисты песни новой Румынии. В их репертуаре ряд выдающихся произведений современных композиторов, и в первую очередь волнующая «Песня в честь Иосифа Виссарионовича Сталина» композитора А. Виеру.

Трудовым подвигам молодежи посвящена «Хей, руп» М. Веснон. Насмешкой над лодырями звучит народная шуточная песня «Идет красавец».

Исполнение певцов ансамбля отличается тонкостью и мастерством отделки, разнообразием оттенков. Особенно хорошо была спета повторенная по требованию публики лирически-нежная колыбельная «Лес желтолистый».

Своеобразно по колориту танцевальное искусство румынского ансамбля. В программе и талантливые образцы старинных народных танцев, распространенных в различных областях страны, и современные танцевальные композиции.

Для танцевальных и вокальных номеров программы, как и для всего массового народного искусства Румынии, характерны неистощимая энергия и оптимизм, подлинная радость творчества. Поэтому с таким восхищением воспринимает повсюду гастроли румынских артистов наш советский зритель.

К. АЛЕКСАНДРОВА

Здравствуй, школа!

Девушка вышла из автобуса и нерешительно остановилась у самого края дороги. Шумное и широкое шоссе побежало дальше, на Полтаву, прорезая лесные массивы и ровную степь.

Где-то вдали гудели колхозные молотилки. Разносился острый запах яблок и свежего, только что испеченного хлеба. Неподалеку, в небольшом садике, играли дети.

Девушка подняла чемодан, но, взглянув на детей, поставила его на землю.

— Ребята, идите сюда! — позвала она.

Шустрые загорелые ребятишки тотчас подбежали к девушке. Ближе всех подошла девочка с голубыми лентами в косичках.

— Вам куда, тетя?

— Я к вам, дети, в школу.

— Может быть, вы нашей учительницей будете? Нам по географии надо.

— Да. Давайте познакомимся, — сказала приезжая.

Дети окружили Ирину Ильиничну Однопозову. Она расспрашивала о селе, школьники интересовались Киевом. Дети, захватив свертки и чемодан, проводили учительницу кратчайшим путем к новой школе.

Ирина Однопозова долго ждала этой встречи, тщательно готовилась к ней, продумывая весь первый урок. А вышло как-то неожиданно и просто. Без звонка, без классной комнаты, без представления директором или классным руководителем. Дети сами представились ей.

И. И. Однопозова жила в Ленинграде, училась и окончила университет в Киеве. Немало поездила она за свою короткую жизнь — была и в тайге, и в горах, и в шахтах. А вот Борисполь, куда занесла ее судьба, видела впервые. Вот он какой, украинский районный центр! Опрятные новенькие домики утопают в садах. Магазины. По улицам снуют машины. Ничего похожего на глушь. И сразу исчезла та робость, с которой молодая учительница направлялась в неизвестное место, к незнакомым детям.

— Вот и школа наша, Ирина Ильинична! — оповестили дети.

Учительница остановилась на миг. Широко открытыми глазами смотрела на двухэтажное здание в молодом саду. Оно сияло белизной, сверкало чистыми высокими окнами.

— Здравствуй, школа! Хорошая какая! — вырвалось у Ирины Ильиничны.

— Полмиллиона стоит, нам Петр Трофимович говорил, директор, — сообщила девочка с косичками.

— А когда ее кончили строить?

— Да совсем недавно, вот когда все люди за мир подписывались. У нас так и говорят: построена для мира.

Дети посвящали новую учительницу во все подробности. Школа их — одна из лучших в районе. Директор Петр Трофимович Олефиров — орденоносец, участник обороны Севастополя. Около здания школы ученики посадили три тысячи пятьсот деревьев. У них хороший мичуринский участок, руководит им биолог Валентина Илларионовна Деркач. Есть физкультурный зал, площадка.

Рассказ о новой бориспольской школе напомнил Ирине Ильиничне о том, что она слыхала в Киеве. На Украине после войны восстановлено и построено заново три тысячи двести школьных помещений. Около шести с половиной миллионов детей обучаются в начальных и средних школах республики.

Ирина Ильинична Однопозова со своими будущими учениками.
Фото К. Лишко

...Дети привели Ирину Ильиничну в высокий и светлый вестибюль. В просторных классных коридорах стоял запах свежей краски и извести. На втором этаже стучали плотники и слесари, оканчивая последние, отделочные работы.

Учительница, сопровождаемая своими будущими учениками, пошла к директору.

В. КУЧЕР

На далеком острове

— Как школы Южного Сахалина подготовились к началу учебного года? — с этим вопросом наш корреспондент обратился к заведующему областным отделом народного образования тов. А. С. Тельпуховскому.

— Мы, — заявил он, — ощущаем огромную заботу советского правительства и большевистской партии о школьниках. Министерство просвещения РСФСР направило к нам 700 молодых учителей. Получены оборудование и наглядные пособия для новых школ, открывающихся в этом году.

Большую помощь нам оказывают шефы — предприятия рыбной и угольной промышленности области. Сейчас мы имеем все необходимое для выполнения постановления правительства о всеобщем семилетнем обучении в городе и селе.

Ребята придут в школу хорошо отдохнувшими за лето, окрепшими. Пять тысяч маленьких сахалинцев провели каникулы в пионерских лагерях, разбросанных в живописных местах по всему острову и Курильской гряде. В районе Южно-Курильска раскинулся на берегу Тихого океана, у горячих серных источников, лагерь санаторного типа.

Сто тридцать школьников Лесогорского района Южного Сахалина совершили экскурсию к недавно обнаруженным горячим целебным источникам, расположенным среди высоких сопок. Другая группа мальчиков направилась в поход на самую южную оконечность острова — мыс Крильон. Восемнадцать отличников учебы отдыхали далеко от своего родного края — в Артеке...

Сейчас идут последние приготовления к началу учебы. Готовятся и школьники и их учителя. В эти радостные для нас дни все мы, и молодежь и люди старшего поколения, вспоминаем, как пять лет назад доблестные советские войска, очистив Южный Сахалин от японских империалистов, вернули нашему народу его земли.

МОРЕ ЗОВЕТ

В бухту Золотой Рог вошел океанский теплоход «Ильич». Владивостокский порт огласился протяжными гудками. Судно ошвартовалось, пассажиры сошли на берег. Мощные подъемные краны подняли над трюмами свои стальные хоботы. Когда опустели просторные прогулочные палубы, роскошные салоны и каюты, в штурманскую рубку поднялись молодые моряки. В темносиних форменках, с развевающимися на ветру лентами бескозырок, они в последний раз обходили полюбившееся им прекрасное судно.

Учебная практика закончилась. Капитан теплохода «Ильич» капитан морского флота первого ранга М. В. Доросинский прощается с курсантами Владивостокского высшего мореходного училища.
Фото В. Евграфова

Худощавый, коричневый от загара Борис Куварин погладил ладонью медный кожух компаса и потрогал ручки электрического руля. Совсем недавно он нес здесь вахту, стоял за рулем. Теперь Куварин со своими друзьями-курсантами судоводительского факультета Владивостокского высшего мореходного училища должен покинуть судно. Кончилась летняя практика. Пора в училище! Юноши смотрели из штурманской рубки на красиво расположенный террасами Владивосток и вспоминали свирепые тайфуны и непроглядные холодные туманы Севера.

В рубку вошел дежурный:

— Прошу к капитану!

Капитан теплохода капитан морского флота первого ранга Марк Владимирович Доросинский и его помощники вышли попрощаться с курсантами. Он обратился к ним с напутственным словом:

— Вы хорошо провели летнюю практику на нашем судне. Благодарю вас и желаю успехов в учебе.

В эти минуты расставания можно было приметить взволнованность помощников капитана — лейтенантов морского флота Р. Акита и В. Мачтакова. Год назад и они носили такую же форму курсантов и на их бескозырках сверкали выведенные золотом слова: «Владивостокское высшее мореходное училище». На теплоходе «Ильич» встретились практиканты, изучавшие сложную и трудную матросскую службу, с питомцами училища — ныне помощниками капитана.

— Берегите честь нашего училища. Передайте привет и благодарность командирам и преподавателям, — сказал на прощание Мачтаков. И, пожав руки товарищам, он вместе с капитаном проводил их до трапа.

С палубы «Ильича» хорошо видно Владивостокское высшее мореходное училище. Стоит оно на высоком берегу полуострова. И капитан и его помощники долго смотрели, как курсанты, сбежав по крутому трапу, вышли в порт, затем поднялись по петляющей дороге на сопку и показались в саду училища.

Шумно в корпусах училища. Сколько рассказов, воспоминаний! Всем курсантам нужно сдать до начала учебного года отчеты о летней практике. В кабинете, среди моделей пароходов и парусников, машин и станков, собираются курсанты 4-го курса судоремонтного факультета. Василий Сидоров, Александр Мельников, Иван Соколов, Владимир Сипко и Борис Пинчук все лето работали на заводах помощниками мастеров и бригадирами. Капитан морского флота первого ранга кандидат технических наук, заведующий кафедрой училища Анатолий Степанович Фролов проверяет их знания. Он доволен ответами курсантов. Летняя практика прошла успешно.

Первого сентября юноши заполнят кабинеты и лаборатории. В перерывах между занятиями и по вечерам долго будут вспоминать они рейсы на Камчатку и Чукотку, в Китай и Индию.

Е. РЯБЧИКОВ

В большом поволжском селе

В центре села Малой Малышевки возвышается красивое двухэтажное здание с большими светлыми окнами и белой шиферной крышей. Это вновь выстроенная школа-десятилетка — гордость маломалышевцев.

На строительство школы государство ассигновало 125 тысяч рублей. Но колхозники решили большую часть строительных работ выполнить своими силами. Желающих оказать помощь строителям нашлось очень много, так как на селе все, от мала до велика, сочли стройку школы своим кровным делом.

В школе, помимо классных комнат, имеются физический, химический и биологический кабинеты, библиотека, спортивный зал, учительская, гардеробная, буфетная.

Мы входим в просторную комнату, предназначенную для девятиклассников. Большие окна. Высокий потолок. Круглая печь в углу. Так выглядит любая из одиннадцати классных комнат.

В нынешнем году в новой школе будет обучаться пятьсот детей. В большом поволжском селе Куйбышевской области это уже третья школа.

Н. БОРИСОВ

Родоначальник вузов Средней Азии

Они идут веселой гурьбой, оживленно беседуя, обмениваясь впечатлениями. Ташкентец, встретив их здесь, приветливо улыбнется им и скажет:

— Ну что, сдали? Молодцы...

Ташкентец знает: эти юноши и девушки, шагающие по неширокой улочке — аллее, протянувшейся вдоль высокого строгого здания Среднеазиатского государственного университета, — будущие студенты. Они поступают в университет в дни, знаменательные для этого высшего учебного заведения. Здесь готовятся к юбилею.

...Тридцать лет назад 7 сентября 1920 года, Владимир Ильич Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении в Ташкенте Государственного университета, ставшего родоначальником многих вузов Средней Азии.

За годы своего существования Среднеазиатский государственный университет (САГУ) подготовил около 5 тысяч молодых специалистов. Президент Узбекской Академии наук доктор Т. А. Сарымсаков, доктор математических наук Т. Н. Кары-Ниязов, вице-президент Киргизского филиала Академии наук Д. Ш. Шукуров, декан химического факультета А. С. Садыков и сотни других научных работников — питомцев университета — двигают вперед советскую науку.

Университет по праву гордится воспитанными им учеными-женщинами. Далеко за пределами Узбекистана известно имя доктора медицинских наук Зульфии Умидовой. Изучением почв для освоения новых земель занимается в Туркмении кандидат геолого-минералогических наук Аннагуль Языкова.

Каждый год в приемную комиссию университета поступает до полутора тысяч заявлений от выпускников средних школ.

К услугам студентов — прекрасно оборудованные лаборатории и богатейшее книгохранилище. На его полках около 800 тысяч томов, среди которых немало редчайших рукописей и книг. Студент-историк найдет здесь датированный 1466-м годом список с древнейшей восточной рукописи «Зафар Намэ» Шарафутдина о походах Тимура. Географ познакомится с описанием Камчатки, «сочиненном Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором», — книгой, изданной в XVIII веке.

В кабинетах университета студенты увидят уникальные образцы парфянской материальной культуры из раскопок древнего города Несы, близ Ашхабада, замечательные зоологические коллекции и гербарий, по полноте и научному значению занимающие второе место в Союзе.

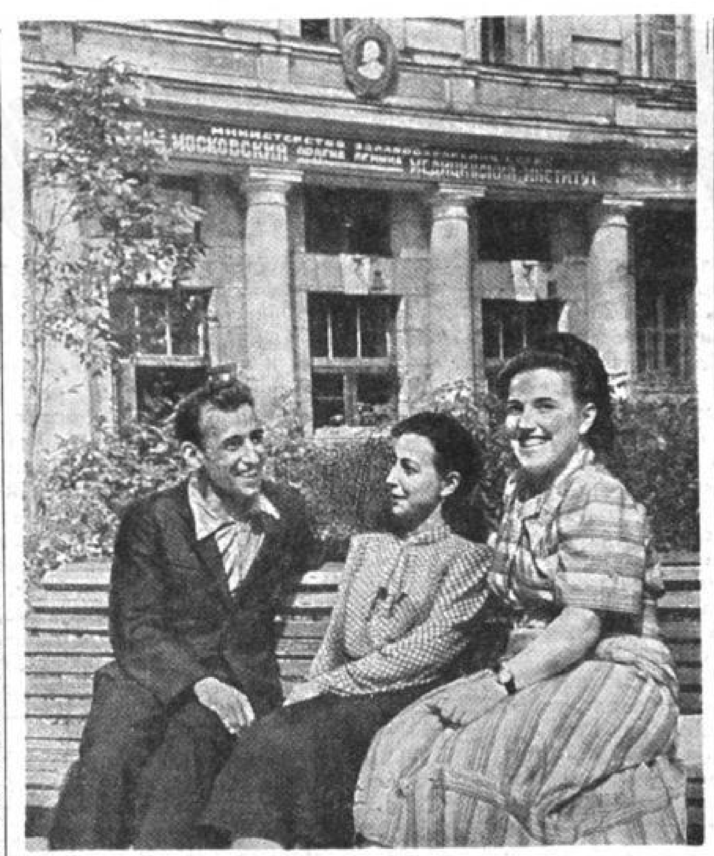
Оживленно сейчас в университетских коридорах. Вернулись с практики старшекурсники, толпятся у досок с расписанием лекций юноши и девушки, принятые на первый курс. С нетерпением ждут начала занятий молодые студенты комсомолки Роза Рахманова и Лола Аббасова из Коканда, Атаназар Сеитназаров из далекого туркменского города Ташауза, Адеб Сеитмагзимов с рудника Джезказган.

Новая жизнь началась для них в доме, фасад которого украшает мраморная доска с высеченными на ней словами ленинского декрета об учреждении Государственного университета в Ташкенте.

Н. СОЛОВЬЕВА

Студенты у здания Среднеазиатского университета.
Фото И. Глауберзона

Шестикурсники встретились после летней практики в саду института. Слева направо: Меджид Алиев, Хосефа Бернальдо-де-Кирос, Инна Козловская.

Шестикурсники

У института большая история. В нынешнем году здесь должен был состояться 187-й выпуск молодых врачей. Должен был, но не состоялся. Не гремела музыка в традиционный июльский выпускной вечер, и никто из питомцев Первого московского ордена Ленина Медицинского института не покинул нынешним летом стен родного вуза.

Почему? Что случилось?

Впервые в этом году в ряде крупнейших медицинских институтов страны — в том числе и в Первом московском — введен шестой курс.

Студенты восприняли эту весть, как большое событие в их жизни. В общежитии института мы застали только что вернувшихся с практики в районах Московской области шестикурсников. Они живо обменивались впечатлениями. Елена Горелова рассказывала о работе на санитарно-эпидемической станции. Меджид Алиев говорил о днях, проведенных в клинике доктора наук Б. С. Розанова. Испанка Хосефа Бернальдо-де-Кирос восторженно заявила: «Вы представляете? Первый раз в жизни я самостоятельно принимала больных!»

Но больше всего студентов радует другое.

— До отъезда на самостоятельную работу, — говорит Алиев, — у нас имеются большие возможности закрепить и обобщить теоретические знания, полученные за пять лет. Мы можем провести еще несколько месяцев под руководством своих учителей в клинике. Это очень радует нас. Впереди — специализация...

То, что впереди, это и есть шестой курс обучения.

Чем вызвано это новшество, чем будут заниматься студенты на шестом курсе?

Директор института Б. Д. Петров отвечает:

— Введение шестилетнего обучения в медицинских институтах — одно из многих проявлений заботы партии и правительства об охране здоровья советских людей. Страна получит врачей и теоретически и практически значительно более квалифицированных. Следует отметить, что ни одно капиталистическое государство не может позволить себе затрату средств на дополнительный год обучения студентов в высшей школе.

При нынешнем уровне развития науки объем медицинских знаний настолько расширился, что требуется шесть лет для подготовки хорошего специалиста. Большие задачи поставила перед нами научная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященная проблемам физиологического учения И. П. Павлова.

Последний год учебы шестикурсники посвятят более углубленному изучению основных клинических дисциплин. Они прослушают итоговые комплексные лекции и одновременно пройдут практику в клиниках, которыми руководят крупнейшие советские ученые, в поликлиниках, родильных домах столицы. Занятия будут проводиться под знаком специализации, вернее, профилизации, являющейся первым и важнейшим условием повышения качества медицинской помощи.

Мы два года подряд проводили анкету, которая показала, что подавляющее число студентов хотело бы уже в стенах института определить свою будущую специальность. Отказавшись от подготовки врача-универсала, мы сможем удовлетворить как индивидуальные запросы своих питомцев, так и потребность в специалистах республик и областей. Работая в качестве субординаторов, студенты обретут какой-то свой заранее выбранный ими профиль — хирурга, терапевта, офталмолога, психиатра. Такая специализация — новое явление в жизни советских медицинских институтов.

Мы твердо уверены, что шестой курс обучения самым положительным образом скажется на уровне подготовки советских врачей, выпускаемых нашими институтами.

• • •

Как сообщили нашему корреспонденту в Министерстве здравоохранения СССР, на шестилетнее обучение в нынешнем году переведено 12 медицинских институтов страны. Постепенно этот переход будет осуществлен во всех медицинских вузах СССР.

Строители «малой авиации»

Девятнадцатые Всесоюзные состязания авиамоделистов. В течение недели на поле у станции Силикатная под Москвой демонстрировались модели планеров, самолетов с резиновыми моторчиками и механическими двигателями, гидропланов, реактивных и управляемых по радио машин. На состязаниях было представлено семьсот пятьдесят девять конструкций.

На станцию Силикатная съехалось со всех концов страны более четырехсот пятидесяти человек. Здесь встретились опытные авиамоделисты — участники многих всесоюзных состязаний и новички: одиннадцатилетний Лева Ахназарян из Армавира, тринадцатилетний Игорь Скоблев из Алма-Аты, Людмила Конопец из Тбилиси, Миша Глущенко из Днепропетровска и многие другие.

В нашей стране авиамодельный спорт стал подлинно массовым. К первому июля нынешнего года три из четырех абсолютных мировых рекордов и двадцать из тридцати семи мировых рекордов по различным классам и категориям моделей принадлежали СССР.

За дни состязаний были превышены сорок четыре всесоюзных и мировых рекорда. Скорость, равную 95 километрам в час, развила модель самолета с механическим двигателем (объем цилиндра до 2,5 кубического сантиметра) спортсмена В. Васильченко из Днепропетровска. В. Васильченко превысил мировой рекорд по этому классу моделей, принадлежавший его брату, москвичу М. Васильченко, который, в свою очередь, перекрыл мировой рекорд по скорости полета модели с реактивным двигателем.

Новый мировой рекорд установил также Ю. Захаров из Новосибирска. Его модель гидросамолета типа «летающее крыло» с резиновым моторчиком продержалась в воздухе 1 минуту 36 секунд и пролетела 440 метров.

В ряды мировых рекордсменов вышел и ленинградец В. Симонов, продемонстрировавший «летающее крыло» с механическим двигателем, объем цилиндра которого не превышает 5 кубических сантиметров. Скорость полета по кругу составила 99,2 километра в час; старый мировой рекорд превышен, таким образом, на 12 километров.

Внимание участников состязаний привлек тринадцатилетний тульский школьник Б. Парпаров. Его модель — того же типа, что и Симонова, — за один полет побила несколько мировых и всесоюзных рекордов.

Напряженная спортивная борьба разгорелась между командами за переходящие призы. Среди младших школьников (до 16 лет) первое место заняла команда Азербайджанской ССР. Ей вручен переходящий кубок Военно-Воздушных Сил Советской Армии. На второе место вышли ленинградцы. В соревнованиях команд старших школьников на первом месте — москвичи.

Первенство среди авиамоделистов-спортсменов завоевала команда Новосибирской области.

А. АЛЕКСЕЕВ

Поправка

В № 34 «Огонька», в очерке «Полторы тысячи метров», неправильно указан рекорд Э. Веетыусме, установленный в 1949 году. Рекорд равен 3 минутам 51,4 секунды.

Пятнадцать лет тому назад скончался Анри Барбюс — замечательный французский писатель-революционер. Память о нем прочно живет в сознании честных людей всего мира.

Барбюс родился в 1874 году и стал писателем-профессионалом еще в конце прошлого века. Но его подлинное творческое рождение совершилось на фронте первой мировой войны, где он создал свою всемирно известную книгу «Огонь». Эта книга, по словам Горького, говорит о войне «просто, сурово, спокойно и с необоримою силою правды».

Чуткий и честный художник с молодых лет остро ощущал противоречия капиталистического строя. В ранних произведениях Барбюса — и в романе «Ад» и в многочисленных рассказах — выражено трагическое недоумение человека, пораженного жестокой несправедливостью господствующего уклада жизни. Но лишь суровый опыт, приобретенный в дни войны, помог ему до конца осознать всю гнусность и всю обреченность капитализма. Барбюс испытал лишения и опасности, выпадающие на долю простого солдата. И он выступил в своей книге «Огонь» от имени трудящихся и угнетенных — впервые выступил, как революционер-борец.

Книга «Огонь» писалась в 1915—1916 годах. С тех пор в Западной Европе вышли сотни повестей и рассказов о первой мировой войне. Но книга Барбюса до сих пор остается единственным в своем роде, лучшим, непревзойденным произведением западной литературы на эту тему.

И. В. Сталин писал Горькому в 1930 году: «На книжном рынке фигурирует масса художественных рассказов, рисующих «ужасы» войны и внушающих отвращение ко **всякой** войне (не только к **империалистической**, но и ко **всякой** другой). Это буржуазно-пацифистские рассказы, не имеющие большой цены. Нам нужны такие рассказы, которые подводят читателей от ужасов **империалистической** войны к необходимости преодоления **империалистических** правительств, организующих такие войны».

«Огонь» Барбюса — именно такая книга, какие, по мысли товарища Сталина, нужны читателю. Барбюс написал о войне правдиво, трезво и просто: не для того, чтобы напугать читателя кошмарами империалистической войны, а для того, чтобы вдохновить его на борьбу против империализма. И его книга выдержала длительную проверку временем.

Письма Барбюса с фронта, опубликованные после его смерти, свидетельствуют, каким громадным творческим подвигом было создание его книги, которая писалась урывками, в перерывах между боями. Барбюсу было нелегко добиться опубликования книги без существенных купюр и искажений. Но автор «Огня» считал своим долгом перед фронтовыми товарищами — «пролетариями битв» — довести начатое дело до конца. Он уже в ту пору был убежден, что социализм — «единственная... справедливая политическая доктрина, которая... озарена не только светом человечности, но и светом разума».

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед Барбюсом новые горизонты. Перспектива революционного преобразования жизни стала для него реальной, ощутимой. В 1918 году вышел его роман «Ясность»—резкий вызов поджигателям войны.

В. И. Ленин высоко оценил книги Барбюса «Огонь» и «Ясность». Он рассматривал эти книги как наглядное подтверждение роста революционного сознания в массах. Он говорил о них: «Превращение совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками, обывателя и массовика в революционера именно под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво».

В самом деле: сила этих произведений Барбюса именно в том, что он исключительно убедительно, с большой правдивостью и страстностью воссоздает процесс идейного роста, прозрения простого человека на фронте. Вывод о необходимости борьбы против империализма в его книгах не дан готовым: Барбюс показывает, как его герои приходили к такому решению, и подводит к нему читателя.

Книга «Огонь» построена, как «дневник одного взвода»: в ней нет главного героя. В ней идет речь о рядовых солдатах, из которых многие — особенно в начале — находятся во власти обывательских представлений и предрассудков. И в разных образах, разных эпизодах романа раскрываются различные стадии постепенного пробуждения революционного сознания в солдатской массе. Сначала это отдельные вспышки недовольства, жалобы на тяготы окопной жизни: солдаты смутно чувствуют, что они против их собственного желания вовлечены в «колоссальную авантюру», что их «морочат всякими баснями». Потом это стихийный «великий гнев» рядового Вольпатта, побывавшего в отпуску: гнев против штабных офицеров и тыловых буржуа, умеющих уклониться от опасностей фронта и даже извлечь из войны выгоды. Затем это тайная мечта капрала Бертрана о революционном сопротивлении империалистам по примеру Карла Либкнехта, чей «образ, поднявшийся над войной... вечно будет сверкать красотою и мужеством!».

Лишь постепенно в сознании солдат рождается мысль, что в одной и той же нации есть «те, кто страдают и трудятся, и те, кто этим пользуются»... Солдаты задумываются: «Сегодня милитаризм называется Германией, но завтра как он будет называться?» Они убеждаются, что главный враг — это эксплуататоры, «честолюбцы и торгаши» в собственной стране.

К таким же выводам приходит Симон Полен — герой романа Барбюса «Ясность», рядовой французский труженик, аполитичный мелкий служащий, которого пребывание на фронте превращает в сознательного революционера. Нужно «перестроить все, сверху донизу»; простые люди должны сами решать свою судьбу, и тогда не будет войны. Таковы ведущие идеи романа.

В октябре 1919 года в газете «Юманите» появилось воззвание Барбюса, озаглавленное «Мы обвиняем!». Барбюс писал:

«Мы обвиняем правителей Франции, Англии и Америки в том, что они, безнаказанно проливая кровь и расточая добро пока еще порабощенных народов... организовали гнусную клеветническую кампанию против большевизма...»

Писатель напоминал: «Русские предлагали подлинно демократический мир, предлагали без всяких задних мыслей...» И он обращался с призывом ко всем честным людям: «Спасите человеческую правду, спасая правду русскую! Знайте, что грядущие поколения будут судить о честности нашего времени в зависимости от того, сумели ли мы подняться в этот момент, чтобы прокричать: «Нет!»

Барбюс поставил себе целью объединить силы прогрессивных литераторов для совместного отпора поджигателям войны. Так возникла группа «Кларте» (французское слово «clartè» означает свет, ясность). В деятельности этой группы принимали участие видные писатели — Анатоль Франс, Ромэн Роллан, Бернард Шоу. Состав «Кларте» был неоднороден: среди участников группы были и ненадежные и колеблющиеся. Но это была **первая** попытка сплотить «мастеров культуры» во имя борьбы за мир.

В. И. Ленин писал группе «Кларте» 15 ноября 1922 года: «Надеюсь, что ваша организация... растет и крепнет не только численно, но и духовно в смысле углубления и расширения борьбы против империалистической войны. Борьбе против такой войны стоит посвятить свою жизнь, в этой борьбе надо быть беспощадным, все софизмы в ее защиту надо преследовать до самых последних уголков».

Посвятить свою жизнь борьбе против империалистической войны! Этот завет Ленина передовым зарубежным литераторам Барбюс выполнял с честью. Он выполнял его прежде всего своим художественным творчеством. В 20-х годах он писал произведения, которые впоследствии вошли в сборник «Правдивые повести». В этой книге Барбюс с фактами в руках гневно обличает бесчинства реакционной французской военщины («Расправа властей»), чудовищные преступления американских расистов («Кровавый источник»), жестокость колониальной политики империализма («Трактор цивилизации»), изуверство югославских фашистов («Голый человек»)... Каждая из «Правдивых повестей» Барбюса с беспощадной откровенностью обнажала звериный облик империализма.

В этой же книге Барбюс правдиво показал и другое: беспримерный героизм передовых людей, борющихся за освобождение человечества.

В 1923 году Барбюс вступил в коммунистическую партию Франции. «Мы могли поздравить себя с блестящим приобретением», — вспоминает об этом событии вождь французских коммунистов Морис Торез.

На протяжении ряда лет Барбюс неутомимо вел большую организаторскую, просветительную работу среди французской интеллигенции. Многие из нынешних активных участников движения сторонников мира во Франции — да и в других странах — впервые приобщились к политической жизни именно под влиянием этого выдающегося писателя-коммуниста.

Летом 1932 года Барбюс и Ромэн Роллан обратились ко всем людям доброй воли с призывом собраться на международный конгресс противников империалистической войны. На конгрессе, состоявшемся в Амстердаме, были представлены трудящиеся разных стран — люди разных политических и религиозных убеждений. То была первая попытка организовать во всемирном масштабе движение сторонников мира. За этим конгрессом последовал международный антифашистский конгресс, состоявшийся летом 1933 года в Париже. Барбюс возглавил международный комитет борьбы против империалистической войны и фашизма. Он неутомимо разъезжал по разным странам, стремясь сплотить честных людей в единый антиимпериалистический, антифашистский фронт.

Отдавая свои силы общественной деятельности, Барбюс вместе с тем вел большую творческую работу. В 1935 году вышла его талантливая, яркая, боевая книга «Сталин». С большой любовью, с большим напряжением трудился Барбюс над этой книгой. Он хотел раскрыть перед всем миром величие и обаяние Сталина — человека, любимого миллионами.

Современному читателю ясно, что к этой книге нельзя подходить, как к научно написанной биографии товарища Сталина. В ней есть и фактические неточности и нечеткие формулировки. Но в этой книге талантливо запечатлены черты родного нам сталинского облика. В ней выражена искренняя, горячая преданность передовых людей всего мира величайшему человеку нашей эпохи — человеку «с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата».

Барбюс скончался в Москве — в любимой им советской столице, куда он приехал для участия в работах VII конгресса Коммунистического Интернационала.

Всей своей жизнью, своей литературной и общественной деятельностью Барбюс заслужил ту посмертную характеристику, которую дал ему товарищ Сталин. В телеграмме, посланной 3 сентября 1935 года в редакцию «Юманите» — Кашену, Торезу, Вайян-Кутюрье, — И. В. Сталин писал:

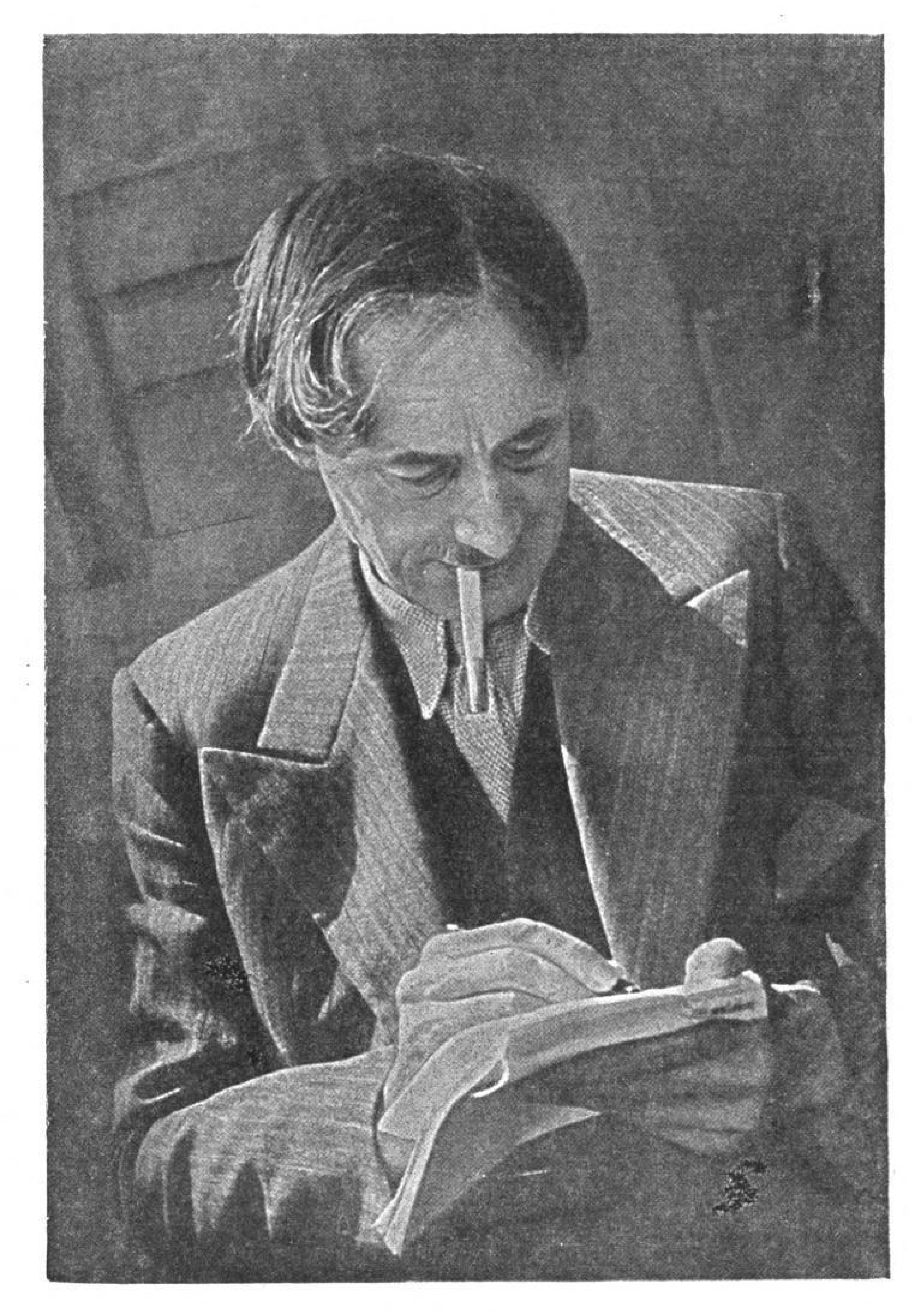
«Скорблю вместе с вами по случаю кончины нашего друга, друга рабочего класса Франции, достойного сына французского народа, друга трудящихся всех стран, глашатая единого фронта трудящихся против империалистской войны и фашизма,— товарища Анри БАРБЮСА.

Пусть его жизнь, его борьба, его чаяния и перспективы послужат примером для молодого поколения трудящихся всех стран в деле борьбы за освобождение человечества от капиталистического рабства».

Т. МОТЫЛЕВА

В гостях у Анри Барбюса

Жан ФРЕВИЛЬ

АНРИ БАРБЮС.

Фото В. Мусинова

С первых же встреч тесная дружба соединила Мориса Тореза с Анри Барбюсом и Ромэн Ролланом. Барбюс был на двадцать семь лет, а Роллан — на тридцать два года старше Тореза. Несмотря на разницу в летах и в среде, молодой рабочий-революционер оказывал глубокое влияние на обоих больших писателей. Я мог удостовериться в этом во время посещения вместе с Торезом Анри Барбюса. Это было 5 апреля 1932 года.

Автор «Огня» страдал легочной болезнью, которая обострилась в слякоти и снегу траншей первой мировой войны. Поэтому он проводил обычно зиму в Мирамаре, около Канн, а в первые же теплые дни устраивался в своем маленьком доме в Омон, на опушке Галлатского леса.

В одно прекрасное весеннее утро мы отправились в Санлис. Торез оказался очень чувствительным к красотам этого чисто французского пейзажа, полного прелести и гармонии, богатого оттенками. Это был Иль-де-Франс, земля пахарей, вольных стрелков, кружевниц, жалобных песен... Здесь в течение более чем тысячи лет билось сердце Франции...

Длинная улица, окаймленная низкими домиками. Это Омон. Мы свернули в переулок. Наша машина останавливается перед маленькой дверью, которая открывается, звеня колокольчиком. Барбюс выходит к нам.

На лице его отпечаток страданий и страстный отблеск мечты. Высокий, худой, чуть сутулый, с изможденным лицом и лихорадочным взглядом, он, не колеблясь, покидал покой своего рабочего кабинета, чтобы спешить на помощь порабощенным народам. Он рассматривал свое творчество как часть большой борьбы угнетенных против их угнетателей.

Весна 1932 года была насыщена угрозой войны. Зловещий авантюрист Тардье, порождение отъявленной реакции, агент банкиров и торговцев оружием, непрерывно строил козни за пределами страны и внутри ее, стремясь к разрыву и войне с Советским Союзом. В Италии Муссолини бряцал оружием, говорил о восстановлении «Римской империи», ссылая демократов и революционеров на Липарские острова. В Германии из месяца в месяц нарастала опасность гитлеровской фашистской диктатуры.

Пираты империализма, всегда готовые пожрать и ограбить друг друга, сговаривались между собой за счет народов и строили заговоры против Советского Союза. Капиталистическая Европа задыхалась в тисках кризиса и безработицы, правящие классы искали выхода. В чем? В гонке вооружений,— чтобы усилить приток прибылей, в распространении фашизма,— чтобы обуздать массы. И, наконец, в войне.

Два человека, которые встретились в этот день на вилле «Сильвия», служили одной и той же идее. Оба, глубоко осознав причины войн, дали себе слово бороться с корнем зла — капиталистическим строем, который «несет в себе войну, как туча несет бурю»...

Анри Барбюс, родившийся и выросший в интеллигентской среде, не сразу пришел к коммунизму. Гуманист и пацифист до начала войны 1914 года, он в сорок с лишним лет добровольно вступил в армию рядовым солдатом. Хотя Барбюс был признан негодным к строевой службе, он просил послать его на передовые позиции: ему хотелось разделить судьбу и страдания солдатских масс. Чудом возвратившись живым с гигантской бойни, Барбюс порывает со сторонниками бесплодного и бесполезного искусства для искусства. Он называет себя солдатом человечества. Литература становится для него оружием, которым он пользуется, чтобы помочь народу победить.

Когда в 1923 году члены политбюро французской коммунистической партии были заключены в тюрьму «Санте», Анри Барбюс вступает в партию. «Поскольку я принял их идеи,— сказал он,— я должен принять также и связанный с этим риск». Основатель и председатель Республиканской ассоциации бывших фронтовиков, редактор прогрессивного журнала «Монд», Барбюс с тех пор совмещает труд писателя и борца-коммуниста.

И вот произошла встреча Тореза с Барбюсом... Они стояли друг против друга. Барбюс — большой мечтатель, охваченный благородной тревогой человек, от справедливых слов которого сотрясаются стены капиталистической лжи, и Морис Торез — воплощение спокойной, ясной силы пролетариата, молодой рабочий вождь, познавший реальность классовой борьбы, изучивший классиков научного социализма.

Мы прошли через сад, куда проникал звук рожка из Галлатского леса. Барбюс провел нас на второй этаж, в свой рабочий кабинет — обтянутую материей и скромно меблированную маленькую комнату. Перед окном — дубовый стол. Над диваном — статуя из старого дерева.

В то время Барбюс только что выпустил свою книгу о Золя. Он ее послал Торезу.

— Мне очень понравилась ваша книга,— сказал Торез.— Это не только исторический и критический труд, это к тому же литературный манифест. Я прочел эту книгу залпом. Вы хорошо сделали, что выбрали сюжет, который дал вам возможность учить, волновать и убеждать одновременно. Кто смог бы лучше вас сказать о Золя? Ведь вы ушли от старого натурализма, чтобы придти к высшему реализму, где вся действительность схвачена в ее развитии...

— В нашу эпоху,— ответил Барбюс,— передовой рабочий и вдумчивый писатель разъединены только законом о разделении труда. Все, кто стоит за правду, стремятся к одной цели. Несомненно, литература должна оставаться литературой; это значит, что она должна выражать человеческое. Но писатель может этого достичь, лишь овладев точным пониманием действительности. Описывая, объясняя жизнь, он ускоряет движение к свободе, он служит тому же делу, что и революционная партия... Современные писатели,— продолжал Барбюс,— под предлогом сохранения своей «свободы» погружаются в самосозерцание и скептицизм. Они не хотят бороться за правду. Они мишурный продукт разлагающегося общества, они бесплодны. На трех — четырех парадоксах книгу не построишь. Вся эта искусственная, бессодержательная литература вызывает лишь неимоверную скуку...

Я выступил с призывом к объединению. Это призыв к молодым, еще не известным публике рабочим писателям, к тем, которые идут и придут в партию, на них возлагаю я свою надежду. Надо раскрыть новые таланты, надо заставить интеллигенцию понять — и это не самая легкая часть задачи,— что индивидуализм высушивает и что башня из слоновой кости, в которую они прячутся, вычеркивает их из жизни. Надо также, чтобы молодые наши поняли, что недостаточно быть пишущим рабочим, чтобы стать пролетарским писателем. Ремесло писателя так же трудно и требует столько же старания, как и труд конструктора, кузнеца, часовщика...

— Буржуазные писатели и художники,— заметил Торез,— не служат больше великим идеям, а без этого нет настоящего творчества. Больше того, они против идей и не замечают, какие огромные горизонты творчества раскрываем перед ними мы, народ. Маркс указывал, что капиталистический способ производства враждебен некоторым отраслям духовной продукции, таким, как искусство и поэзия. Справедливость этих слов оправдывается теперь лучше, чем когда бы то ни было. Живопись, ставшая отвлеченной, замкнувшаяся в себе поэзия — все это интересно лишь для узкого круга. Произведение искусства стало товаром, предметом спекуляции. Можно ли говорить о свободном искусстве в обществе, где искусство порабощено деньгами? Мы видим, как оскудевает вкус и мысль упадочного буржуазного класса. Роль создателя новой культуры принадлежит пролетариату, который собирает, пропуская через сито своей критики, культурное наследие, накопленное в течение веков.

Торез заговорил о романе Барбюса «Огонь».

— Разве «Огонь»,— сказал он,— не оказал большого влияния на миллионы людей, брошенных в бойню, ослепленных шовинизмом, обманутых дурманом официальной пропаганды? Писатели могут только обогатиться в сближении с народом, расширить свои горизонты, окунуться в живительные источники, в которых обновится их вдохновение...

И Морис заключил:

— Талант без убеждения бесплоден. Убежденность без таланта немощна. В ходе борьбы вырастут наши писатели и наши художники.

Барбюс одобрительно кивал головой.

Мы спустились завтракать в нижний этаж. Стол был накрыт в столовой, обставленной по-деревенски, с потолком, из которого выступали балки, с большим камином, где пылали дрова. Дубовые скамейки были вделаны в стены.

Барбюс стал рассказывать о своем последнем посещении Советского Союза.

— В 1928 году я собирал материалы для моей книги о Грузии, которая должна была выйти в следующем году. Я попросил И. В. Сталина о встрече и заготовил вопросник — в нем было 160 вопросов. «Вряд ли,— думал я,— Сталин сможет удовлетворить мою просьбу: было бы недопустимо отнимать у него для моей личной информации драгоценное время».

Товарищ Сталин принял меня со своей обычной приветливостью. Я ему изложил замысел моей книги, которая касалась национального вопроса — проблемы, исследованной и научно обоснованной Сталиным еще до революции 1917 года. Я хотел показать в книге, как Грузия, раньше угнетенная царизмом, расцвела в рамках многонационального советского государства, в семье равноправных и дружественных народов; как она развила свою культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию. Это должно было опровергнуть ложь и клевету, распространяемые врагами о Советском Союзе.

Сталин одобрил мое намерение и стал не спеша говорить. Я держал свой вопросник в кармане и предполагал оставить его Сталину перед уходом, поскольку он проявил интерес к моей книге. Мне переводили слова Сталина. И я увидел, что он ответил на все мои вопросы, даже не зная о них. Какой необыкновенный гений!

— Почему бы,— воскликнул Морис,— не написать вам книгу о Сталине? Вы спускались в бездну человеческого страдания в «Огне». Здесь вы могли бы подняться на вершину, откуда можно обозреть века!

Барбюс ответил:

— Я об этом несколько раз думал... Я колеблюсь... Как не колебаться перед восхождением на громаду Эльбруса?..

После завтрака Барбюс провел нас в маленькую гостиную в стиле ампир со старинными гравюрами на стенах.

Здесь беседа зашла о вопросе, который был злобой дня,— о единении трудящихся в борьбе против фашизма и войны.

— Не есть ли последнее слово буржуазной политики: разделять? — сказал Торез.— В области культуры, в профсоюзном движении — везде господствующий класс применяет старое правило: разделяй и властвуй! Противопоставить этому мы должны нашу формулу: в единстве — залог нашего успеха!

Барбюс полностью был с этим согласен.

— Они хотели бы,— сказал он,— путем подлинного заговора молчания привести нас к тому, чтобы мы проповедовали только среди уже обращенных...

Морис затем долго говорил о возможностях и средствах объединить антифашистские силы в борьбе за мир.

— Французская буржуазия,— сказал он,— знает, что наши рабочие и крестьяне против войны. Вот она и старается заставить их поверить, что она работает для мира, в то время как она вооружается, заключает блоки, прибегает к любым маневрам, чтобы разрушить советский строй. Было бы самой большой опасностью скрестить руки и ничего не предпринимать, довериться правительственному «пацифизму», не преградить пути фашизму и войне. Мы не можем дожидаться, пока грянет война... Помимо нашей повседневной деятельности по объединению рабочего класса надо будет поднять широкое народное движение против войны, которое объединило бы все партии, всех демократов, рабочих, интеллигенцию...

Барбюс глубоко задумался.

Позже у меня создалось впечатление, что в этот момент Морис Торез впервые выразил большую идею, которую Барбюс спустя несколько месяцев уже проводил в жизнь, мобилизуя в Амстердаме и Париже силы прогрессивной интеллигенции для борьбы за мир.

— Да,— задумчиво сказал Барбюс,— необходим подъем масс против войны... Надо сплотить людей доброй воли не для того, чтобы сочинять резолюции о единстве, но чтобы покончить с утопией пацифизма. Надо поднять голос народов, которые скажут правду о войне.

Мы вышли в сад.

— Без борьбы победы не бывает,— сказал Торез.— Мы вырвем победу, потому что силы, преданные демократии и миру, более могущественны, чем силы войны.

Он крепко пожал руку Барбюса, и они расстались.

Сокращенный перевод с французского Л. БАТЬ и М. ДМИТРИЕВОЙ

В новом Китае

Золотится глазированная керамика на древних крышах Пекина. Солнце еще только всходит, а улицы столицы уже живут, бурлят людскими потоками.

Прорезая густую толпу пешеходов, проносятся юркие мальчишки. Замелькали в руках яркие обложки советских иллюстрированных журналов. Кипы журналов тают на глазах. Интерес к Советскому Союзу здесь огромен. Многочисленные китайские газеты и журналы наполнены фотографиями из жизни Советской страны. О том, как живет советский народ, здесь хотят знать все, от мала до велика.

Нет уже больше в Пекине и следов растленного, развращающего американского, с позволения сказать, искусства. Китайский зритель приветствует новых героев: героев «Встречи на Эльбе», «Мичурина», «Сталинградской битвы». Они близки китайскому народу, завоевавшему свободу и строящему счастливую жизнь.

Многолюдная центральная улица. Толпа плотным кольцом окружила колонну автомашин. На лицах приветливые улыбки. Со всех сторон звучит вопрос, задаваемый на разные голоса: «Сулен?» «Сулен!». Юный шофер доволен и горд. «Сулен»,— отвечает он,— это значит «Советская». По корпусам машин разбегаются буквы: «Москвич», «Победа». Бережно поглаживая блестящее крыло, шофер громко рассказывает собравшимся о достоинствах советских машин, их проходимости по грунтовым дорогам.

Китай чувствует дружескую руку нашего народа, глубоко ценит бескорыстную помощь страны социализма.

* * *

В самом центре древнего Пекина озеро. Оно окружено густыми аллеями большого парка... Узорчатые императорские дворцы прячутся в его зелени. Парк, веками недоступный народу, стал местом отдыха трудящихся.

По аллее идет вереница маленьких черноголовых ребятишек. Это детский сад. Тишину, которая строго охранялась веками, нарушают тонкие ребячьи голоса, птичьим гомоном взлетающие к мрачным сводам дворца. Дети поют песню о Мао Цзе-дуне. Не очень строен хор, еще неуверенно шагают ножки. Но это шествует будущее освобожденного народа.

* * *

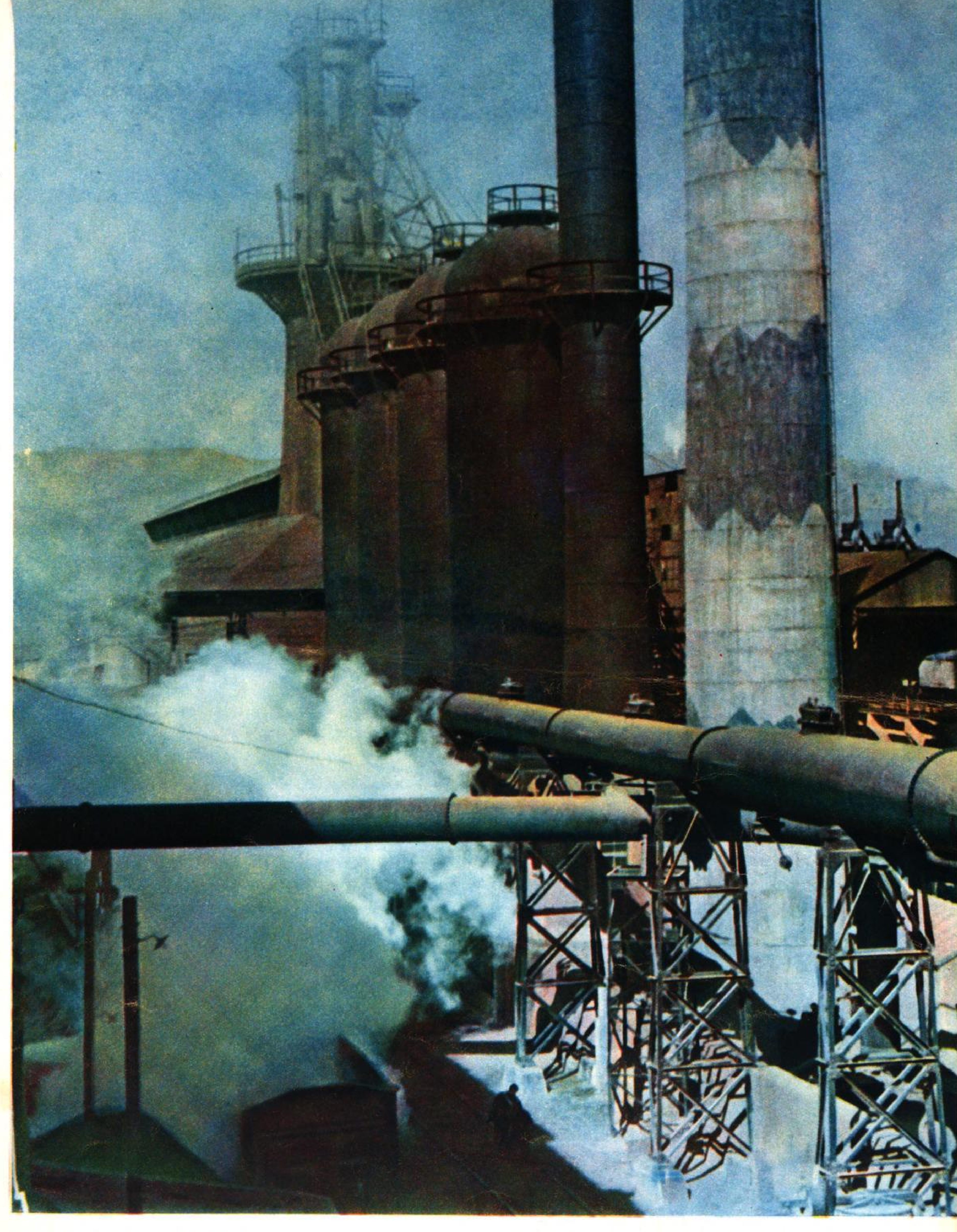
От далекой границы на север Маньчжурии, где воды Аргуни впадают в могучий Амур, стальной паутиной тянутся железнодорожные пути — жизненные артерии Китая. Они пролегают через горы и долины, переправляются через реки, бегут по живописным морским берегам. На протяжении пути за окном, словно на экране кино, видишь, как трудится китайский народ на своей земле.

Энтузиазм созидательного труда охватил всю огромную страну. Широкой волной подымается трудовое соревнование. Соревнуются бригады, отдельные рабочие, цехи, предприятия.

Невдалеке от Пекина, у подножья гор, раскинулся большой металлургический комбинат. Дымят могучие трубы. Теперь комбинат принадлежит народу. После того, как на заводе хозяином стал народ, время плавки сократилось почти вдвое. Этим гордится каждый рабочий.

Большое, светлое будущее у нового Китая.

Вл. МИКОША

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

Государственный металлургический завод в предместье Пекина.
Фото В. Микоши

Участники Пекинского ансамбля пляски; исполнители танца танкистов.

Участница народного танцевального ансамбля.

Шанхай. На канале.

ШЕСТЬ ЛЕТ, ПРЕОБРАЗИВШИЕ РУМЫНИЮ

Борис ПОЛЕВОЙ

Никогда не забудется героическая весна 1944 года, когда части Советской Армии с непрерывными боями, преследуя врага, прошли сотни километров, стремительным ударом бронетанкового кулака разгромили у Прута фашистские дивизии и, с ходу форсировав эту широкую реку, вступили на территорию Румынии.

Боевой порыв был неудержим. Не дожидаясь, пока в приречных плавнях саперы соберут подвижные понтоны, пехотинцы отважно бросались в холодную, быструю воду и пересекали реку вплавь. Пулеметы, противотанковые ружья, боеприпасы перевозили в рыбачьих челнах. Личное оружие переправляли на быстро сколоченных плотах, на поплавках, сделанных из набитых соломой плащ-палаток.

И первое, что поразило тогда советских воинов,— это то, что, вступив на землю страны, воевавшей тогда с Советским Союзом, они не почувствовали себя среди врагов. Отряды наших разведчиков были встречены на околицах первых же румынских деревень хлебом и солью под радостный колокольный звон.

От добровольных проводников отбою не было. Смуглые, худощавые женщины и черноглазые девушки со жбанами, наполненными водой и молоком, выходили на дороги, по которым тянулись наступающие войска, и поили усталых бойцов. Целые деревни охотно, без принуждения выходили ремонтировать мосты и дороги, взорванные фашистами при отступлении. По вечерам на стоянках большие толпы крестьян окружали наших солдат-молдаван, понимавших по-румынски, и жадно выспрашивали у них правду о великой стране за Прутом, о могучих и дружных ее народах, о справедливых порядках, установленных в ней, о великом Сталине — самом справедливом и мудром человеке на земле.

И еще тогда, на первых же километрах румынской земли, в первых же селах и городках Румынии, мы, советские люди, одетые в армейские шинели, поняли, что встречают нас здесь, как долгожданных освободителей, что не только тут, в долине Прута, но и там, в глубине страны, трудолюбивый, жизнерадостный, инициативный и несчастный народ, изнывающий от гнета немецких и собственных, доморощенных фашистов, ждет прихода Советской Армии, как радостного часа своего освобождения.

Блестящие победы Советской Армии и, в частности, один из знаменитых сталинских ударов — разгром сильнейшей Ясско-Кишиневской группировки немецко-фашистских войск — создали условия, в которых румынский народ, организованный и сплоченный Румынской коммунистической партией, переименованной позднее в Рабочую партию, получил возможность свергнуть фашистскую диктатуру Антонеску.

Исполнилась давняя мечта трудящихся Румынии. Разогнув спину и расправив плечи, он встал в один ряд с освободившим его великим советским народом и повернул оружие против своих давних врагов — немецко-фашистских захватчиков.

Этот день, 23 августа, когда освобожденная Советской Армией Румыния стала в ряды антигитлеровской коалиции и из врага превратилась в союзника Советской страны, стал сейчас в Румынии самым большим и радостным народным праздником. В этот день шесть лет назад окончилась тяжелая и мрачная история боярско-капиталистической Румынии — одной из самых отсталых европейских стран, служившей игрушкой иностранных империалистических монополий. Началась светлая история новой, народной Румынии, история ее бурного восстановления, быстрого роста ее промышленности, сельского хозяйства, культуры, искусства.

Один из старейших демократических писателей современности, классик румынской литературы Михай Садовяну, как-то в беседе с нами очень образно определил, какую роль в истории его страны сыграл приход Советской Армии.

— Вам не приходилось видеть степь в засушливую пору? — спросил он, поблескивая из-под тяжелых век своими узкими, очень умными и цепкими глазами. — Ужасающая жара! Воздух неподвижен. Трава пожелтела, засохла. Земля стала твердой, как глиняный горшок, и по ней пошли извилистые трещины. Все стихло, и кажется, что на много километров кругом все умерло. Но вот на горизонте зачернела туча, повеяло влажным ветром, загремел гром, и хлынул ливень. Он бушевал недолго. Туча ушла, засверкало солнце — и вы не узнаете степь, которая только что казалась мертвой: она ожила, зазеленела, зазвенела тысячами голосов.

Старый писатель помолчал, улыбнулся.

— Думаете, наверное: зачем я это вам рассказал? То, что произошло в нашей стране, напоминает эту освежающую грозу. Наша страна была, как эта засыхающая степь. Сейчас, после того, как ее освободили советские войска, ее точно ливнем оросило. Все буйно пошло в рост, все ожило, расцветает.

Степь, орошенная после долгой, томительной засухи обильным, теплым, животворным ливнем! Прекрасный образ, отлично передающий замечательные процессы, происходящие сейчас в Румынии. Действительно, страна растет не по дням, а по часам. Когда после длительного отсутствия приезжаешь в Румынию, всегда поражаешься, как тут все изменилось, как много сделано.

Давно ли румынские мужики, босые, оборванные, забитые, застенчиво выспрашивали у наших солдат, правда ли, что у нас земля принадлежит крестьянам и что даже есть машины, которые пашут, и машины, которые одновременно жнут и молотят. Им все это казалось тогда хорошей сказкой, далекой мечтой. А сейчас эти же крестьяне, получив боярскую землю, сами организуют производственные кооперативы, водят тракторы и мечтают обзавестись комбайном.

Давно ли я видел на одном из заводов Плоешти, как рабочие, обступив нашего шофера, молдаванина по национальности, с пристрастием выспрашивали у него: что такое социалистическое соревнование, как может завод работать без частного хозяина, правда ли, что советские рабочие, если захотят, могут выучиться на инженера?

Шофер, снисходительно улыбаясь, рассказывал им о стахановцах, о заводах-вузах, о том, как бывшие токари, слесари, ткачихи управляют фабриками, заводами, комбинатами. Рабочие качали головами и, кажется, не очень ему верили. А потом — всего несколько лет спустя — я посетил этот завод и увидел в директорском кабинете бывшего рабочего-бурильщика. Я увидел у заводских ворот портреты лучших заводских новаторов, красные вымпелы над станками передовиков и победителей трудового соревнования. И что самое главное — большой завод этот давал продукции в полтора раза больше, чем при капиталистах.

Приезжая в Румынию, мы видим рабочие санатории в королевских виллах и боярских замках, рабочих и крестьян, сидящих в аудиториях Бухарестского университета, новые дома крестьянских читален, стариков и старух, овладевающих грамотой.

Перестраивая под руководством Румынской рабочей партии свою страну, ломая старое, обветшалое, строя и создавая новое, свободный румынский народ учится у нас, советских людей, использует наш великий трудовой опыт.

Один из уездных руководителей рассказывал мне, как при организации одного сельскохозяйственного кооператива энтузиасты переусердствовали и предложили обобществить мелкий личный скот. Тогда слово взяла пожилая крестьянка. Она вышла на трибуну с томиком «Поднятой целины» Шолохова. Вышла и сказала, что в книге этой рассказывается, как на Дону тоже вот когда-то немножко перестарались, но рабочий Давыдов, посланный товарищем Сталиным, не позволил им этого делать. И собрание единодушно решило поступить так, как сказано в этой хорошей книге.

Творчески применяя к условиям своей страны великий опыт советского народа, Румынская рабочая партия и народное правительство Румынии ведут свой народ по пути побед и процветания. Уже в 1948 году промышленное производство в стране по важнейшим отраслям продукции превзошло довоенный 1938 год. Дальнейшие годы принесли новый расцвет экономики народной республики, ее развитие по пути к социализму.

Да, прав был Михай Садовяну! Страна расцветает быстро и бурно, как засушливая степь, орошенная обильными, животворными дождями. Шесть лет, прошедшие со дня освобождения Румынии советскими войсками, неузнаваемо преобразили страну.

Коллективные сельские хозяйства Румынии убирают урожай. На снимке: председатель коллективного хозяйства «Фламура раише» («Красный флаг») проверяет качество обмолота. Плакат гласит: «Мы боремся за мир!»

КНИГИ НОВАТОРОВ

Лучшие отзывы на серию книг Профиздата «Стахановцы новой сталинской пятилетки» пока даны не литературными критиками. Наиболее убедительные отзывы — это обувь из сэкономленного материала, это выданные сверх плана десятки тонн стали, тысячи метров ткани. Именно такими «рецензиями» откликаются на каждую книжку новатора производства, который делится опытом своей работы, тысячи и тысячи других стахановцев.

Бригадир маляров 11-го строительного треста города Куйбышева Василий Скитев прочитал, что написал о своем опыте борьбы за отличное качество продукции помощник мастера московского Краснохолмского камвольного комбината Александр Чутких. Задумавшись над брошюрой, он первым делом задал себе вопрос: «А что мешает моей бригаде работать только на «отлично»?» Так творческая мысль одного новатора родила живой, действенный отклик в душе другого стахановца.

Серия брошюр, выпускаемых Профиздатом, — это не просто еще одна серия брошюр, а волнующая своеобразная эстафета передовиков социалистического производства. Год назад выпустил книжку Чутких, в этом году — Скитев, а спустя месяц-другой — какой-нибудь безвестный еще сейчас товарищ, может быть, при этом и не текстильщик и не маляр. Он переймет опыт и Чутких и Скитева, обогатит его своим собственным, и тогда появится новая брошюра, которая осветит очередной шаг к коммунизму.

Что установил Скитев? Что недоделки в процессе стройки накапливаются все более и более потому, что работу от землекопов, каменщиков, плотников и т. д. принимает один лишь прораб. А прорабу всегда некогда, у него и так забот полон рот. Вот если бы работу у землекопа принимал идущий следом за ним каменщик, а у каменщика штукатур, — тут уже ни один грешок не остался бы незамеченным!

Скитев вышел за пределы узкой своей специальности, за пределы малярных работ и по-хозяйски охватил мыслью весь процесс труда на стройке. Он это сделал не потому, что ему, приходившему в качестве маляра последним на стройку, надо было своим лишним трудом отвечать за все оставленные недоделки, — и это само по себе было, конечно, досадно. Нет, в первую очередь его возмущало халатное отношение к работе, он исходил из патриотической заботы о всей стройке.

В своей брошюре «Взаимный контроль над качеством работы» Скитев пишет и о новых методах труда и о том, как его рационализаторские предложения способствовали воспитанию людей.

Вот выразительный пример. Маляры бригады Ткачева, придя на участок вслед за штукатурами Забелина и столярами Бочкарева, обнаружили ряд недоделок. Они отказались принять работу и приступили к составлению акта по всей форме. Тогда бригады Забелина и Бочкарева стали убеждать маляров не составлять акта, они просили, как сказано в книжке, «считать, что не было сдачи... Но мы не отступили, и акт все-таки составили. Теперь эти бригады выполняют свою работу хорошо».

Разве это передача одного только технического опыта? Тут рассказано и о том, как надо воспитывать в людях социалистическое отношение к труду!

Чрезвычайно показателен рассказ токаря-скоростника Бориса Кулагина.

Всю войну Кулагин пробыл на фронте — он был связистом и протянул «нитку» полевого телефона до самого логова фашистского зверя. Но отважный советский солдат, токарь по профессии, не забывал и о своем станке, — он мечтал о мирном труде. Задушевно и глубоко признание Кулагина: «Хотя на фронте я ни разу даже близко не подходил к станку, у меня было такое ощущение, будто я заново освоил свою профессию и узнал много таких секретов мастерства, о которых до войны и не подозревал».

Человек, который такими глазами смотрел на мир, естественно, и в танках, дошедших до Берлина, разглядел то, что мог увидеть в них только истосковавшийся по умному, свободному, созидательному труду советский труженик. Его заинтересовало, как могли военные машины, воевавшие столько времени, пройти без ремонта огромный путь до центра Европы. Еще по дороге с фронта у воина Кулагина родилась мысль: надо, чтоб и станки не уступали танкам по сроку своей службы, — и те и другие в наших руках воюют за мир!

Книжки серии учат не только техническому опыту: в них раскрывается чудесный облик нашего советского человека. Это учебники коммунизма. Они учат рабочего человека строить коммунизм собственными руками на своем обычном рабочем месте.

Не удивительно, что так велик спрос на эти книжки и в Советском Союзе и в странах народной демократии. В одной лишь Венгрии 25 брошюр наших новаторов производства изданы в последнее время тиражом в 200 тысяч экземпляров.

«Слово мастеров» — книга, где собраны высказывания о своей работе ряда наших выдающихся стахановцев, — вышло в Чехословакии уже третьим изданием! И что самое радостное — и там, за рубежом нашей Родины, в странах, которые лишь недавно стали на новый путь, эти книги вызывают тот же отклик, что и у нас: они побуждают свободных тружеников расширять стахановский опыт, делиться им с товарищами по труду.

Ярослав Коваржик, ударник чехословацкого Витковицкого металлургического завода, прочел повесть советского автора, где описывались послевоенные достижения мастера-сталевара. Судьба этого сталевара так заинтересовала Коваржика, что он захотел как можно подробнее ознакомиться с методами скоростной плавки советских сталеваров.

«...Через несколько дней, — рассказывает он, — у меня в руках была советская брошюра «Слово мастеров». И я проделал несколько опытов. Восьмого марта этого года я поставил рекорд — сварил плавку не за 8 часов 16 минут, как это предусмотрено по плану, а за 5 часов 25 минут. Но я не успокоился на этом. Я передал свой опыт другим. Сейчас у меня восемь учеников. За короткое время рабочие нашего Витковицкого завода, мои товарищи, шесть раз перекрывали мой рекорд... Я радовался каждому новому достижению. Ведь сталь — это сила нашей пятилетки. Сталь нужна народу для социалистического строительства, нужна для укрепления мира».

С чехом Коваржиком перекликается румын Шарбанеску:

«Стахановский труд принес мне высокие заработки... Не скрою, что вначале, работая по-стахановски, я думал только о себе. А ведь советские стахановцы так не поступают, они не таят свой опыт. Они донесли его своими книгами и до меня. И хорошо поступила партийная организация нашего завода, когда указала мне, что я должен думать и о своих товарищах по работе, передавать им свой опыт. Я начал писать статьи в заводские стенную и печатную газеты, выступать на собраниях и конференциях, рассказывать о книгах советских мастеров труда, открывших передо мной дорогу к производственным успехам. И это оказалось очень полезным: наш опыт был подхвачен всеми рабочими, распространился по всему заводу, а потом и за его пределами».

Органично, естественно, просто сливаются у трудящихся свободных стран мысли о своей печи, своем станке, своем конкретном участке работы и о чисто технических усовершенствованиях на этом участке с судьбами всего своего завода, своего народа, всего мира. И где грань в этих брошюрах, отделяющая техническую инструкцию от публицистических высказываний или художественных наблюдений автора? Можно ли, исходя из того, что практическая цель этих брошюр — передача прежде всего технического опыта, «очистить» их от «общих» рассуждений авторов или от живых, художественных зарисовок, во множестве разбросанных на страницах книжек?

Нет, невозможно. Обойтись без слова убеждения, без живой зарисовки — значит обеднить сам технический опыт.

Александр Филиппов, знатный доменный мастер завода имени Дзержинского (брошюра «За передовые коэфициенты»), рассказывает, например, как была затруднена плавка из-за того, что в шихту попадали куски руды, превышающие допустимый размер. Чтобы выяснить, почему так небрежно составляется шихта, он отправился на рудный двор. Оказалось, что рабочие рудного двора (а это была сплошь молодежь) не знали, как влияет на плавку состав подготовленной ими шихты. Филиппов не только разъяснил им сам, что происходит с шихтой в домне, но и добился организации для рабочих рудного двора специальных лекций.

Приведя этот и другие примеры, Филиппов делает общий вывод: мастеру в наших условиях, если он хочет добиться отличной работы возглавляемого им коллектива, мало быть только техническим руководителем коллектива: он должен быть и политическим его руководителем.

Определить жанр брошюр новаторов нашего производства о своем опыте трудно. Это в немалой мере строгие технические работы — с чертежами, схемами, цифровыми выкладками. Это и страстные публицистические статьи, в которых авторы делятся своими переживаниями и мыслями об особенностях нашего общественного строя, о новых чертах характера наших людей, как он проявляется в их отношении к основному в жизни — к труду. Это, наконец, и зарисовки, которые ничем не отличаются от художественного очерка. Так что же это все-таки? Техническая литература? Публицистическая статья? Художественный очерк?

И то, и другое, и третье. Но одновременно ни то, ни другое, ни третье. Это **новый** жанр, рожденный жизнью. Потребность в передаче своего стахановского опыта всему обществу все более становится органической. Это **новая** потребность человека социалистического общества. Она породила и новый жанр.

Литературная критика пока не уделила ему должного внимания. Жаль, конечно. Ее помощь избавила бы некоторые брошюры от существенных недостатков. Один из них — чересчур специализированное описание техники производства.

Многие из этих брошюр созданы в содружестве новаторов производства с журналистами и писателями. Это естественно. Не каждый знатный человек так же искусен в изложении своих мыслей, как в своем деле, и долг советских литераторов — помочь новаторам производства как можно скорее, лучше и шире распространить их стахановский опыт.

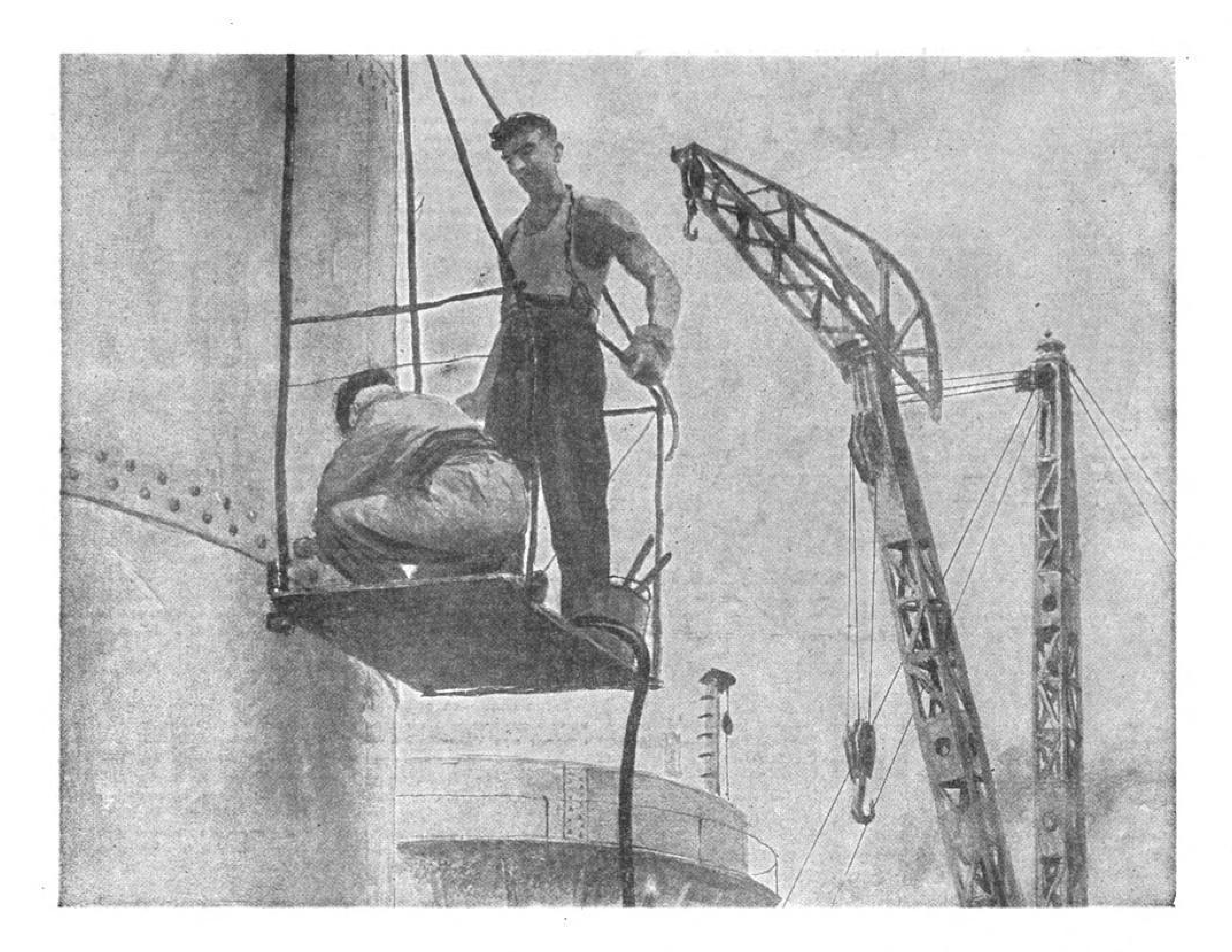
Книги выдающихся стахановцев о своем опыте — это не прикладная техническая литература: это прежде всего книги о замечательном советском человеке, человеке социалистического труда.

Какую книжку из этой серии ни возьмешь — все они вместе и каждая в отдельности замечательные, убедительные и доходчивые учебники социалистического производства, ценнейшее пособие для строителей коммунизма.

Руд. БЕРШАДСКИЙ

Серия книг Профиздата: «Стахановцы новой сталинской пятилетки».

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

(Главы из романа)

Евгений ВОРОБЬЕВ

Рисунки О. Верейского

Действие романа «Так хочется жить» развертывается летом и осенью 1949 года. Роман посвящен строителям домны. Главные действующие лица романа — монтажники, верхолазы, сварщики, клепальщики. В публикуемом здесь отрывке рассказывается о знатном клепальщике Захаре Захаровиче Карпухине и его ученике Баграте.

I

Недели две назад Карпухин, придя с работы, между прочим, как можно небрежнее сказал тетке Василисе:

— Во вторник в область еду. Лекцию читать о своей работе. Со всех строек съедутся. Делать им, наверно, нечего. Хотят у меня ума понабраться...

— А билет уже взял?

— Зачем билет? На машине поеду. Отправление в пять утра.

— Это кто же тебя, старого, с собой в машину берет?

— То есть, что значит «с собой»? Ты меня все-таки никак оценить не умеешь. Ведь объясняю, мне,— Карпухин подчеркнул слово «мне»,— предоставили машину. В пять утра. Прямо к моему,— он подчеркнул слово «моему»,— дому. Всех твоих петухов разбудим.

Тетка Василиса очень жалела, что «Победа» подкатила к их домику в пять утра, когда никто из соседей этого не видел и только собаки со всей Кандыбиной балки провожали машину недружным лаем.

В областном городе редакция газеты «Труд» устроила очередной стахановский вторник, на котором Карпухин выступил с лекцией «Как я добился своих рекордов».

На лекцию съехались клепальщики из Свердловска, Тагила, Златоуста, Чебаркуля, Молотова, Чусовой, а всего присутствовало человек триста.

Лекция прошла с успехом, и Карпухина попросили выступить вторично на следующий день на крупном строительстве, которое велось в предместье города.

Прочел Карпухин на этой стройке свою лекцию, ответил на все вопросы и вышел из аудитории. Машина уже ждала его, он торопился в путь-дорогу, в Каменогорск. И тут в коридоре Дворца культуры догнала Карпухина девушка; каблучки ее гулко простучали по паркету.

— Вот, пожалуйста,— она протянула Карпухину конверт.

— В письменном виде? Так я уже на все вопросы ответил.

— Здесь ваш гонорар.

— Что такое?

— Гонорар, который вам причитается.

— Какой же это гонорар? — Карпухин раскрыл конверт. — Здесь вовсе деньги.

— Ну да. Это вам за лекцию.

— Да вы что, смеетесь?! — гаркнул Карпухин. — Чтобы я за свой опыт деньги у рабочих брал? Нет уж, увольте, барышня.

— Я не хотела вас обидеть, товарищ Карпухин, — губы у девушки задрожали, на лице выступили пятна.

— За передачу опыта денег не беру. Ни денег, ни этого... как его? Гонорара. Нечего сказать, додумались!

— У нас всегда так во Дворце культуры. Вчера профессор логики читал. Или вот еще доктор педагогических наук про воспитание воли у детей. И еще «Есть ли жизнь на Марсе». Всем вам гонорар полагается. Чем же я виновата?

— Да я, барышня, и не думал вас обидеть,— Карпухин увидел слезы и растерялся. — В руке он все еще держал конверт и не знал, куда его деть. — Что вы, барышня? А что я крик поднял, так вы на это внимания не обращайте. Клепальщики без крика не могут. Привычка! Как тетерева на току, никого, кроме себя, не слышим. Ну вот, веселее — оно лучше. Одно слово — глухари. Я со старухой своей по душам разговариваю — на улице слыхать. Можно подумать, ругаемся или разводиться решили. Ну вот и улыбнулись...

— На той неделе тоже гонорар платили...

— Я вас, барышня, обидеть не хотел. Но и вы меня не обижайте. Так что деньги, или, как его... гонорар, возьмите. Пригодятся еще вашему клубу.

Карпухин протянул конверт, осторожно пожал маленькую ручку и пошел к выходу.

Открывая дверь, он обернулся и увидел, что барышня все еще стоит и с недоумением смотрит на конверт, будто соображая: и как их теперь, эти деньги, обратно внести в кассу, если бухгалтер уже провел деньги по всем книгам?..

Карпухин вернулся домой перед рассветом, когда, к великому сожалению Василисы, все соседи опять спали и опять никто не видел, как важно подкатил старик на «Победе».

А утром он ушел на работу вместе с Вадимом, уверяя, что отлично выспался в машине.

II

«Привет товарищу Карпухину, давшему 680 заклепок за смену!» — висел у проходной старый плакат.

Карпухин, как всегда, прошел мимо, делая вид, что он ничего не замечает, но косясь на плакат глазом и пожевывая от удовольствия ус.

У проходной он встретил Баграта, возвращавшегося с ночной смены. За эти дни Баграт похудел, глаза, будто подведенные, запали, и от этого еще больше выделялись белки. Но весь он был полон сил, и Карпухин, как всегда, не без удовольствия скользнул взглядом по его литым плечам, по мощной волосатой груди, распиравшей майку.

— Какая у тебя наверху погода? — спросил Карпухин. — Сколько вчера?

— Семь сотен набралось.

— Не с ветру говоришь?

— Семь сотен и еще пять штук.

— Пять штук? — машинально переспросил Карпухин, будто в этих пяти заклепках было все дело. — Ну и молодец! Устал, небось?

— Было немножко.

«Немножко»! Баграт постеснялся сказать Карпухину, до какой степени он чувствовал себя вчера утомленным. Он с трудом вылез из люльки, с трудом спустился по лестнице, но только когда подходил к дому, почувствовал усталость в полной мере, будто не борьба за рекорд, а дорога домой его так утомила. «Чего же удивляться, что я так устал? — раздумывал по дороге счастливый Баграт. — Зато рекорд сработал».

— Семьсот пять! — продолжал удивляться Карпухин. — Откуда же такая добыча?

—Верно, добыча богатая! Это у нас есть такая легенда. Как одна старуха, которая мышей боялась, барса поймала. Никогда не видел барсовой шкуры, Захар Захарыч? Очень красиво!

— Тут бы свою шкуру спасти. С такими учениками... — Карпухин громко засмеялся, но глаза его при этом остались встревоженными. Он повернул голову и долго смотрел на каупер, будто собрался отсюда пересчитать все заклепки, сработанные Багратом за ночную смену...

— На восемь сотен хочу курс держать. Грузинская пословица говорит: пока ветер не дунет, и пух в свою тяжесть верит. Вот и я, как та пушинка!

Карпухин внимательно посмотрел Баграту в глаза и понял, что за шуткой скрывается нечто серьезное, что все уже продумано до мелочей и подсчитано.

— Так и надо, Баграт. Сегодня ты, а завтра я, как один картежник по радио пел. Важно что? Домну скорее построить. А чьих там заклепок больше будет — дело десятое.

— Это верно, Захар Захарыч. Но все-таки буду стараться, чтобы моих заклепок было как можно больше.

— Так ведь заклепки, их, как цыплят, по осени считают. А у нас еще август не поспел. Ну, бывай... Мне еще нужно до работы похлопотать. Думаю, что рекорд твой сегодня прикажет долго жить.

— Надеюсь на вас,— сказал Баграт, сильно пожимая протянутую руку. — И желаю успеха.

«Нехорошо все-таки получилось,— думал Баграт, шагая к проходной. — Как мальчишка! И откуда у меня это хвастовство взялось? Восемь сотен, восемь сотен! Конечно, расчеты у меня сделаны на этот случай. Но все-таки нехорошо. Непойманная рыба всегда большой кажется, как говорят рыбаки у нас в Батуми. Вместо того, чтобы уважить человека, поблагодарить его за науку, начал хвастаться...»

«Семьсот пять заклепок — не фунт изюму,— рассуждал в это же самое время Карпухин, подходя к кауперам. — Молодчина этот Баграт! А я даже не поздравил его, как полагается. Все-таки мой ученик... И про рекорд его накаркал, как старая ворона. Вадим узнал бы — не похвалил, ох, не похвалил бы за такое дело... «Прикажет долго жить, прикажет долго жить!..» Чтобы перегнать, нужно еще сперва догнать. Шутка сказать — семьсот пять заклепок!»

III

После работы контрольный мастер — из глубокого кармана спецовки у него всегда торчал остроклювый молоток, называемый «дятлом» — невзначай назвал выработку Баграта.

Сперва Карпухин подумал, что мастер ошибся, и переспросил его. Потом решил, что мастер его разыгрывает, и подчеркнуто безразлично пожал плечами.

«Быстрее быстрого не сработаешь,— успокоил себя Карпухин. — Металл свою норму знает: когда покраснеть, когда остыть... У Баграта «эскимо» на губах не обсохло, а еще берется со мной тягаться. Кобыла с волком тягалася, хвост да грива осталася...»

Но смутная тревога не покидала Карпухина, он не мог отделаться от ощущения какой-то неудачи или еще не осознанной до конца беды.

У проходной висел старый плакат: «Вчера Карпухин дал 722 заклепки, 186 процентов плана. Слава знатному мастеру клепки!». «Карпухин», «722» и «Слава» были выписаны крупнее других и красной краской.

Проходя мимо, Карпухин покосился на этот плакат и помрачнел еще больше.

Тетка Василиса сразу заметила, что старик не в духе, и по обыкновению ждала, что он сам начнет делиться с ней своими заботами. Но на этот раз Карпухин ничего не сказал. Тетка Василиса забеспокоилась, не захворал ли, весь вечер старалась не придираться к старику и почти не ворчала, что ей удавалось с большим трудом.

— Не знаешь, что с моим? — спросила она в сенях у Вадима вполголоса.— Мрачнее тучи. И не поужинал толком. Может, неприятности?

— Да какие неприятности? На ученика на своего дуется. Жалуется, что и неблагодарный он и почтения никакого не оказывает...

— Зачем же он такого плохого человека в учение взял?

— В том-то и дело, что человек неплохой. Это ведь я его привел к Захару Захарычу. Нашего прораба фронтовой товарищ.

— В чем же тогда дело?

— Сдается мне, что наш старик к нему придирается. Это у него бывает. Вы же лучше моего знаете. Когда он на себя сердит, то всегда на кого-нибудь зло хочет сорвать.

Перед рассветом, в потемках, Карпухин оделся и хотел незаметно проскользнуть в дверь.

— Ты куда это чуть свет? — всполошилась тетка Василиса.

— На домну.

— В такую рань? Еще черти на кулачках не дерутся.

— Дело есть.

— И Вадимушку ждать не будешь?

— Пусть свое досыпает.

Карпухин наскоро и без всякого аппетита выпил молока с хлебом и ушел, тихо прикрыв за собой дверь.

Еще издали он заметил, что каупера поднялись за эти сутки в росте, а на первый каупер, стоящий поближе к доменной печи, монтажники уже надели сферический купол. Каупер с куполом очень похож на исполинскую заклепку или на гриб.

«Верхние пояса осталось выклепать,— прикинул Карпухин. — Броня потоньше, и заклепки полегче, пять восьмых дюйма. Зато Одарке и подручному достанется, крышей их закрыли. Один люк остался. Он теперь и окно для них, и калитка, и отдушина».

Карпухин направился не к своему, а к соседнему кауперу, на котором работал Баграт. На площадке было тихо и довольно пустынно, потому что клепальщики теперь работали только в две смены, а ночью хозяйничали монтажники, сборщики, сверловщики, чеканщики.

Карпухин подошел к подножью каупера, надел монтажный пояс, взялся рукой за стальной прут — ступеньку монтажной лестницы — и занес ногу, но воровато оглянулся: не видит ли его кто-нибудь? Карпухин очень не хотел, чтобы видели, как он лезет на чужой каупер.

Карпухин залез в люльку Баграта — она ждала своего хозяина — и осмотрелся. Инструменты лежали в полном порядке, как он, Карпухин, наказывал их держать.

Карпухин провел рукой по ряду заклепок, стукнул по нескольким из них молоточком и поспешно приложил палец — ни малейшей дрожи. Заклепки отзывались не надтреснутыми, а звонкими голосами, без предательской дребезжинки.

Не нашел Карпухин «лысаков» (так называют заклепки с неполными головками), «восьмерок», то есть скособоченных, недобитых заклепок, когда видна щель; про такую щель Карпухин говорил Баграту: «Оставил для горобцов».

Он привязался, вылез из люльки, долго лазил вокруг каупера и все искал изъянов, не замеченных «дятлом», и не находил этих изъянов, отчего мрачнел и тут же радовался.

«Узнаю свой почерк»,— с гордостью отметил про себя Карпухин. Карпухин знал, с какого места начал вчера клепать Баграт, знал,

сколько заклепок держит каждый стальной лист, и ему нетрудно было подсчитать число заклепок, выставленных вчера Багратом. Получались те же самые 764 заклепки, которые принял контрольный мастер.

Карпухин подозревал, что «дятел» ошибся, и приписал Баграту часть позавчерашних заклепок, но и это подозрение отпало.

Спускаться по лестнице было еще более стыдно. Стало совершенно очевидно, что не для чего было забираться на чужой каупер.

«Тоже нашелся контролер-общественник! — подумал о себе Карпухин со злобой. — Поганой метлой нужно гнать таких контролеров. Только сам себе на нервы действую... Конечно, Катя — редкостная нагревальщица и Бесфамильных — отличный подручный у Баграта. Он про отца своего рассказывал. Тоже богатырь был, или, по местному сказать, «усилок». Якоря ковал для барж. Не было в бывшее время тяжелее работы для молотобойца. Якоря-то по восемнадцати пудов весом. Думаю, что и сынок папаше не уступил бы. Но, конечно, опыта у Бесфамильных нету, так что мой подручный ему не уступит. А чем плоха моя нагревальщица Одарка? Тоже с Катей может поспорить. Значит, все-таки дело в самом клепальщике — в Баграте и во мне».

Бесконечно длинной показалась Карпухину на этот раз монтажная лестница, висящая вдоль чужого каупера. Карпухин с чувством огромного облегчения ступил на землю и снова воровато оглянулся: не видел ли кто-нибудь, как он пересчитывал чужие заклепки?

«Был знаменитый человек, да весь израсходовался, — с горечью думал о себе Карпухин в ожидании начала работы. — А еще по другим городам возили, бензин на меня тратили, лекции устраивали, деньги, или — как его? — гонорар, за эти лекции платить собирались. Целые гастроли, не хуже, чем у балерины или тенора. А пока я по кафедрам шлялся, Баграт меня и причесал. И откуда он только свалился на мою голову?»

Все эти дни Карпухин чувствовал себя очень обиженным. Он стал еще более раздражительным и несколько раз даже довел Одарку до слез. То им овладевали острые вспышки ревности и зависти к Баграту, то он пытался притвориться равнодушным к успехам ученика, но это ему не удавалось, и тогда он раздражался еще сильнее, и еще горше становилось ясно осознанное поражение.

О каких бы делах, связанных с клепкой, ни заходила речь в его присутствии, он мрачно махал рукой: все, мол, плохо, и домну в срок не пустить, хорошо, мол, еще, что каупера стоят и набок не валятся. При такой работе даже удивительно, как они держатся.

Карпухин всегда чувствовал себя хозяином всей стройки и находил уместным делать замечания и мастерам и прорабам. А сейчас и вовсе стал неуживчив, так и норовил наговорить какому-нибудь начальству неприятностей. Он явно злоупотреблял своей колючей откровенностью. Карпухину нравилось, что он слывет брюзгой.

В обеденный перерыв Карпухину повстречался у газетного киоска Гладких.

— Что, обогнали старика? — спросил Гладких очень весело. — А не нужно было, дорогой товарищ Карпухин, успокаиваться на достигнутом. Отстал, отстал, дорогой товарищ Карпухин, на сегодняшний день... А отсталых бьют!..

Карпухин мрачно промолчал. Он был доволен, что не нагрубил Гладких, но настроение было испорчено, как всегда, когда раздражительность Карпухина не получала выхода.

Карпухин услышал мимоходом, что Баграт дает какие-то наставления другому клепальщику, своему соседу. «Ишь ты! — усмехнулся Карпухин недоброй усмешкой. — Сам без году три недели на клепке, а туда же лезет со своим опытом. А опыта этого — кот наплакал. Но все-таки правильно Баграт ему показывает, как при такой горизонтальной клепке молоток в ногу упирать. Я его как раз так учил. Ишь ты, сам запомнил и еще среди народа распространяет...»

— Я, Захар Захарыч, с товарищем своим посоветовался, с инженером Токмаковым,— сказал Баграт после обеда. — Горно слегка переделал, чтобы заклепки более равномерно грелись. Катя одобряет.

— Ну и что же?

— Хочу вам показать. А после смены и ваше горно переделаем.

— Та-ак... Значит, решил меня уму-разуму учить? Интересно!

— Зачем же мне вас учить?

— Сам без году три недели с молотком знаком!.. Да у тебя еще «эскимо» на губах не обсохло — меня учить!

— Я только хотел поделиться насчет...

— Молод еще со мной делиться! Яйца курицу не учат. Понятно? Может, прикажешь к тебе в ученье поступить? Научите, товарищ Андриасов, заклепки клепать,— Карпухин сдернул с себя кепку и надел ее опять,— не оставьте без совета. Научите заклепки греть,— Карпухин опять сдернул кепку.

«Может, я не так сказал? — подумал Баграт огорченно. — Дипломат из меня липовый. Но какая тут может быть дипломатия? Я же не хвалиться собрался. Только хотел, чтобы Одарка тоже заклепки по-новому грела. Как же не поделиться своей находкой? А разве от меня Захар Захарыч что-нибудь скрывал? Ведь все свои секреты передал, всем приемам научил, спасибо ему. За это по-настоящему полагается ему от меня бочонок вина самого лучшего...»

Занятый своими мыслями, Баграт не видел, что Карпухин сидит рядом и не спускает с него глаз, еще недавно злых, а сейчас сразу потеплевших.

— Ну, чего нахохлился? — прикрикнул Карпухин на Баграта, сердито нахмурившись. — Чего замечтался? Полезем лучше твою придумку посмотрим. И потом хочу еще показать тебе, как удобнее нижние заклепки клепать, которые у самых ног остаются.

«Что это там Андриасов с горном вымудрил?»,— гадал Карпухин, шагая следом за Багратом к кауперу и с уважением поглядывая на его могучие, чуть поросшие волосами, смуглые плечи, совсем открытые солнцу, потому что лямки от вылинявшей майки касались массивной шеи. Большая майка эта была тесна Баграту, и вряд ли вообще была майка, которая оказалась бы ему впору.

«Советует он, конечно, от всей души. Не нарочно же хочет сбить меня с толку. Ну, а если сам попал в заблуждение? Тогда его нужно отговорить. Зачем же Катя будет мучиться зря, и сам он не в полную силу сработает? Поскольку мой ученик, все равно я за него отвечаю».

Осмотрев горно, Карпухин сразу мысленно одобрил усовершенствование, оценил его остроумие, но еще долго хмурился и только напоследок сказал небрежным тоном, как бы между прочим:

— Конечно, можно и таким манером воздух подводить. Ошибки тут нету.

IV

Уже перед концом смены Карпухин, сидя в своей люльке, увидел внизу знакомую шляпу и очки. Так и есть, Соловьев. Все на стройке знают шляпу корреспондента Соловьева, эту измятую, пропыленную всеми песками и цементами всех марок бурую шляпу. За Соловьевым стоял фотограф Флягин.

В перерыве между двумя очередями молотка Карпухин крикнул, свесясь вниз и сложив руки рупором:

— Эй, Геннадий Васильич! Здорово!

Соловьев помахал рукой, а Флягин смотрел вверх, не ответив на приветствие.

— Лезь ко мне! Внутренним ходом. Там лестница лучше.

Соловьев помахал снятой шляпой, но залезать в каупер не торопился.

— Эй! Ты ко мне? — усомнился Карпухин.

— К тебе потом.

Карпухин понял, что лезть к нему Соловьев и не собирался, а сейчас согласился только из боязни обидеть.

Соловьев снова помахал шляпой и пошел прочь. Флягин зашагал за ним.

«Куда же они? На второй каупер! Вопросов больше нет. Все ясно! К Андриасову».

Спустя, может быть, час Соловьев снова появился у подножья каупера. Флягина с ним не было.

— Эй! Захар Захарыч! — донеслось снизу в промежутке между очередями. — Иду к тебе!

Карпухин не слишком приветливо, больше из учтивости, помахал рукой, и Соловьев вошел в каупер, чтобы совершить восхождение по его жидким лестницам и стремянкам.

Соловьев залез в люльку к Карпухину, но разговор долго не начинался, потому что Карпухин не отрывался от молотка.

— Ну, как там мой? — спросил наконец Карпухин хмуро и кивнул на каупер Баграта.

— Большой мастер. Можно сказать, гросмейстер клепки растет. Поздравляю, Захар Захарыч! И скромный! Про себя ничего не рассказывает. А все про тебя, про учителя.

Карпухин недоверчиво взглянул на Соловьева. Глаза Соловьева, спрятанные за очками, были прищурены и потому казались чуть-чуть насмешливыми.

«Хитрит, не хочет мне обиды доставить? Или Баграт на самом деле расчувствовался? Особой благодарности я от него, правда, не слышал. Но, может, он ее при себе хранит и только с другими делится?»

— Та-ак... Значит, доволен все-таки учителем? — желчно спросил Карпухин, опуская молоток и поджидая, пока из отверстия в кожухе появится раскаленная головка следующей заклепки.

— Доволен? Не то слово. Влюблен он в тебя, старого хрыча.

Карпухин вновь настороженно посмотрел на Соловьева. Тот говорил по обыкновению простодушно, а глаза были против воли насмешливы, как это часто бывает у близоруких.

«Так это он просто щурится,— догадался наконец Карпухин. — Солнце ему в стекла светит».

— Это ты складно придумал, что полез к Баграту,— сказал Карпухин, поставив очередную заклепку, и кивнул уже не хмуро, а весело на соседний каупер. — А то все: Карпухин, Карпухин! Свет на мне, что ли, клином сошелся? А пока ты интервью мои записывал да твой фотограф карточки снимал, молодой-то нас с тобой и обошел! Что же оказалось? Умный-то я умный, только ум у меня — дурак.

Соловьев рассмеялся, но смех его тут же заглушила новая строчка карпухинского молотка, и какое-то мгновенье был виден только немой широко раскрытый рот...

V

«Здорово это Соловьев выразился: гросмейстер клепки,— размышлял Карпухин, шагая домой. — До чего он там только у себя в редакции не додумается! Вот именно гросмейстер! Из мастеров мастер! Ученик прямо-таки выдающийся! Слету все схватывает. И что особенно приятно,— всю мою сноровку перенял. Даже то, чего иной раз и рассказать-то нельзя, а можно только показать и подсмотреть. Конечно, редкой силы человек. Таким здоровьем пышет, что на щеках блины печь можно. А приведись случай с ним побороться, он бы меня и молодого сразу подмял под себя и лопатками к земле припечатал. А все-таки дело тут не в одной только силе: редких способностей человек. Смотрел я вчера на его работу и залюбовался, и поймал себя на этом, и рассердился, и, тем не менее, опять любовался и думал: «Вот так я сам клепал бы в свои лучшие годы, если бы мне, молодому и еще более сильному, да мою нынешнюю опытность. И что значит рекорд Баграта? Ведь если правильно рассудить, это мой собственный рекорд, все искусство мое, все двадцать четыре домны — вся моя жизнь в этом рекорде. То, что обогнал меня, старика, естественно. А если бы Баграт при его способностях и сноровке меня не обогнал? Значит, плохо я его научил. Значит, не все секреты передал, и не было бы мне от самого себя уважения. Семьсот шестьдесят четыре заклепки! А кто тебе сказал, что это граница для такого мастера, или, лучше сказать, гросмейстера? Вот подожди! Мы еще вместе с Багратом обмозгуем и восемь сотен сочиним. Будешь знать, кто есть первый ученик Карпухина!»

И Карпухин погрозил пальцем своему вымышленному оппоненту, будто тот шагал с ним рядом и все спорил, упрямился, не хотел признать превосходства Баграта...

«И с чего это я взял, что Баграт неблагодарный? — раздумывал Карпухин назавтра, шагая на стройку. — Наверно, тетка Василиса в уши нажужжала. Что же, он мне должен был коробку конфет подарить? Как барышне? Выставил он 764 заклепки за смену — вот это и есть его самая большая благодарность. Впрочем, все-таки мог бы взять водочки и придти в гости, окропить рекорд святой водой! А впрочем, в такую жару и водочка-то — безвкусица. Хотя если бы тетка Василиса ту бутылочку в ледник спрятала, чтобы она запотела, можно было бы согрешить...»

И сейчас еще Карпухин обижался на Баграта, ревновал к его делам, но все чаще им владело удовлетворение от сознания того, что Баграт — его ученик и всем, всем обязан ему, Карпухину. Он гордился собой, как учителем Баграта, а прошло еще время, и он испытал высшую гордость — гордость за своего ученика-победителя.

С каждым днем таял холодок в их отношениях, Карпухин и Баграт дружили все больше. Теперь уже и обедать ходили вместе, и вместе обсуждали все производственные дела, и в два голоса, дружно ругали Замахаева, которого «только за смертью посылать», который своими словами «только ветер подымает».

Неумолчный грохот стоял на площадке кауперов, в десять — двенадцать молотков одновременно прошивали клепальщики стальной строчкой рубахи кауперов.

За последнюю неделю все три каупера выросли, каждый на шесть — восемь поясов. Все длиннее становились монтажные лестницы, ведущие наверх, и клепальщики все выше — уже куда-то на высоту десятого этажа — тащили свои люльки, жаровни, шланги, грохот молотков и новые рекорды.

Если бы не дощатые перекрытия и можно было бы, стоя на днище каупера, увидеть небо,— оно показалось бы теперь размером с голубое блюдце, не больше. И днем можно было снизу увидеть звезды. Вот так же видны днем звезды, если смотреть из глубокого колодца.

Сегодня Карпухин снова залез в люльку к Баграту: он хотел показать ему, как удобнее клепать заклепки самого нижнего ряда.

— Ну как, вспотел, Баграт?

— Да, не замерз.

Баграт распрямил спину и отер лоб весь в потеках черного пота. От этого жеста лоб стал еще грязнее.

Карпухин придирчиво оглядел ряды остывших синевато-серых заклепок, постучал по ним молотком. Ему очень хотелось хлопнуть Баграта по массивному плечу и похвалить, но он вместо этого сделал ему сварливым тоном несколько мелких замечаний. «Ишь ты, и за молоток берется совсем по-моему! И ногой упирается, как я. И так же голову откидывает назад, когда отдыхает. И так же шланг щупает. Моя хватка!».

Радостно узнавать в другом свою сноровку, свои повадки, радостно быть уверенным в способностях ученика, который «не посрамил фирму».

Карпухин все пытался выглядеть хмурым, но поучал он при этом Баграта с веселой раздражительностью и беззлобной, даже ласковой руготней.

«Добрый, старый ворчун! — думал Баграт с нежностью. — И чего он только со мной возится?»

Если бы кто-нибудь сторонний, не осведомленный о взаимоотношениях двух клепальщиков, вгляделся сейчас в их лица, он не узнал бы, кто из них учитель и кто ученик.

Удовлетворение и радость Карпухина, передающего свой опыт, были ничуть не меньше, а может быть, даже больше, чем удовлетворение и радость Баграта, который этот опыт сейчас перенимал...

VI

— Полундра!!! — раздался сверху истошный, лишь слегка приглушенный расстоянием крик.

Баграт быстро осмотрелся, запрокинул голову и увидел, что с макушки каупера летит торцом вниз доска, оторвавшаяся от подмостей.

Еще мгновение — и Баграт увидел прямо у себя над головой неотесанное ребро доски и ее торец, еще не успевший потемнеть после распиловки. Баграт мог еще отскочить на шаг в сторону. Ну, а Карпухин, который сидел на корточках, ничего не видел и не слышал, занятый наладкой молотка Баграта? Находись они сейчас на земле — можно было бы оттолкнуть Карпухина в сторону. Но тот стоял в углу люльки, даже каблуки его сапог повисали над пропастью. Крикнуть? Успеет ли Карпухин понять, что этот крик относится к нему? И успеет ли он сделать этот спасительный шаг, полшага в сторону?

Все эти размышления заняли какую-то долю секунды. Счет шел на мгновения, но каждое мгновение Баграт ощущал сейчас в полном объеме.

Баграт ухватился рукой за трос, чтобы не упасть, размахнулся и что есть силы ударил кулаком в край доски в то мгновение, когда до нее можно было дотянуться.

Доска качнулась от удара в сторону и, пружиня, промелькнула мимо самого уха Карпухина, продолжавшего сидеть в неведении на корточках, мимо его коричневой мускулистой шеи, изрезанной глубокими морщинами. Ребром доска скользнула по его предплечью и сорвалась вниз, рядом с люлькой, крутясь, изгибаясь на лету.

Баграт успел ухватить Карпухина за плечо, чтобы тот не отшатнулся, не оступился.

Карпухин посмотрел вслед несущейся вниз доске и круто повернулся к Баграту: он уже все понял и искал взглядом его руку. Баграт тоже посмотрел на свою руку.

— Зачем же ты, сынок? — спросил Карпухин, растерянный. — Как же это? Зачем ты так?..

Баграт попробовал сжать пальцы — и не смог, попробовал пошевелить кистью — и не смог.

Карпухин беспокойно оглядел могучую кисть Баграта — она посинела и распухла.

— Сам дойдешь до земли?

Баграт молча кивнул.

Он придерживал ушибленную руку своей левой рукой бережно, будто убаюкивал младенца, при этом морщился от боли и ворочал белками: они были совсем белыми на его задымленном лице.

Карпухин вылез из люльки первым и поддержал Баграта, ставящего ногу на лестницу. Тот взялся за лестничный прут-перекладину левой рукой, как обычно, а перекладину пониже он обхватил правой рукой, сильно согнутой в локте и занесенной так, чтобы согнутый локоть оказался выше плеча.

Едва спустившись на землю, Карпухин свернул для Баграта цыгарку. Тот совсем не мог двинуть рукой, она висела безжизненно. Баграт курил, все время морщась от боли и стесняясь того, что ему так больно.

Катя побежала за машиной и тут же перехватила самосвал, который только что ссыпал гравий, задрав торчком кузов. Она прыгнула на подножку самосвала, что-то на ходу объяснила водителю, и они подкатили к кауперу.

— А сильно вас доска ударила! — сказал водитель сочувственно.

— Меня доска ударила? — на какой-то момент улыбка согнала с лица Баграта гримасу боли. — Это я доску ударил!

Баграт простер вперед свои огромные руки и сказал печально:

— Эх, долго не держать мне молотка!

Правая кисть казалась сейчас больше левой: так она распухла. По ребру ладони тянулся лиловый кровоподтек и большая ссадина, пальцев не видно было за кровью.

— Не расстраивайся, Багратушка! — сказал Карпухин. — Останусь на вторую смену. С меня сегодня за обоих спрос.

Водитель предупредительно распахнул дверцу кабины. Подымаясь, Баграт оперся на сиденье левой рукой, и его подсадили в машину.

На прощание Карпухин очень бережно, двумя руками пожал здоровую руку Баграта.

РАССКАЗ об албанской девочке

Я. МИЛЕЦКИЙ

Летом 1948 года Селим проводил каникулы в родном албанском селе, где из окон отцовского дома виднеются оливковая роща, холмистые поля и быстрые горные ручейки.

После нескольких лет разлуки впервые собрались все дети: пятеро братьев и четверо сестер. Селим среди них старший. Одни приехали из городской гимназии, другие — из военного училища, из армии. Самый дальний путь проделал Селим: он студент Московского университета.

Мать ухаживала за ними, готовила вкусные блюда: пусть каждый ест то, что любит с детства. Но, оставаясь наедине с мужем, она не в силах была сдерживать свое горе. И Селим застал ее однажды в слезах. Он понял, что сокрушается она о дочке Фирдес.

Фирдес шесть лет. У нее врожденный вывих обоих бедер. Она едва двигается, да и то лишь переваливаясь с боку на бок.

— Что делать с ней? — спрашивал отец. — Операция оказалась неудачной. Куда ее повезти?

— Селим,—сказала мать,— говорят, что самые хорошие доктора в Москве.

Да, Селим это знал. И у него созрело решение взять Фирдес с собою в Москву. Там ее вылечат!

Мать беспокоилась: кто станет за нею ухаживать? Ведь Селим учится, разве у него найдется время? Но надежда на выздоровление дочери пересилила опасения.

...Вот и Москва. Только теперь Селим задумался: куда повезти сестру? Придумать он ничего не мог и отправился с вокзала в студенческое общежитие.

Весть о том, что албанский студент привез больную сестренку и она находится у него в комнате, где живут еще трое студентов, быстро разнеслась по всему дому.

— Они же не умеют обращаться с детьми! — возмущались студентки. — Девочку нельзя оставить там.

Особенно волновались медички, жившие на том же этаже. И Фирдес немедленно была водворена в их комнату.

Селиму казалось неловким причинять беспокойство незнакомым девушкам. Но в ответ он слышал обычно одно и то же:

— Не забывайте, что мы советские люди!

Студентка Тамара вскоре сообщила Селиму, что профессор Н. А. Богораз, создатель советской школы восстановительной хирургии, дал согласие лечить Фирдес и взять в свою клинику.

И здесь албанская девочка была встречена ласково и заботливо. Сначала Фирдес дичилась, но вскоре привыкла. Главный врач Федор Петрович Соколов подарил ей куклу. Сестра-хозяйка Полина Павловна Сергеева принесла новое платье.

В больничной палате рядом с Фирдес лежала девушка Виктория. Ей сделали такую же операцию, какая предстояла маленькой албаночке. Виктория окончила педагогический институт. Фирдес была ее первой ученицей. Она обучала ее русскому языку. Способная девочка начала читать по слогам.

— У тебя становится все больше друзей! — сказал Селим, увидев однажды возле постели сестры другую незнакомую девушку.

Таня Черняховская, студентка медицинского института, часто навещала больную Викторию. И здесь же, в клинике, началась ее дружба с Фирдес.

— Ну, албаночка, давай одеваться, — говорила Таня, схватив Фирдес на руки, — погуляем в садике.

Фирдес предстояла серьезная операция. Врожденный вывих бедра — заболевание относительно распространенное. Но в этом случае оно осложнялось тем, что вывих был двусторонний. Раньше при таком заболевании применяли операцию, разработанную немцем Кенигом и американцем Ольби. Однако наблюдения показали, что в ряде случаев болезнь возвращалась снова.

Елизавета Васильевна Рыжкова сдружилась с Фирдес...
Фото Г. Санько

Советская хирургия отказалась от этого несовершенного метода и разработала свой, оригинальный, успешно применяемый в последние годы в клинике профессора Богораза.

Перед операцией Фирдес нужно было окрепнуть. Девочку усиленно кормили, да и Селим приносил с собой всякие яства. Но вскоре он убедился, что и без него девочка завалена вкусными вещами.

— Зачем вы покупаете фрукты? — спрашивал он у Тани. — Ведь я сам могу это сделать. Мне, право, неловко...

— А Фирдес довольна, и это гораздо важнее, — перебивала его Таня.

— Избалуете вы мою сестренку, — говорил Селим, видя, как Виктория потчует больную домашним пирогом.

— Что ж, спеките такой же, — смеялась Виктория, — тогда и меня можете угостить. Пирог мне из дому прислали, а ее дом очень далеко.

Весной прошлого года Фирдес сделали операцию правой ноги. Талантливый хирург Сергей Осипович Португалов почти два часа стоял за операционным столом, восстанавливая тоненькую, изуродованную ногу албанской девочки. Трое суток Таня затем не отходила от ее постели.

Но вот с ноги сняли гипс. Операция прошла удачно. Фирдес почти не испытывала боли.

— Что ж, — сказал хирург Селиму, — теперь сестре нужно хорошенько отдохнуть, поправиться. В клинике лежать незачем. Весной приступим к оперированию левой ножки.

Как же быть? Селиму надо уезжать из Москвы на производственную практику. Не брать же с собой сестренку!

Но долго размышлять не пришлось. Таня Черняховская заявила безапелляционно:

— Я похищаю Фирдес на два месяца. Возьму ее в Рыльск, к брату. Там ей будет хорошо: яблок уйма, воздух чудеснейший. Чего же еще? Лучше всякого санатория.

Когда Фирдес, веселая и отдохнувшая, вернулась из Рыльска, ее тут же забрала к себе Елизавета Васильевна Рыжкова, одна из многочисленных её опекунш. Елизавета Васильевна посещала в клинике свою дочь и тут сдружилась с албанской девочкой, она привязалась к Фирдес и теперь попросила Селима разрешить сестренке пожить у нее.

В семье Рыжковых албанская девочка была до весны. Она горячо привязалась и к тете Лиле и к дяде Ване — так называла она мужа Елизаветы Васильевны. Они водили ее в Детский театр, на елку в Дом союзов, показывали Москву, продолжали учить читать и писать.

Однажды к Рыжковым пришел вместе с Селимом незнакомый человек. Это был посланец Албании, приехавший в СССР в составе делегации албанских крестьян. Отец Фирдес просил его посмотреть, как живет дочь у советских людей и правду ли пишет сын.

И тот увидел все своими глазами.

— Вы чудесные люди! — сказал гость Рыжковым, прощаясь.

Быстро пробежали месяцы, и Фирдес снова легла на больничную койку.

— Что-то я не узнаю этой девочки,— шутил хирург Сергей Осипович.— Какая здоровая и веселая!

Вторую операцию девочка перенесла легче. Елизавета Васильевна навещала ее каждый день, ухаживала за ней, как родная мать.

Наконец хирург разрешил Фирдес встать с постели.

— Теперь,— сказал доктор,— походит она немного на костылях, а потом и на своих ножках, пряменьких и крепеньких, побежит.

С клиникой покончено — таков был смысл его слов.

Куда же теперь? Возвратиться в Албанию возможно только в будущем году, когда Селим, окончив университет, уедет на родину. А пока Фирдес необходим отдых.

— Хочешь в Евпаторию, в детский санаторий? — спросила Елизавета Васильевна девочку. — Дядя Ваня достал для тебя путевку. Проживешь в Евпатории полтора месяца, ножка окончательно выздоровеет, поправишься, загоришь...

Фирдес нежно обняла Елизавету Васильевну.

На этом и можно кончить рассказ о маленькой албанской девочке, попавшей в страну социализма.

Городам — зеленый наряд

А. И. БОВИН,
министр лесного хозяйства СССР

Сталинская забота о человеке находит свое выражение во всех областях жизни Советской страны. Внимание партии и правительства, лично товарища И. В. Сталина к озеленению наших городов и сел — один из ярких примеров такой заботы.

В то время как в странах Западной Европы, находящихся под контролем американских империалистов, все еще зияют развалины зданий — печальные следы войны, советские города с каждым днем становятся краше, и, как символ мирного, созидательного труда, на улицах и площадях тянутся к небу молодые, стройные деревца.

Сталинский план реконструкции Москвы предусматривает посадку деревьев на всех магистралях и улицах. Посадки начались. Уже сейчас одеты в нежный лиственный наряд многие московские улицы.

Весело кудрявятся липы. Во время их цветения воздух напоен ароматом. Когда цветение заканчивается, листья липы темнеют. Ровные ряды деревьев красивы, спору нет, но слишком похожи они друг на друга и ростом, и цветом стволов, и формой крон. Осенью листья липы рано облетают.

Нельзя ли разнообразить, обогатить подбор деревьев? Управление озеленения Москвы использовало до сих пор только липу. Между тем установлено, что одна из лучших пород для городских зеленых насаждений — клен.

В Москве при Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева существует лесная опытная дача. Ею руководит лауреат Сталинской премии профессор В. П. Тимофеев. Здесь и в Пушкине, в дендрологическом парке Всесоюзного научно-исследовательского института Министерства лесного хозяйства СССР, можно познакомиться с самыми различными видами деревьев. И, разумеется, среди них есть клен остролистный, или, попросту говоря, тот обыкновенный клен, что часто встречается на просторах нашей Родины — от лесостепи и до Карело-Финской ССР.

Это высокое дерево с густой, красивой по форме кроной, большими dланевидными, глубоко рассеченными листьями, которые с середины лета пестро расцвечиваются в тона от золотисто-желтых до темно-пурпуровых.

Трудно отыскать дерево, отличающееся большей красочностью. Остролистный клен, кроме того, весьма долговечен, зимостоек, легко переносит пересадку и, что едва ли не самое главное, отлично мирится с дымом и газами городских улиц.

На опытной даче и в Пушкинском дендрарии рядом с остролистным кленом можно увидеть и другое дерево, листья которого непохожи на лапчатого соседа. Ствол этого дерева коричневый с белыми прожилками, придающими ему сходство с камнем. Это мраморный клён. А неподалеку растет высокий кустарник с маленькими листочками на красных черенках. И это клен. Он прибыл в Москву с Дальнего Востока. Осенью он становится в питомнике самым приметным, полыхая багровым пламенем. «Тайга горит», — так говорят про осенний клен на Дальнем Востоке. В это же время листья другого, маньчжурского, клена приобретают сиреневый цвет.

Существует еще вид клена, которому свойственна изумительная цветовая метаморфоза: в конце мая листья его окрашиваются в красный цвет, затем они постепенно становятся медно-коричневыми, наконец, зелеными, а к осени снова совершается чудесное превращение уже в обратном порядке.

Есть и клен с белой, как бы войлочной, подкладкой листьев и десятки иных красочных оригинальных его видов.

Ученые изучают акклиматизацию различных кленов на московской почве. Твердо установлено: они приживаются великолепно, независимо от того, высаживаются ли клены семенами или сеянцами.

В историческом постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о великом сталинском плане преобразования природы клен отмечен как первый спутник главной полезащитной породы — дуба.

Советские города должны быть лучшими в мире не только своей архитектурой, но и тесно увязанным с нею зеленым ансамблем. Чтобы превратить Москву и ее пригороды в цветущий «сад-город», реконструируется подмосковная зеленая зона, определяется расположение парков и лесопарков, назначение лесных площадей. Только вокруг нового огромного здания Московского университета на Ленинских горах будет высажена целая роща — 60 тысяч деревьев и свыше 500 тысяч кустарников!

На смену однообразным еловым и осиновым насаждениям пригородов должны придти привлекательные леса из ярко окрашенных лиственных пород. Это, в частности, легко осуществить посадками клена.

Министерство лесного хозяйства СССР направило специальную экспедицию, которая в радиусе 50-километровой зеленой зоны Москвы разрабатывает план организации лесного хозяйства на 10-летний период. В плане предусматривается как приведение в порядок и восстановление прежних лесных массивов, так и создание новых — вокруг Люберцов, Люблина, Тушина, Красногорска, Подольска, Ногинска, Кунцева и других городов Подмосковья.

В лесных хозяйствах Московской, Воронежской, Калужской, Тульской и других областей идет сейчас напряженная работа. Эти области подготавливают к посадке на московских улицах и въездах уже этой осенью первые 12 тысяч кленов.

Работа по подбору нужных кленов сложна. Для магистралей Москвы надо отобрать особо красивые экземпляры соответствующей кондиции высотой 3,5—4,5 метра.

В парках и скверах, на небольших улицах, в переулках и дворах будут высаживаться клены меньшего размера.

Одновременно будет производиться подготовка к посадкам последующих лет. Для этого за деревьями, которым спустя 1 или 2 года предстоит переселение в города, устанавливают особый уход: подготавливается корневая система, кроне придается красивая форма.

В лесных питомниках высеивают семена, чтобы осенью 1951 года получить более ста миллионов сеянцев.

В питомниках одного только Московского областного управления лесного хозяйства имеется 136 тысяч кленов-двухлеток. Это обеспечивает большой размах посадок.

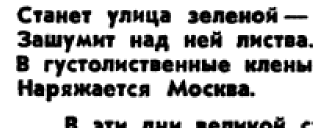
Особенное значение приобретает сбор кленовых семян. Конечно, эта работа не может быть выполнена без помощи населения городов и сел. Большую роль призваны сыграть здесь комсомольские и пионерские организации, молодежь и школьники. Они должны принять над кленами шефство, держать их на учете и во-время производить сбор семян.

Всесоюзный научно-исследовательский институт лесного хозяйства ведет работу по выявлению новых пород декоративных деревьев и кустарников, которые украсят города.

В дендрологическом парке и в селекционном отделении института имеются прекрасные гибридные тополя и орехи, которым не страшна суровая зима; лещина с оригинальной расцветкой листьев; бархатное дерево, дающее пробку; серебристые и голубые ели. Им тоже найдется место на улицах столицы и других городов.

Задача ясна — города советской державы должны одеться в пышный и красивый зеленый наряд.

Это будет сделано!

Клен идет в Москву

С. МАРШАК

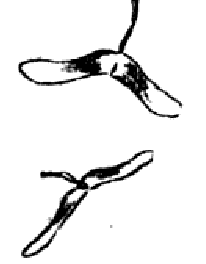
Станет улица зеленой —
Зашумит над ней листва.
В густолиственные клены
Наряжается Москва.

В эти дни великой стройки
Будет в город привезен
Долговечный, зимостойкий,
Не по дням растущий клен.

Здесь встречать он будет весны,
Свежей зеленью одет.
Развернется медоносный
На ветвях весенний цвет.

Оторвавшись, плод крылатый
Полетит, как парашют.
И московские ребята
Крылья клена соберут.

Эти крылья — эстафета
Отцветающей весны:
Клены будущего лета
В семенах заключены.

В парашютиках летящих
По два новых деревца,
По два клена шелестящих,
Два зеленых близнеца.

В летний зной раскинут клены
Листьев лапчатых шатер,
А потом зардеют кроны,
Как пылающий костер.

И недаром клен багряный
Так похож на шелк знамен, —
К нам, по Сталинскому плану,
Из лесов приходит клен.

Кронирование клена. Возраст — 15—18 лет.

Старый клен. Парк «Ленино», Царицыно-Дачное.

Листья клена.

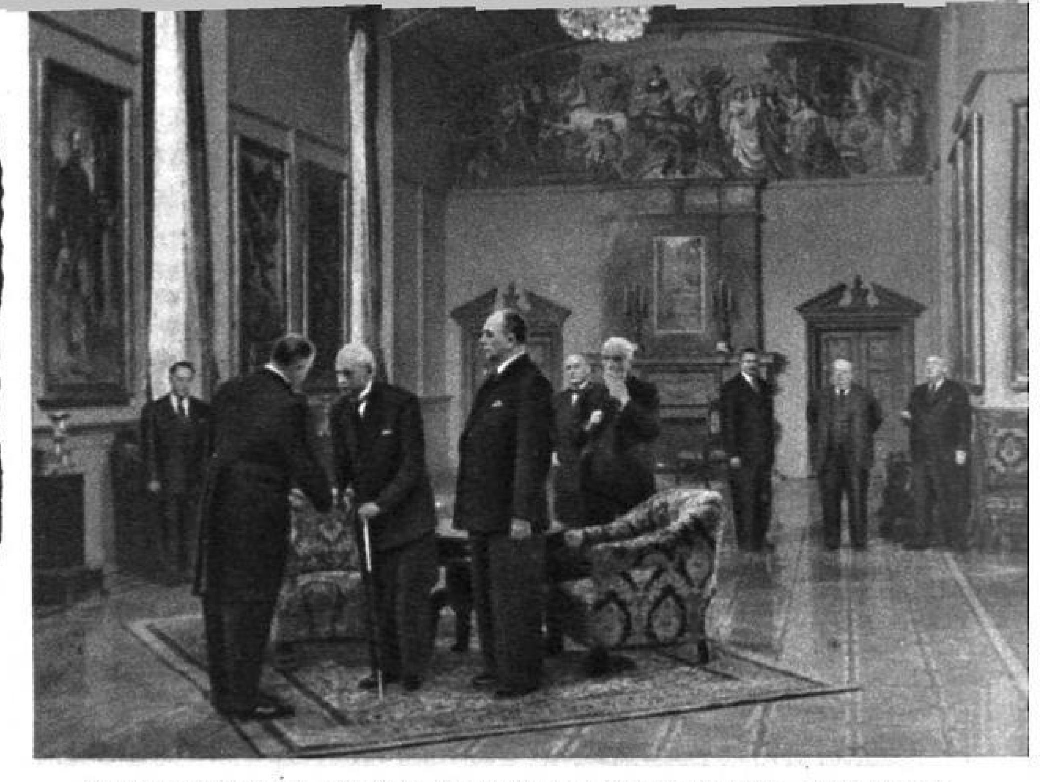
Лауреат Сталинской премии профессор В. Тимофеев со своим учеником Л. Расторгуевым.

Фото Дм. Бальтерманца

Листья клена.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД МИРОМ

Михаил РОММ,
народный артист Союза ССР,
кинорежиссер

Фильм «Секретная миссия». Совещание промышленных и финансовых магнатов Рура с американскими представителями во время войны. В центре (с тростью) Крупп — народный артист РСФСР А. Хохлов, справа сенатор — народный артист УССР Н. Комиссаров, за ним Гарви — заслуженный артист РСФСР С. Вечеслов.

Это было в конце Великой Отечественной войны. Советская Армия непрерывно вела завершающие бои в Будапеште, на Висле, в Карпатах, а в это время на Западном фронте, в Арденнах, американские и английские войска уже третью неделю отступали под натиском германских войск. Черчилль просил помощи у Москвы... И советское Верховное Командование, верное своему союзническому долгу, готовило большое наступление по всему фронту для спасения англо-американских войск от разгрома.

Честные люди всего земного шара считали дни и часы, которые остались до полного разгрома гитлеровской Германии. Человечество ждало победы над темными силами фашизма, жаждало мира, мира на долгие годы.

Но не о мире, а о новой войне думали уже тогда англо-американские империалисты. В тиши кабинетов они вели переговоры с Гиммлером о прекращении немецкого наступления в Арденнах, о капитуляции гитлеровцев на Западе и переброске всех сил на Восточный фронт.

Теперь уже точно установлено, что в конце 1944 года представители империалистических кругов США совместно с поджигателем войны № 1, Черчиллем, связались с верхушкой нацистской Германии и с магнатами немецкой промышленности в целях подготовки новой войны против СССР.

Для установления личных связей был предпринят ряд разведывательных поездок. Задача этих секретных миссий сводилась, по существу, к сохранению враждебного Советскому Союзу милитаристского, реакционного германского государства.

В марте 1945 года в Эссене состоялось совещание крупных немецких промышленников и финансистов с представителями американских «деловых кругов». На этом совещании, где присутствовали Крупп, Шахт и другие немецкие капиталисты, разрабатывались планы противодействия решениям Ялтинской конференции, проекты сохранения германской военной машины и германской военной промышленности.

Примерно в то же время американцы торопились перехватить у фашистской разведки ее шпионскую резидентуру в балканских странах и на востоке Европы.

Так в глубоком подполье готовился заговор поджигателей новой войны против СССР, против мира и демократии. Американский империализм создавал свои позиции в Европе. Для этого нужна была и немецкая военная промышленность и шпионская сеть гитлеровской Германии, для этого же велись переговоры с Гиммлером.

Разоблачению этого тайного сговора американских и германских империалистов посвящена картина «Секретная миссия», выпущенная студией «Мосфильм». Действие картины развертывается в начале 1945 года, преимущественно на территории Германии.

Приступая к съемкам, наш творческий коллектив ставил перед собой задачу нарисовать галерею военных преступников: и тех, которые понесли уже заслуженную кару, и тех, кто, еще гуляя на свободе и занимая командные посты в странах империализма, стремится разжечь новую мировую войну.

С американской стороны в фильме действует некий сенатор. Этот собирательный образ современного американского империалиста создан нами на основании изучения деятельности братьев Даллес и некоторых их сообщников. Сенатор, возглавляющий «секретную миссию» (его роль играет Н. Комиссаров), является одним из основных действующих лиц фильма.

Хитрый лицемер, жестокий, циничный ханжа, сенатор всегда, даже в момент осуществления самых подлых замыслов, обращается к богу. Грубый с подчиненными, он рабски угодлив со своими хозяевами — магнатами Уолл-стрита. Он рассчитывает извлечь немалые барыши из своей «дипломатической» работы.

За сенатором повсюду, как тень, следует серый и незаметный человек с тихим голосом и мягкими, вкрадчивыми манерами. Это Гарви (артист С. Вечеслов), представитель

Народная артистка РСФСР Е. Кузьмина в роли Марты.

Алексей Дементьев (заслуженный артист РСФСР В. Манаров) 9 мая 1945 года на Красной площади в Москве.

бюро стратегической информации, крупный американский разведчик. Функции его многообразны: он занимается не только шпионажем. Он наблюдает и за самим сенатором.

В картине обрисованы и хозяева сенатора: Диллон (артист В. Гардин) и Вандеркорн (артист Н. Рыбников) — воротилы американского капитала, которые в момент окончания войны прилетают в Лондон, чтобы не упустить своей доли при дележе военных прибылей.

С немецкой стороны в фильме присутствует почти вся верхушка нацистских заправил. Тут и Гитлер (артист В. Савельев), и холодный, лощеный садист Гиммлер (артист П. Березов), и лукавый Борман, «коричневый кардинал» с лицом мясника и убийцы (артист В. Белокуров), и шеф гестапо — главный палач Германии, огромный, похожий на орангутанга Кальтенбруннер (артист М. Перцовский), и Шелленберг, начальник немецкой фашистской разведки (артист А. Пелевин). Кроме этих официальных военных преступников, показаны вдохновители всех мировых боен, хозяева немецкой промышленности: некоронованный король Германии Крупп фон Болен унд Гальбах (артист А. Хохлов) и «идеолог» германских промышленников Ялмар Шахт (артист Н. Свободин).

Эти акулы германского капитализма представлены в картине в окружении большой группы капиталистов, роли которых исполняют актеры М. Яншин, В. Готовцев, Б. Петкер и другие.

Из английских реакционных деятелей в фильме показаны небезызвестный Уинстон Черчилль (артист М. Высоцкий) и его ближайший помощник Роджерс (артист П. Гайдебуров).

Всей этой шайке преступников, провокаторов и грязных дельцов противостоят в картине два скромных советских патриота — разведчики Мария Глухова и Алексей Дементьев. Мария Глухова (ее роль исполняет Е. Кузьмина) сотрудничает у Шелленберга под именем Марты Ширке. Советская разведчица добивается доверия у гитлеровцев, и ее прикрепляют в качестве шофера и переводчика к американской секретной миссии.

Рискуя жизнью, ежеминутно находясь под испытующими взглядами опытных шпионов и гестаповцев, мнимая Марта блестяще выполняет свой долг перед советской Родиной. Она наблюдает за деятельностью американцев и расшифровывает цель их приезда. Запугав камердинера Круппа — Люнеса (артист Л. Фенин), — она даже проникает на тайное совещание американцев и немецких промышленных магнатов. Но Маше Глуховой не удается до конца раскрыть все тайны подлых сговоров: преследуемая гестаповцами, она погибает.

На территории фашистской Германии у Маши Глуховой есть только один друг и помощник — советский разведчик Алексей Дементьев, работающий под маской летчика-эсэсовца (артист В. Макаров). Редки встречи этих советских людей, заброшенных в логово врага, тяжела их работа, отвратительно то окружение, в котором им приходится существовать, чудовищно тяжело им жить под личиной фашистов. Но они знают, что помогают ускорить победу над врагом.

Встречаясь друг с другом в обстановке глубокой конспирации, они лишены возможности подробно обо всем поговорить, отвести душу. Только в кратких репликах прорывается их тоска по Родине, по советским людям. После Машиной гибели Дементьев в условленном месте находит несколько маленьких катушек пленки и записку:

«Здесь все, что мне удалось добыть...

Думаю, кончится благополучно. Если нет... Обнимаю Вас и всех наших советских людей, каких Вы увидите, всех наших милых людей, которые будут счастливы. Маша».

В этой посмертной записке, в этих лаконических строках раскрывается чистая душа мужественной русской женщины-патриотки...

Стремительное наступление Советской Армии разрушает предательские планы американских империалистов, Черчилля и их союзников — нацистских лидеров. Советские разведчики раскрывают истинную цель секретной миссии сенатора.

Единственно, что удается американскому разведчику Гарви, — купить нацистскую агентуру в странах Восточной Европы. В союзе с коллаборационистами этих стран американцы надеются после войны приступить к активной борьбе против Советского Союза и государств народной демократии. Часть списков этой агентуры все же попадает в руки советских разведчиков.

* * *

Подбирая актеров и работая с ними во время постановки фильма, мы все время стремились к тому, чтобы создать у зрителей ощущение безусловной подлинности событий, происходящих на экране. Мы отказались от всяких ухищрений, от вычурных мизансцен, от актерских «эффектов», добиваясь предельной простоты, документальной точности каждого кадра, каждого эпизода.

Актеры хорошо поняли характер будущего фильма и, создавая образы чуждых и глубоко отвратительных нам людей, добились точной, выразительной игры.

В основу сценария «Секретная миссия», написанного К. Исаевым и М. Маклярским, положены исторические факты, хотя, конечно, в нем, как и во всяком произведении художественной драматургии, есть обобщенные образы и события.

Оператор Б. Волчек снял фильм в суровых, несколько мрачных тонах. Этот правильно найденный колорит помог придать картине атмосферу подлинности. Ту же задачу выполнили в своих декорациях молодые художники А. Фрейдин и П. Киселев. Музыку к картине написал композитор А. Хачатурян.

Весь наш коллектив стремился как можно более убедительно раскрыть в фильме лицо поджигателей новой войны, сорвать маски с человеконенавистников и убийц, готовых во имя своих подлых целей вновь ввергнуть мир в неисчислимые страдания.

Товарищ Сталин указывал, что в деле борьбы за мир важнейшее значение имеет разоблачение поджигателей новой войны. Выполнению этой задачи посвятил все свои усилия коллектив, работавший над кинокартиной «Секретная миссия».

И. Скалянский и Д. Ивахненко исполняют шуточные украинские песни под аккомпанемент бандур.

Шахтерский АНСАМБЛЬ

Пути-дороги шахтерского ансамбля протянулись во все угольные бассейны страны. Ансамбль разъезжал по шахтам далекой Караганды и Кузбасса. Его хорошо знают и любят горняки Подмосковного угольного бассейна, Грузии и Донбасса.

Когда колонна крытых автомашин въезжает на улицы шахтерского городка или поселка, горняки говорят: «Наш ансамбль приехал».

Этот большой художественный коллектив был организован в Донбассе тринадцать лет назад. Вырос он из глубин горняцкой самодеятельности, насчитывающей сотни хоровых и танцевальных кружков.

Слесарь из Горловки Петр Леденев — сейчас солист и балетмейстер ансамбля. Шахтер из Макеевки Николай Луговой, коногон Кузьма Москалев, горный мастер Степан Гудзь, шахтер Александра Хрипунова и другие участники ансамбля — плоть от плоти большой семьи советских горняков.

Связи с художественной самодеятельностью они не порывают и сейчас. Работники ансамбля проводят на шахтах однодневные семинары для руководителей художественных кружков, пополняют их репертуар новыми номерами.

Свыше 5 тысяч концертов дал шахтерский ансамбль песни и пляски во дворцах культуры, клубах, на открытых площадках.

Во время Великой Отечественной войны ансамбль обслуживал части Южного и Северокавказского фронтов и с широкой концертной программой «Мы из Донбасса» выезжал в восточные и северные угольные бассейны. В первые же дни освобождения Донбасса ансамбль вернулся в родные края, приветствуя победу выступлением «Здравствуй, Донбасс!»

В репертуаре ансамбля шахтерские песни композитора А. Листова «Уголек», «Шахтерский вальс» и шуточная песня композитора З. Дунаевского «Говорят у нас в Донбассе», «Шахтерские пляски», поставленные балетмейстером П. Вирским. Значительную часть репертуара занимают русские и украинские народные песни и танцы.

Огромным успехом пользуются шуточные украинские песни в исполнении Иустина Скалянского и Давыда Ивахненко под аккомпанемент бандур, а также «Украинская пляска», поставленная Петром Леденевым.

В разделе классики — «Вечер» Танеева, «Венецианская ночь» Глинки, «Песнь Сольвейг» Грига и другие.

С. ФРИДЛЯНД

ТЕАТР МОРЯКОВ СЕВЕРА

«Макар Дубрава» А. Корнейчука. Сцена из последнего действия. Встреча друзей у Макара Дубравы.

В деятельности театра Северного флота немало трудностей. Они вызваны суровыми условиями жизни за Полярным кругом, постоянными переездами по всегда бурному Баренцову морю. А о переездах сухопутных и говорить нечего: это самые обыкновенные будни.

Каждый новый спектакль театр показывает на кораблях и в частях флота, и всюду приезд артистов — радостное событие. После спектаклей нередко созываются конференции зрителей. На них моряки требовательно разбирают работу своего театра.

У театра и его зрителей любовь взаимная, дружба нерушимая. Она испытана в военные годы. Тогда театр Северного флота бывал со своими спектаклями и концертами всюду, где сражались с врагом и несли боевую вахту его зрители. Выступали в землянках, блиндажах, шалашах. В любую погоду, в пургу и метель мерили артисты километры дорог через сопки, посещая самые отдаленные пункты.

Уместно вспомнить: театр обслужил на фронтовых участках более девятисот тысяч зрителей — бойцов и офицеров.

Так закалялась дружба.

А прочная дружба между театром и зрителями — неиссякаемый источник творческого успеха. И этим прежде всего объясняется, что театр Северного флота — растущий творческий коллектив. Это наглядно показывают его три последних спектакля: «Мещане» А. М. Горького, «За вторым фронтом» В. Собко, «Макар Дубрава» А. Корнейчука.

В спектакле «Мещане» противостоят друг другу две пары: супруги Бессеменовы, роли которых жизненно и выразительно играют С. Сидоров и А. Василисина, с одной стороны, Нил и Поля в талантливом исполнении А. Курхина и В. Затепякиной — с другой. За машинистом Нилом и его подругой Полей, за революционным рабочим классом — будущее. Отсюда уверенность, прямота, спокойствие, убедительно переданные актерами. А. Курхин и В. Затепякина верно показывают и убежденную принципиальность героев и страстность их честных натур.

Напрасно кричит, беснуется, мечется Бессеменов. Его крик и метания оттого, что он теряет почву под ногами. Так играет Бессеменова С. Сидоров.

Акулина Ивановна Бессеменова по началу вызывает жалость: столь она кажется забитой, так настойчиво оберегает детей от гнева отца. Но вскоре жалость сменяется брезгливостью: забитость Акулины Ивановны рабья, идеалы ее самые мещанские.

А. Василисина играет Бессеменову мастерски, с глубоким проникновением в этот горьковский образ.

Темпераментной и яркой получилась и постановка «За вторым фронтом». В этом спектакле наглядно показываются душевная красота и благородство советских людей, их моральное превосходство над людьми капиталистического мира.

В лейтенанте Тане Егоровой, роль которой играет А. Сидорова, зрители узнают самоотверженную простую девушку, готовую всюду, где бы она ни находилась, отдать свои силы борьбе против насилия и гнета. Она совершает ошибку: доверяется девушке-англичанке Джен, дочери крупного капиталиста, отнюдь не заинтересованного, как выясняется в дальнейшем, в поражении гитлеровской Германии. Но Таня спасла в концентрационном лагере жизнь Джен, и неужели, думает она, это может быть забыто?

Убедительно раскрывает артистка В. Ефимова несложный душевный мир Джен. Когда под угрозу ставится ее материальное благополучие, Джен легко, не задумываясь, предает Таню. И если Таня все же спасена, несмотря на подлость Джен и ее сообщника мистера Гибсона (артист Б. Хотянов), то в этом зрители, естественно, видят торжество воли советского человека, всепобеждающую силу патриотизма.

Едва ли не лучшая работа флотского театра — его последняя постановка, «Макар Дубрава».

В этом правдивом спектакле все роли сыграны хорошо и убедительно. Но даже в слаженном актерском ансамбле выделяется образ Макара Дубравы, созданный артистом С. Ахановым, талантливым мастером сцены. Каждый эпизод, в котором участвует С. Аханов, заслуживает подробного описания. Но, пожалуй, наиболее ярко раскрывается перед зрителями Макар Дубрава в сцене, когда он показывает своим друзьям, старым шахтерам, как он встретил бы делегацию угольщиков, «будучи министром». Макар не играет министра, не изображает актерски в этой сцене государственного деятеля. Нет, он на время как бы превращается в министра, и зрители видят, что дается это Макару без всякого напряжения: старый шахтер, патриот, сам мыслит, как государственный деятель...

Театр тщательно заботится об оформлении спектаклей, старается, при самых экономных изобразительных средствах, создать возможно более полную сценическую иллюзию. Успех постановок во многом объясняется работой режиссера И. Шойхета, художников С. Казановского и В. Борисковича.

В этом году театру Северного флота исполняется 15 лет. За эти годы коллектив вырос из самодеятельного драматического кружка в зрелый профессиональный театр.

Вл. БЛОК

Макар Дубрава — артист С. Аханов.

«Мещане» М. Горького в Театре Северного флота. Сцена из 2-го действия. Нил — А. Курхин, Поля — В. Затепякина.

В. Алабин в барьерном беге обгоняет Т. Лунева.

Мечта Виктора Алабина

В. ВАСИЛЬЕВ

Поезд идет на восток. Позади светлые просторы московских улиц и площадей, зеленая чаша стадиона «Динамо» и давно ставшее родным, как отчий дом, общежитие на улице Казакова, дом № 18.

Мерно стучат колеса, и в такт им тонко позванивает на столике пустой стакан с ложкой. Старичок, прихлебывая чай, обстоятельно рассказывает соседям по купе о том, как он отдыхал в Хосте.

Ничто в эту минуту не напоминает Москву. Но стоит закрыть глаза, как перед мысленным взором мгновенно вырастает беговая дорожка с ровными рядами белых барьеров, фигура судьи со стартовым пистолетом в поднятой руке и заветная финишная лента, которую — увы! — на этот раз разорвал не он.

И все же это была прекрасная поездка. Он удачно выступил в соревнованиях сильнейших легкоатлетов страны, заняв пятое место в барьерном беге, отличился на первенстве общества «Большевик», повидался с любимыми преподавателями, с друзьями по институту.

Готовясь в дорогу, он ощущал какое-то смутное беспокойство. Оно было сначала неосознанным. И лишь тогда, когда с легким чемоданчиком в руках он вышел на перрон вокзала и увидел готовый к отходу дальневосточный экспресс, он понял, что просто очень истосковался по родному городу, по своим питомцам и товарищам по работе. И, сам того не замечая, Виктор Алабин — в прошлом воспитанник Центрального института физической культуры имени Сталина, а ныне директор молодежной спортивной школы в Благовещенске-на-Амуре — невольно ускорил шаги, словно боясь, что поезд уйдет раньше времени.

...Стучат, переговариваются колеса. Их невнятная речь хорошо знакома Алабину. Не раз и не два прислушивался он к их однообразному языку. Впервые он отправился в далекую поездку в Москву пять лет тому назад, и на вокзал пришли провожать его тогда родные и товарищи.

— Смотри, Витенька, будь осторожен, — говорила мать, — дорога немалая. Не выбегай на станциях-то.

И она пыталась погладить сына по волосам, а тот, смущенно косясь на товарищей, недовольно мотал головой. Уже перед самым отходом поезда к вагону торопливо подошел высокий человек с решительными и в то же время мягкими чертами лица. В его стройной, подтянутой фигуре легко можно было угадать спортсмена. Это был Василий Ефимович Соколов — преподаватель физической культуры благовещенской школы № 1, в которой учился Алабин.

— Ну, Виктор, — сказал он, крепко пожимая руку своему бывшему ученику, — не осрами школу.

Виктор с нежностью взглянул на своего учителя. Соколов сыграл в его жизни большую роль. Инвалид Отечественной войны, питомец Центрального института физической культуры имени Сталина, он быстро завоевал авторитет у своих учеников. Его уроки всегда проходили интересно и живо. Алабин сначала не был в числе лучших учеников Василия Ефимовича. В то время он был худым, слабосильным подростком и не очень любил уроки Соколова, боясь осрамиться перед сверстниками. Однако физкультура мальчику очень нравилась, и он только ждал повода, чтобы поговорить с преподавателем о своем желании стать спортсменом.

Разговор состоялся неожиданно скоро. Однажды Виктор увидел в кино фильм «Боксеры». На следующий день, чуть запинаясь, Виктор спрашивал Соколова, сможет ли он, такой худой и щуплый мальчик, стать мускулистым и выносливым.

— Экий ты, право чудак! — даже рассердился Василий Ефимович. — Конечно, сможешь! Всякий человек может стать сильным, только сила, как и все на свете, не приходит сама. Надо тренироваться...

С тех пор Виктор стал прилежно делать утреннюю зарядку, вступил в секцию гимнастики и использовал каждую свободную минуту, чтобы упражняться на перекладине. Зимой, когда бескрайние поля вокруг Благовещенска покрывались плотной пеленой снега, мальчика часто можно было видеть несущимся на лыжах с крутых пригорков парка, что раскинулся на берегу Амура.

Уже на следующий год Алабин убедился в правоте учителя: на лыжных соревнованиях на первенство Хабаровского края Виктор прошел 10-километровую дистанцию в 42 минуты и занял первое место среди юношей.

Учитель и ученик крепко подружились. Вскоре Соколов поручил Виктору вести секцию бокса. Алабин часто помогал Василию Ефимовичу проводить уроки физкультуры, а иногда, когда Соколову нездоровилось, он даже замещал своего учителя в младших классах.

Алабин так страстно полюбил физкультуру и спорт, что никого не удивило, когда он по окончании школы объявил, что намерен поступить в Институт физической культуры.

В столицу Алабин приехал в самый разгар подготовки к физкультурному параду. Прогуливаясь по аллеям институтского сквера, Виктор не без робости поглядывал на загорелых, ловких, жизнерадостных юношей и девушек, которые легко, без видимых усилий проделывали сложные гимнастические упражнения.

Алабин успешно сдал экзамены и был принят в институт. Он занимался различными видами спорта — легкой атлетикой, гимнастикой, боксом, плаванием, — так как хорошо знал, что преподаватель физической культуры должен быть разносторонним спортсменом.

Когда пришло время специализироваться в том или ином виде спорта, Алабин, по совету своего преподавателя Виктора Андреевича Кокунова, выбрал легкую атлетику. Особенно его привлекал барьерный бег: эта сложная разновидность бега требовала многих физических качеств, которыми Алабин обладал в полной мере.

На последнем курсе он достиг хороших успехов. Выступая зимой 1949 года в соревнованиях на первенство Москвы, Виктор Алабин выиграл бег на 30 метров, а в соревнованиях на ленинградском Зимнем стадионе обогнал в барьерном беге на 60 метров выдающегося спортсмена чемпиона страны Тимофея Лунева.

В. Алабин готов к бою.

Быстро пролетели годы учебы. Летом прошлого года выпускник Института физкультуры Виктор Алабин предстал перед комиссией по распределению. На вопрос, куда он хочет поехать на работу, молодой специалист, не задумываясь, ответил:

— Если можно, направьте меня на родину, в Благовещенск.

...Алабина встретили в родном городе радушно. Земляки гордились своим товарищем. Молодого преподавателя ждал непочатый край работы.

Алабина назначили директором молодежной спортивной школы. Он взялся вести в школе легкоатлетическую группу и вскоре обнаружил, что среди его питомцев оказалось немало способных молодых спортсменов. Воспитанники школы привязались к своему директору и тренеру за его любовь к спорту, к воспитанию молодых физкультурников, за его знания.

Вскоре содружество тренера и учеников принесло первые спортивные успехи. Студент пединститута Михаил Андросов долгое время не мог прыгнуть выше 1 метра 45 сантиметров. После нескольких месяцев занятий с Алабиным Андросов стал преодолевать высоту в 1 метр 60 сантиметров. Школьники Лева Мокроусов и Володя Александров (оба отличники — с плохими отметками Алабин в школу не принимал) после нескольких месяцев занятий намного улучшили свои достижения в беге и прыжках. Володя прыгнул в высоту на 152 сантиметра и установил рекорд Амурской области для мальчиков 15—16 лет.

Роза Масконина показала хороший результат в беге на 200 метров, а бухгалтер Галина Кравченко — в барьерном беге.

Помимо работы в спортивной школе, Алабин занимался и педагогической деятельностью в первой школе, где несколько лет назад он сам учился и где продолжал работать его бывший учитель. Встреча двух друзей была радостной.

Василий Ефимович, шутливо переходя на «вы», спросил:

— А помните, Виктор Григорьевич, как вы сомневались, что сможете стать сильным, а?..

Теперь Алабин, как равный, трудился рядом с Соколовым. Неутомимый и требовательный, Соколов добился того, что спортсмены первой школы стали одними из лучших в городе.

Нынешней зимой сборная команда школы взяла первенство среди взрослых по русскому хоккею. Это было блестящее достижение. Вручая в торжественной обстановке приз, Алабин сказал:

— Мне особенно приятно, что победителями явились ученики Василия Ефимовича Соколова, воспитанником которого я счастлив назвать и себя...

Летом этого года в Благовещенске, на стадионе «Динамо», состоялись матчевые встречи сильнейших спортивных обществ области. Команду «Большевика», которая в прошлом году выступала неудачно, тренировать поручили Алабину. В ее состав вошло много учеников спортивной школы. Тренер прежде всего постарался создать сплоченный коллектив: он хорошо знал силу дружбы. Соревнования закончились полной победой «Большевика», опередившего такие сильные команды, как «Динамо» и «Спартак».

На этих соревнованиях произошел знаменательный эпизод, наглядно показавший Алабину, что его труды не пропали даром. Случилось так, что по прыжкам в высоту конкурировали Алабин и его ученик Андросов.

Ученик победил своего учителя. И когда кто-то из знакомых попытался высказать Алабину сочувствие, тот возразил:

— Напрасно вы меня жалеете. Если хотите, это была одна из самых крупных моих спортивных побед...

В июле Алабин вылетел в Москву на соревнования сильнейших легкоатлетов страны и вот сейчас возвращался обратно в Благовещенск. Его мечты и планы были ясными и определенными. Смысл и цель своей работы, своей жизни он видел в воспитании сильных, смелых молодых людей, любящих свою Родину, готовых посвятить ей свои духовные и физические силы.

Кубок разыгрывается впервые

Широкой популярностью пользуются соревнования на кубок. Тут острота спортивной борьбы достигает высшего напряжения, так как проигравший выбывает, и сколько бы команд ни оспаривали приз, к финалу приходят только две.

До недавнего времени у нас разыгрывался кубок СССР по футболу, хоккею, водному поло. В прошлом году был учрежден кубок СССР по баскетболу, а в нынешнем — по волейболу.

И вот одна за другой состоялись в Москве баскетбольные встречи, привлекшие на стадион «Динамо» многочисленных зрителей.

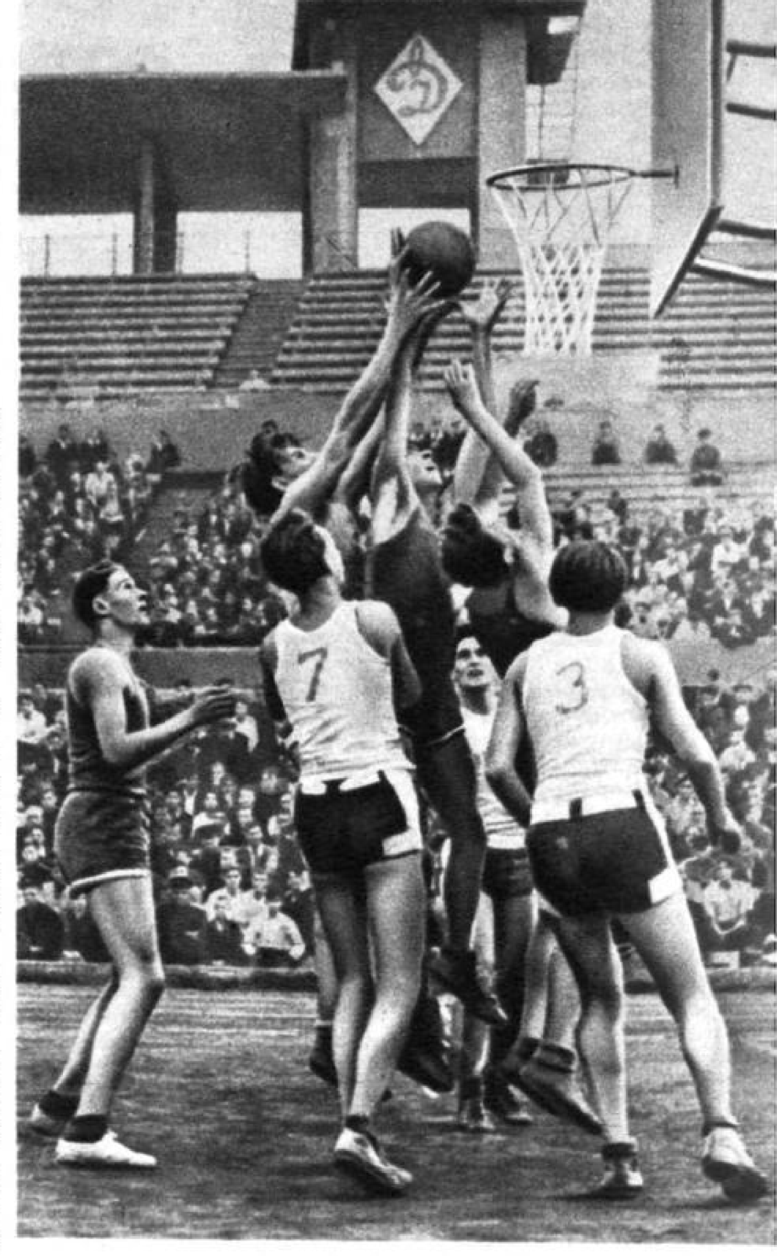
На баскетбольной площадке в финальном матче встретились женские команды киевского «Динамо» и Московского авиационного института (МАИ). Это была быстрая, задорная, насыщенная комбинациями игра. Первая половина закончилась со счетом 20:15 в пользу киевлянок. После перерыва москвичкам удалось выравнять положение. Счет 32:32. Кажется, ничья. Игру придется продлить. Но за 40 секунд до финального свистка судьи киевлянка В. Таганян, забросив мяч в корзину, принесла победу своей команде. Киевлянкам был вручен кубок.

Встреча между мужскими динамовскими командами Тбилиси и Москвы прошла менее интересно. Уж очень ощутительным было превосходство грузинских баскетболистов.

Волейбол, пожалуй, — самая массовая спортивная игра. В волейбол у нас играют миллионы людей. В прошлом году сборная мужская команда Советского Союза стала чемпионом мира, а женская команда — чемпионом Европы.

В финале розыгрыша «Кубка СССР» волейболисты ленинградского Дома офицеров встретились с динамовцами Москвы. Преимущество было на стороне москвичей. Они выиграли встречу с результатом 3:1.

Женская волейбольная команда московского «Динамо» победила ленинградский «Спартак».

Момент игры, между баскетбольными командами «Динамо» (Москва) и «Динамо» (Рига).

Фото Н. Смирнова

Конно-спортивные соревнования

Несколько дней продолжались соревнования на первенство Москвы по конному спорту, в которых принимали участие команды Высшей кавалерийской школы, «Пищевика», «Науки», ВВС и других спортивных организаций.

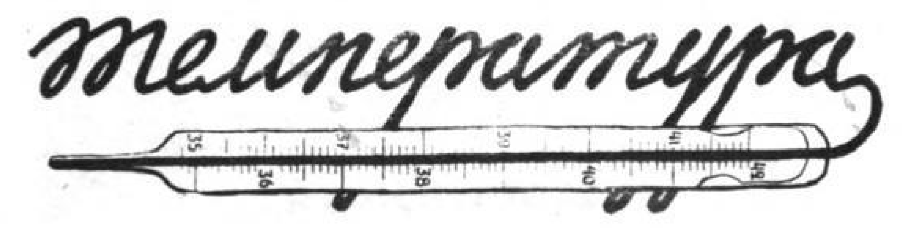
Наибольший интерес вызвало многоборье, включающее манежную езду, кросс и конкур-иппик. Первое место завоевали мужская команда Высшей кавалерийской школы и женская команда общества «Пищевик».

В заключение был проведен конкур-иппик трудного и высшего класса на личное первенство. Звание чемпионов столицы присуждено среди женщин Нине Громовой («Пищевик»), среди мужчин Елизару Левину («Пищевик»).

На снимке: Н. Громова со своей лошадью «Боржом».

Фото В. Бондаревской

Температура

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки И. Семенова

Восемь часов вечера. Солнце примостилось высоко в сосновых лапах и оттуда тепло поглядывает на Маргариту Петровну, хлопочущую по хозяйству. По дачному участку разносится вкусный запах клубничного варенья. Маленькая Танюша слизывает с блюдечка розовые пенки.

Маргарита Петровна, или, как ласково ее зовет муж, Маргоша,— быстрая, хлопотливая и заботливая, как птичка. У Маргоши уже готов пирог с капустой и яйцами, сварено варенье, приготовлен салат со свежими огурчиками (и салат и огурчики с собственных грядок). На террасе накрыт стол к обеду, посредине стола букет благоухающих левкоев, тоже с собственных клумб.

Маргоша — преподаватель-рецензент немецкого языка на курсах заочного обучения. В ее комнате на столе лежат кипы проверенных работ заочников. На каждом листе, на широких полях, маргошины подробные объяснения к обнаруженным ошибкам. Например, заочник Галиакбер Хабибуллин, отличник, допустил грубейшую ошибку в глаголе «либен» — «любить». Он написал вместо «их либе» — «их либсте»! Маргоше кажется просто невероятным и даже оскорбительным: как это можно после года обучения ошибиться в правильном глаголе «любить».

— Пойдем встречать папу! — просит Танюша.

Они выходят за калитку на зеленую улицу, где босоногие загорелые ребятишки и рыжий бульдог Филька играют в мяч.

— Вон он, папа! — кричит Танюша, завидев в конце улицы плотную фигуру отца.

Алексей Иваныч приветливо помахивает портфелем. В портфеле у него свежие булки, и махать им можно. А в корзинке, которую он несет в другой руке, томат-пюре, пирожные, бутылка вина — корзинкой, разумеется, махать нельзя.

Радостная встреча, все трое целуются. Но заботливая Маргоша беспокойно вглядывается в лицо Алексея Иваныча:

— Ты здоров, Алеша?

— Вполне. А что?

— Ты какой-то красный...

— Просто жарко.

— А дай-ка лоб...

Она касается рукой его потного лба.

— Горячий! И глаза блестят... Ты нездоров!

— Маргоша, душенька, а разве холодный лоб и мутные глаза — признак цветущего здоровья?

— Нет, нет! Надо будет измерить температуру.

Алексей Иваныч смеется, но, делать нечего, уступает. Он усаживается на террасе и в предвкушении вкусного обеда небрежно сует градусник подмышку.

— Дай-ка термометр, — приказывает Маргоша.

— Сорок и пять десятых, — смеется Алексей Иваныч, протягивая градусник жене.

Маргоша смотрит на градусник, и розовое ее лицо бледнеет и вытягивается.

— Так я и знала! Тридцать семь и семь...

— Не может быть! Я же себя прекрасно чувствую.

Губы у Маргоши опускаются, голос вздрагивает:

— Так всегда бывает. Сначала человек себя чувствует прекрасно, а потом оказывается, что у него камни в печени. Нет, нет, окрошки я тебе не дам!

— Маргоша!

— Ни в коем случае! Сейчас сварю манную кашу. Утром опять смеряем, и, если будет повышенная, позову врача. Кстати, профессор Кошатов отдыхает на соседней даче. Он не откажется придти.

Вечер проходит грустно. Алексей Иваныч пробует шутить, но Маргоше не до шуток. В восемь часов утра она снова меряет температуру.

— Тридцать семь и... восемь! На работу ты не поедешь!

— Маргоша, это невозможно! Я должен...

— А если с тобой что-нибудь случится, без тебя не обойдутся?

— Все равно я поеду.

— И я с тобой.

...Танюшу сдают на попечение соседей. Солнечная дачная жизнь омрачается. Маргоша поспешно сбрасывает сарафан, надевает городское платье, шляпу, кладет в сумочку градусник. В вагоне жарко, лицо Алексея Иваныча краснеет. Маргоша с замиранием сердца смотрит на это красное милое лицо. Приезжают вместе на фабрику.

— Маргоша, ведь это глупо! — начинает сердиться Алексей Иваныч. — Я же здоров, как буйвол!

— Не беспокойся, буйволы тоже болеют. А вы, ответственные работники, слишком мало думаете о себе и горите на работе.

Алексей Иваныч безнадежно машет рукой и проходит в свой директорский кабинет, а Маргоша направляется в фабричный комитет.

— У него второй день температура,— горько жалуется она председателю фабкома. — Повлияйте на него, Иван Андреич, хуже будет, если он протянет ноги!

— Нет, мы ему не позволим протягивать ноги! — заявляет председатель.

— Пусть он измерит температуру при вас! — требует Маргоша.

Алексей Иваныч сопротивляется, смеется, сердится, но все-таки засовывает градусник подмышку.

— Тридцать семь — ох! — и девять! Видите?

— Алексей Иваныч, берите машину и уезжайте домой! — решительно говорит председатель фабкома.— Обойдемся без вас.

— Чушь! — сердится Алексей Иваныч, а вместе с тем думает: «Кто ж его знает, отчего эта температура?..»

Он делает последние распоряжения и едет домой с молчаливой, подавленной Маргошей.

Их встречает Танюша с сизой шишкой на лбу: она успела упасть и ушибиться. Алексея Иваныча укладывают в постель. Является профессор Леонид Михайлович Кошатов.

— Нехорошо, нехорошо... Что же это вы выдумали? — приятным баском говорит он, выстукивает, выслушивает Алексея Иваныча и в недоумении крутит головой. — Желудок работает? Голова не болит? Покажите язык? Придется взять анализы.

Маргоша мчится за два километра в поликлинику. Приходит медицинская сестра. Танюшу очень занимает плоский деревянный ящичек с набором стеклышек, но ее уводят, чтоб она не видела, как папе будут колоть палец.

На террасе вместо банок с вареньем появляется ряд бутылочек специального назначения. В доме стоит грустная тишина. Утром градусник показывает опять тридцать семь и семь. Маргоша увозит бутылочки в город на анализ. Температура не спадает и на другой день, хотя анализ ничего угрожающего не показал.

— Туманная картина, — говорит профессор Кошатов. — Придется вам, батенька мой, съездить в город, я вам напишу записочку. Возьмут у вас желудочный сок... Ну и на просвечивание надо...

И опять дом — сирота: Танюша у соседей, грядки с огурцами не политы, вянут на клумбах флоксы, а Маргоша и Алексей Иваныч ходят вверх и вниз по этажам поликлиники. После заглатывания черной противной кишечки Алексей Иваныч начинает чувствовать себя больным и угнетенным. Просвечивание показало, что легкие у него, как кузнечные меха. Значит, опасность грозит с другой стороны. Но с какой?..

Они возвращаются на дачу. На этот раз уже без приказания Маргоши изнемогший Алексей Иваныч ложится в постель. Маргоша в отчаянии.

Она сама, бедная, похудела. Днем возится с Алексеем Иванычем, ночью проверяет работы заочников.

Приходит профессор Кошатов с чемоданчиком.

— Как температура? Еще не измеряли? А ну-ка... — он достает из чемоданчика градусник,— посмотрим.

Маргоша вздыхает безнадежно.

— Маргарита Петровна!.. Тридцать шесть и шесть!

— Нет?! — У Маргоши на лице праздник, розы расцветают на щеках.

И вдруг профессора осеняет догадка:

— Дайте мне ваш термометр!

Он сует его себе под шелковую рубашку. Все терпеливо и с недоумением ждут десять минут. Профессор вынимает градусник, обводит всех тяжелым взглядом:

— Тридцать семь и семь...

— У вас, профессор? Не может быть!

Меряет Маргоша — тридцать семь и восемь! Меряют Танюше — тридцать семь и семь! Профессор Кошатов вне себя:

— Это называется: я отдыхаю! Благодарю вас! Целую неделю ломаю себе голову над этим больн... над этим здоровеннейшим человечищем, и что же оказывается? Оказывается, что термометр нужно зашвырнуть к чертям на пасеку! Хотел бы я знать, где вы достали такую дрянь? Где?

— Это...— Алексей Иваныч густо краснеет. Нет, ни за что он не сознается профессору, что это... продукция его, Алексея Иваныча, фабрики!..

Перед профессором извиняются, его благодарят, ублажают, провожают до калитки.

— Маргоша! — Алексей Иваныч хохочет. Он счастлив, как счастливы и веселы бывают только выздоравливающие. — Мы сумасшедшие, Маргоша!

Но Маргарите Петровне не смешно. Она смотрит на мужа большими ясными глазами, а в них упрек и гнев:

— Алеша, ведь это ужасно! Ты подумай: вы же выпустили сотни таких градусников! Ты представляешь себе, что сотни людей сейчас вот так же, как ты, глотают кишку, сдают анализы?..

— Ну-ну-ну, уж и сотни! — виновато говорит Алексей Иваныч. — Ведь у нас не стопроцентный брак. Самое большое — десяток на тысячу.

— Десяток! А это мало? Разве можно допустить, чтобы даже десять семей так мучились и переживали! Ах, Алеша, как это нехорошо!

Алексей Иваныч сконфуженно морщится. Он так гордился своей продукцией.

— Я еду на фабрику!

— Поезжай, голубчик! Поезжай скорее! — говорит Маргоша и со свойственной ей решительностью добавляет: — И я даже рада — да, да, рада,— что все это произошло именно с тобой! По крайней мере, теперь вы там все, все проверите! Поезжай, Алеша...

ДѢТСКОЕ
ЧТЕНІЕ
ДЛЯ
СЕРДЦА и РАЗУМА.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.
ВЪ Университетской Типографіи
у Н. Новикова
1785.

Первый детский журнал в России

Маленький Сережа Аксаков был вне себя от восторга, когда ему впервые попали в руки эти книжки. «Боясь, чтоб кто-нибудь не отнял моего сокровища,— рассказывал впоследствии писатель,— я пробежал... в детскую, лег в свою кроватку, закрылся пологом, развернул первую часть и — позабыл все меня окружающее...»

Этим сокровищем оказался первый русский детский журнал — «Детское чтение для сердца и разума». Он начал выходить в Москве в 1785 году, 165 лет тому назад. Издателем его был Н. И. Новиков, известный общественный деятель, «ревнитель русского просвещения», а редакторами-составителями — рано умерший, широко образованный А. А. Петров и друг его Н. М. Карамзин, будущий историограф и автор «Бедной Лизы».

Журнал выходил при «Московских Ведомостях» еженедельно небольшими тетрадками по шестнадцать страниц. Содержание его было разнообразно и интересно: в нем печатались повести, сказки, басни, анекдоты, загадки, пьесы, научно-популярные статьи.

Просматривая его номера, мы не найдем в них ни одного стихотворения, ни одной картинки. А весь иллюстративный материал ограничен виньеткой на титульном листе и очень простыми заставками и концовками в тексте. Отсутствуют также подписи авторов.

Но, несмотря на более чем скромную внешность, журнал привлекал к себе ряд поколений маленьких читателей.

«Я читал свои книжки с восторгом...— вспоминает С. Т. Аксаков.— В детском уме моем произошел совершенный переворот, и для меня открылся новый мир... Я узнал в «рассуждении о громе», что такое молния, воздух, облака, узнал образование дождя и происхождение снега. Многие явления в природе, на которые я смотрел бессмысленно, хотя и с любопытством, получили для меня смысл, значение и стали еще любопытнее».

Младший современник Аксакова, В. Г. Белинский, критикуя детские издания 40-х годов XIX века, писал: «Бедные дети! Мы были счастливее вас: мы имели «Детское чтение» Новикова».

«Детское чтение для сердца и разума» с некоторыми изменениями выходило пять лет, по 1789 год включительно. Успех его был столь велик, что в течение двух десятилетий, начиная с 1799 года и кончая 1819 годом, оно неоднократно полностью переиздавалось в Москве, во Владимире и Орле.

Борис АЛЕКСЕЕВ

ШАХМАТЫ

Под редакцией чемпиона мира гросмейстера
М. БОТВИННИКА

Турнир в Польше

Недавно закончился большой международный турнир в Щавно Здруе (Польша) — одно из интереснейших соревнований 1950 года.

Это соревнование является важным звеном в цепи турниров, проводимых странами народной демократии, где трудящиеся массы получили доступ к культуре и вместе с тем и к шахматам.

На буржуазном Западе шахматы являются делом «частной инициативы», уделом привилегированных групп. Иное положение в странах народной демократии. Здесь на государственные средства проводятся национальные и международные состязания, выпускается шахматная литература, государство и общественные организации поддерживают шахматистов, поощряют массовое распространение шахматной игры среди трудящихся и способствуют повышению мастерства своих лучших представителей.

На турнире в Польше выступила большая группа польских мастеров, а также представители Венгрии, Чехословакии и Румынии. Основной интерес турнира заключался, конечно, в участии советских мастеров и гросмейстеров.

Советские мастера сейчас настолько сильны, что хотя в турнире принял участие лишь один из ведущих наших гросмейстеров — П. Керес, — тем не менее почти все советские участники вполне успешно защищали спортивную честь социалистического Отечества.

Турнир был посвящен памяти польского мастера Д. Пшепюрки, погибшего в концентрационном лагере от рук гитлеровских палачей. Д. Пшепюрка в свое время был участником многих международных соревнований и известным составителем шахматных задач.

На протяжении всего соревнования лидерство принадлежало гросмейстеру П. Кересу, однако спортивная борьба на турнире была весьма упорной. Долгое время с ним конкурировали венгерские шахматисты — гросмейстер Л. Сабо и мастер Г. Барца; в последних турах наибольшие «неприятности» доставил лидеру турнира молодой советский мастер М. Тайманов, но П. Керес с большой энергией и хладнокровием продвигался вперед и блестяще завоевал первое место.

Это — лучшее достижение П. Кереса за последние три года: начиная с турнира в Пярну (1947 г.) ему не удавалось добиваться подобных результатов.

Незаурядного успеха добился М. Тайманов, который впервые представлял за рубежом советскую шахматную школу. Международный «экзамен» он выдержал очень хорошо: еще в последнем туре он сохранял шансы на первое место (М. Тайманову для этого надо было выиграть у П. Кереса — партия их закончилась вничью). Показательно, что общий отличный итог был достигнут М. Таймановым после плохого старта. От него можно ждать больших достижений, если он, не надеясь на свой природный талант, будет еще серьезнее изучать шахматы.

Наравне с М. Таймановым оказались представители Венгрии Л. Сабо и Г. Барца. Это, конечно, не случайно, ибо венгерские шахматисты являются одними из сильнейших в Европе.

Успешно выступили гросмейстер И. Бондаревский и мастер Е. Геллер (СССР), они поделили 5—6-е места. Все же, надо полагать они не вполне удовлетворены своими результатами. Если вспомнить, что на последнем чемпионате СССР Е. Геллер «чуть-чуть» не завоевал первенства, то его результат на турнире в Щавно Здруе следует признать более скромным, нежели на XVII чемпионате.

Седьмой приз завоевал чехословацкий мастер Фолтыс — опытный участник международных турниров.

Турнир в Щавно Здруе вызвал большой интерес, и не только среди польских шахматистов. Представители Польши в целом выступили со средним результатом, хотя они и добивались большого успеха в отдельных встречах: так, польский мастер Пытляковский оказался единственным из участников, которому удалось одержать победу над победителем турнира гросмейстером П. Кересом. Следует, однако, иметь в виду, что вырастить сильного шахматного мастера — дело нелегкое, требующее нескольких лет. Польские шахматисты могут не сомневаться, что со временем они выдвинут сильных мастеров, и турнир в Щавно Здруе сыграл в этом отношении важную роль

На турнире было сыграно много живых и интересных партий. Одна из таких партий была сыграна между советскими мастерами М. Таймановым и В. Симагиным.

Сначала белые (М. Тайманов) добились решающего позиционного преимущества, но затем позволили черным развить все фигуры и создать контршансы.

В позиции на снимке (белые — М. Тайманов: Крg1, Фc2, Лc1, g4, Ca2, b2, Кc5, П. a3, b4, e3, f2, g2, h2. Черные — В. Симагин: Крg8, Фe7, Лa8, d6, Сc6, c7, Кd5, П. a6, b7, e6, f6, g7, h7) белые угрожают как маневром 24. Кe4 с последующим С:d5 и К:f6 +, так и простым продолжением 24. e4, Кb6, 25. e5. В. Симагин, используя слабую защищенность первой горизонтали, находит, однако, остроумное возражение.

24. . . . Лa8—d8!

Теперь на 25. e4 следует 25. ...Кb6, и черные в свою очередь угрожают ходом 26. ...Лd2; на 25. Сb1 черные могут ответить 25 ...g6; белые решают поэтому провести свою основную угрозу. Итак —

25. Кc5—e4 h7—h5

Необходимый промежуточный ход. Коня e4 следует лишить поддержки со стороны белой ладьи.

26. Лg4—g6 Кd5 : b4!!

Хорошо рассчитанная комбинация: на 27. ab следует 27. ...С : e4, и белым впору сдаваться, а после 27. К : f6 + Ф : f6 28. С : f6 К : c2 29. С : d8 (29. Л : g7 + Крf8 30. С : d8 С : d8) Л : d8! (29. ...С : d8 30. Л : e6) положение черных предпочтительней.

Белые в свою очередь находят остроумную защиту, связанную с временной жертвой ферзя.

27. Кe4 : d6 Кb4 : c2

Приходится. Соблазнительное продолжение 27. ...Ф : d6 28. ab Сe4 (28. ...Ф : h2+ 29. Крf1) не достигало цели ввиду 29. Л : g7+!

28. Кd6—f5 Фe7—d7

Или 28. ...Фc5 29. С : e6+ Крf8 (на 29. ...Крh8 также следовало 30. С : f6!) 30. С:f6!

Теперь белые должны отыграть ферзя.

29. Лg6 : g7 + Фd7 : g7
30. Сa2 : e6 + Крg8—h7

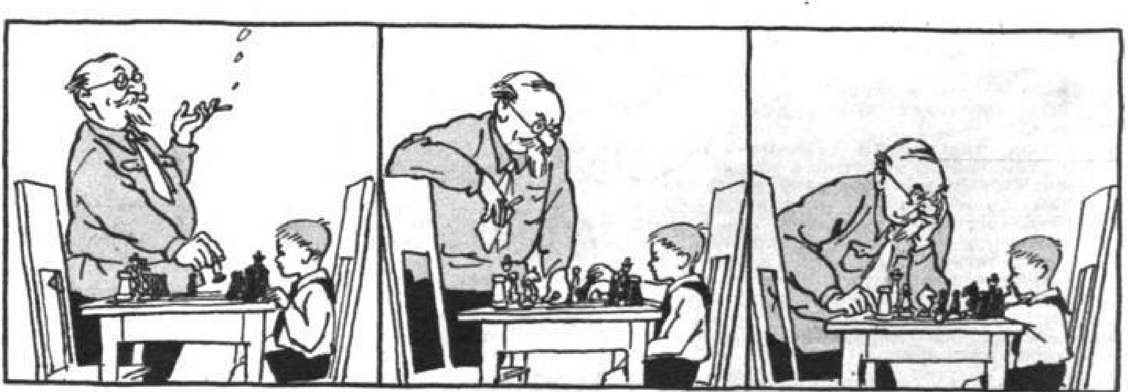
На 30. ...Фf7 могло последовать 31. Кh6 +

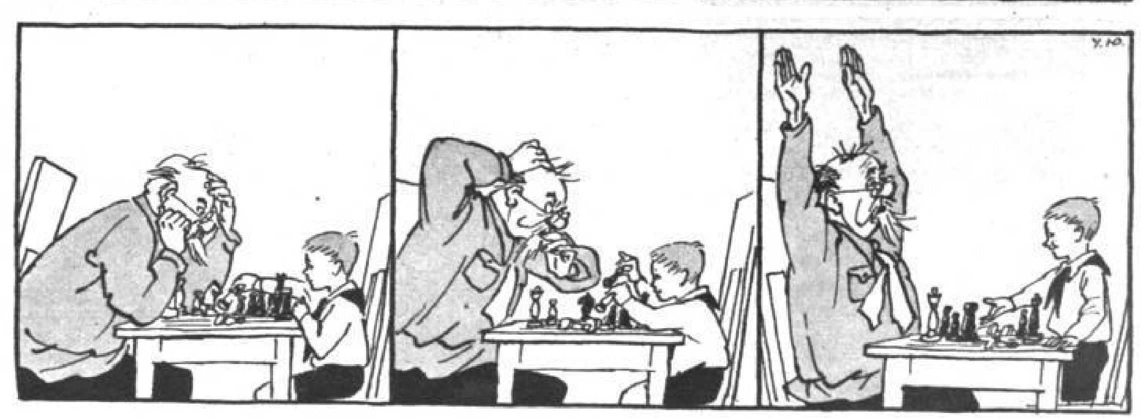
31. Кf5 : g7 Крh7 : g7
32. Сe6—b3 . . .

Здесь хитрым способом черные могли сохранить материальный перевес: 32. ...Сe4 33. С : c2 С : c2 34. Сd4 Лc8! И после 32. ...К : e3 33. fe Сb6! (33... Лd2 белые парируют путем 34. Лc2) 34. Сd4 С : d4 35. ed Л : d4, у черных, повидимому, был бы выигранный конец. В. Симагин сыграл иначе — 32. ...К : a3 и также должен был выиграть, но после обоюдных промахов партия закончилась мирным исходом.

Итак, еще одно международное соревнование закончилось победой советских мастеров — сильнейших шахматистов нашего времени.

НЕДООЦЕНИЛ ПРОТИВНИКА

Рисунки Ю. Узбякова

Переход от лета к осени совершается незаметно: кругом еще все зелено, а листья кой-где уже пожелтели и падают. В средней полосе России листопад начинается в августе, а к 23 сентября, когда «Астрономический ежегодник» отмечает наступление осени, листопад в разгаре.

Средняя температура сентября — 10,3 градуса в Москве — лишь немного ниже майской. В сентябре выпадает сравнительно с маем больше осадков и резко сокращаются часы солнечного сияния.

Каждая пора года имеет свою прелесть. Как прощальный отблеск погожих дней, улыбается короткое «бабье лето» (14—21 сентября), и золотая осень предстает во всем своем очарованье и разнообразии красок. Около этого же времени бывают и первые заморозки, иногда даже перепадает снег. «Холоден сентябрь, да сыт» — говорит пословица, отмечая и заморозки и окончание уборки урожая.

Таков обычно характер этого месяца. Впрочем, случается, что осень стоит настолько сухая и теплая, что вторично зацветают многие растения. Такая осень с яркосиним небом, серебряной паутиной на пустых полях и скромными звездочками вновь зацветающей где-нибудь на опушке земляники — как бы сплошное, удивительно длинное «бабье лето».

В погожие сентябрьские дни хорошо собирать в лесу плоды и семена деревьев и кустарников для лесоразведения.

В сентябре рыболовы продолжают блеснить, ловить на дорожку и на кружки щук и окуней, но в холодеющей воде рыба уходит в глубину, и клев становится все хуже и хуже. Зато начинает брать любитель низких температур — налим.

Над просторами осенних полей еще кружат сбившиеся в стаи грачи, но птиц с каждым днем становится все меньше: стаями и в одиночку улетают они в теплые края. Средний срок пролета журавлей — 27 сентября. В обратный путь — на юг — пернатые, не то что весной, летят теперь медленно, задерживаясь то там, то здесь, словно им жаль расставаться с родными местами.

С 27 сентября, по народному календарю, «насекомые и гады движутся в землю», прячутся от холодов. Постепенно замирает природа.

В средней полосе России в сентябре идет уборка и заготовка картофеля и овощей, на юге сеют озимые, заканчивают уборку подсолнечника, бахчевых культур, желтых табаков и махорки.

Первый месяц осени богат астрономическими явлениями: из четырех затмений солнца и луны, происходящих в 1950 году, два приходятся на сентябрь: 12-го — полное затмение солнца, видимое в СССР, в Арктике и в крайней северо-восточной части Азии; 26-го — полное затмение луны, видимое под утро в западной части СССР.

В ночь с 29 на 30 сентября произойдет еще одно интересное астрономическое явление: планеты Сатурн и Венера будут особенно близко расположены друг к другу. Их следует наблюдать под утро в восточной части неба.

Б. М.

БИЗНЕС —

реклама в американских газетах

Газеты США полны крикливых реклам. Чтобы всучить покупателю залежалые товары, бизнесмены, большие и малые, не брезгуют никакой ложью, никакими посулами и шутовскими трюками. Приводимые ниже образцы реклам, взятые из печати США, дают некоторое представление об уровне культуры современной торгашеской Америки.

* * *

«Теперь точно установлено, что из всех биржевиков, которые во время краха 1929 года повесились на своих галстуках, 82 и девять десятых процента висели на галстуках фирмы Хевнис и Хеллис.

Был случай, когда сторож, обнаруживший повесившегося, не решился обрезать петлю. Испортить кусок такого великолепного шелка? Никогда!»

* * *

«Становитесь художниками! Рубенс до сих пор незабываем, и его картины, несмотря на кризис, продолжают быть в цене.

Вам, однако, предоставляются сейчас возможности бо́льшие, нежели те, которыми располагали Рубенс или Рембрандт. Вы можете стать художником-рекламистом или рисовать мультипликации для кино и сделаться таким образом миллионером.

Все необходимые для этого знания вам дадут наши заочные курсы. Плата — всего пять долларов».

ПОДУМАЙ!

ВОДЯНОЙ ПАР

Часто мы слышим, как говорят: «Вода в чайнике, наверное, закипела: из носика пар идет...»

Однако говорящие так допускают ошибку. Какую?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ в № 34

«Боязнь пустоты»

В то время ученые еще не знали, что воздух имеет вес. Несколько позднее было установлено, что давление атмосферы уравновешивается столбом воды в 10,3 метра. Это доказал Торичелли.

В 1643 году он изобрел прибор для измерения атмосферного давления — барометр.

Горящий сахар

Сахар не горит, потому что ему не хватает катализатора (вещество, ускоряющее или замедляющее химическую реакцию и само при этом не изменяющееся).

Но стоит посыпать этот же кусочек сахара катализатором, как сахар загорится. Таким катализатором в данном случае мог быть табачный пепел.

ШАШКИ

Решение этюда В. Кочура, помещенного в № 33

1. f8—h6 c3—d2 (если 1. ... c1—b2, то 2. h6—d2 c3 : e1; 3. c5—f2 e1 : g3; 4. h2 : a1 и т. д.); 2. c5—b6! h4—g3 (если 2. ... d2—e1, то 3. b6—f2 e1 : g3; 4. h2 : f4 и т. д.) 3. h2 : f4 d2—e1; 4. b6—a5 c1 : g5; 5. h6 : d2 и выигрывают.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Французский писатель. 4. Военное соединение. 7. Угольный бассейн в СССР. 11. Вождь крестьянского восстания в России. 12. Конической формы отвал породы. 13. Геометрическое тело. 14. Дирижер и композитор. 16. Жировая приправа к тесту. 19. Водонепроницаемая камера для подводных работ. 22. Вещество, выделяемое в кровь железами внутренней секреции. 24. Величина, выражающая степень колебания. 25. Головной убор. 26. Пленка на поверхности остывшей жидкости. 27. Столица союзной республики. 28. Время года. 29. Южное водяное растение. 31. Небольшая сеть. 33. Высокий детский голос. 35. Пластинка в рояле. 36. Трава-сорняк. 39. Знак оплаты почтовых сборов. 40. Обращение к массам. 43. Река в Сибири. 47. Футлярчик для острия карандаша. 48. Военачальник. 49. Дикий горный козел. 50. Название числа. 51. Агитационный рисунок с кратким текстом.

По вертикали:

1. Тропический древовидный злак. 2. Союзная республика. 3. Щит, на котором расположены экспонаты выставки. 4. Полуостров на севере СССР. 5. Спортсмен, достигший наибольших успехов. 6. Корнеплод. 7. Сообщение на специальную тему в собрании. 8. Жир, образующийся на поверхности жидкого кушанья при варке. 9. Наиболее передовая часть организации. 10. Комплект посуды. 15. Газ. 17. Глава русского ополчения в XVII веке. 18. Прибор, пробивающий условные знаки контроля. 19. Карманный мешочек для денег. 20. Мыс на берегу Берингова моря. 21. Горизонтальная горная выработка. 23. Название водопада. 30. Линия полета снаряда или пули. 32. Систематические упражнения. 34. Часть головы птицы. 37. Водяной источник. 38. Разговор. 39. Документ, удостоверяющий полномочия предъявителя. 41. Поручение. 42. Единица измерения силы электрического тока. 44. Ударение. 45. Млекопитающее из семейства тюленей. 46. Род опухоли.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 34

По горизонтали:

1. Коллектив. 8. Древесина. 9. Монтажник. 11. Проза. 12. «Арион». 13. Арина. 17. Координаты. 18. Кандалакша. 21. Фланг. 22. Полчаса. 23. Аракс. 25. Аника. 27. Спора. 29. Каска. 31. Мотив. 32. Каллиграфия. 33. Лауреат. 34. Манизер. 35. Комментатор. 36. Топот. 40. Свифт. 42. Бекас. 44. Пакет. 45. Терем. 47. Клиника. 48. Будка. 49. Тарантелла. 51. Марионетка. 52. Ампир. 54. Финик. 56. Пламя. 57. Тарелочка. 58. Сантиметр. 59. Авторитет.

По вертикали:

1. Книга. 2. Луара. 3. Единица. 4. Туман. 5. Ванна. 6. Лесопильня. 7. Карикатура. 8. Диссонанс. 10. Кронштадт. 11. Порог. 14. Анапа. 15. Стопа. 16. Тарас. 19. Планиметрия. 20. Лаборатория. 21. Факультет. 24. Сыворотка. 26. Красота. 28. Природа. 30. Агент. 31. Минус. 37. Пергамент. 38. Мелитополь. 39. Мелиорация. 41. Индикатор. 43. Скала. 44. Палаш. 46. «Млада». 48. Бремя. 50. Санитар. 53. Ручка. 54. Фрахт. 55. Кисет. 56. Пункт.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А — 04386. Подписано к печати 22/VIII—50 г. Изд. № 571. 5½ печ. л. Тир. 406.000. Заказ 2189. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Министерство пищевой промышленности СССР ★ Главпарфюмер

ПРЕКРАСНЫЕ СРЕДСТВА

ДЛЯ БРИТЬЯ

МЫЛЬНЫЙ КРЕМ В ТУБЕ,
КРЕМ-ЖЕЛЕ „СЕВЕРНЫЙ" ДЛЯ СМЯГЧЕНИЯ КОЖИ
И ГИГИЕНИЧЕСКИЙ ОСВЕЖАЮЩИЙ ТРОЙНОЙ ОДЕКОЛОН.

Цена 3 руб.